РУССКІЙ ПАРНАССЪ

BIBLIOTHECA MUNDI

РУССКІЙ ПАРНАССЪ

СОСТАВИЛИ

АЛЕКСАНДРЪ И ДАВИДЪ ЭЛІАСБЕРГЪ

INSEL-VERLAG / LEIPZIG

Цицеронъ.

Ораторъ римскій говорилъ:
«Средь буръ гражданскихъ и тревоги,
Я поздно всталъ и на дорогѣ
Застигнутъ ночью Рима былъ!»
Такъ! Но, прощаясь съ римской славой,
Съ Капитолійской высоты
Во всемъ величьѣ видѣлъ ты
Закатъ звѣзды ея кровавой! . . .

Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника на пиръ.
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

1836. *Ѳ. И. Тютчевъ.*

М. В. Ломоносовъ.

1711—1765

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь:
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.

Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ:
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ?
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Г. Р. Державинъ.

1743—1816

Благодарность Фелицѣ.

Предшественница дня златаго
Весення утрення заря,
Когда изъ понта голубаго
Ведетъ къ намъ звѣзднаго царя, —

Румяный взоръ свой осклабляетъ
На чела горъ, на лоно водъ,
Багрянымъ златомъ покрываетъ
Поля, лѣса и неба сводъ.

Крылаты кони по эѳиру
Летятъ и разсѣкаютъ мракъ;
Любезное свѣтило міру
Пресвѣтлый свой возноситъ зракъ;
Бѣгутъ толпами тѣни черны.
Какое зрѣлище очамъ!
Тамъ блещетъ брегъ въ рѣкѣ зеленый,
Тамъ свѣтятъ перлы по лугамъ;

Тамъ степи, какъ моря, струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ;
Тамъ тучи журавлей стадятся,
Валторнъ съ высотъ пуская громъ;
Тамъ небо всюду лучезарно
Янтарнымъ пламенемъ блеститъ:
Мое такъ сердце благодарно
Къ тебѣ усердіемъ горитъ —

Къ тебѣ усердіемъ, Фелица,
О кроткій ангелъ во плоти,
Которой разумъ и десница
Намъ кажутъ къ счастію пути!
Когда тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота,
Внемли . . . Но въ чувствіи безмѣрномъ
Мои безмолвствуютъ уста.

Когда поверхъ струистой влаги
Благопріятный дунетъ вѣтръ,
Попутны вострепещутъ флаги
И ляжетъ между водныхъ нѣдръ
За кораблемъ сребро грядою:
Тогда испустятъ гласъ пловцы
И съ восхищенною душою
Вселенной полетятъ въ концы.

Когда небесный возгорится
Въ піитѣ огнь, онъ будетъ пѣть;
Когда отъ бремя дѣлъ случится
И мнѣ свободный часъ имѣть, —
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты;
Тогда ко мнѣ пріидутъ Музы,
И лирой возгласишься ты.

Пчелка.

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ,
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ,
Сахаръ ли бѣлый
Грудь у нея?

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
«Къ меду прилипнувъ,
Съ нимъ и умру.»

Соловей во снѣ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, Соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей:

То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ, —
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ
Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
Эти пѣсни слышны мнѣ,
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стану жъ жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

Побѣда красоты.

Какъ храмъ ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ аѳинской левъ оградѣ
И ревомъ городу грозилъ.

Она копья непобѣдима
Ко ополченью не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла — и подъ оливой стала,
Блистая легкою броней;
Младую нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

Левъ шелъ — и подъ его стопою
Приморскій влажный брегъ дрожалъ;
Но, встрѣтясь вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувства кроткія, умильны
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Стыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть,
Цвѣточной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.

Не разъ потомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и ярость львовъ;
Красою мужество сражалось,
И побѣждала все — любовь.

На бракъ графини Литты.

Діана съ голубаго трона,
Въ полукрасѣ своихъ лучей,
Въ объятія Эндиміона
Какъ сходитъ скромною стезей,
Въ хитонъ воздушный облеченна,
Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ, —
Въ безмолвной тишинѣ вселенна
На лунный блескъ ея глядитъ;
Иль виноградна вѣтвь младая,
Когда подпоры лишена,
Поблекнетъ, долу упадая,
Но, вѣтеркомъ оживлена,
Вкругъ стебля новаго средь лѣта,
Обвившись листьями, встаетъ,
Цвѣтетъ и, солнцемъ обогрѣта,
Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ:

Такъ ты, въ женахъ о милый ангелъ,
Магнитъ очей, заря безъ тучъ, —
Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ
И кинулъ на тебя свой лучъ, —
Подобно розѣ развернувшись,
Любви душою расцвѣла.
Ты Красота, что, улыбнувшись
Свой поясъ Марсу отдала.

Лебедь.

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ;
Но будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.

Лечу, парю, — и подъ собою
Моря, лѣса, міръ вижу весь;
Какъ холмъ онъ высится главою,
Чтобы услышать Богу пѣснь.

Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспiйскихъ водъ,
Народы, свѣта съ полукруга,
Составившiе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ:
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь,
И всѣ, что бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, и рекутъ:

«Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ
И, проповѣдуя миръ мiру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! хоръ Музъ, не пой! —
Супруга! облекись терпѣньемъ:
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

Послѣднiе стихи.

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

И. Ѳ. Богдановичъ.

1743—1803

Венера.

(Изъ поэмы «Душенька»)

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвинулъ весь Нептуновъ Дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.

Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
Иной вокругъ ея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ
Сбираетъ жемчуги на днѣ
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхо́мъ,
Гоня далёко всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги
И, чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ.
Другой изъ краевъ самыхъ дальнихъ
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несётъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
«О, еслибъ видъ сей», онъ вѣщаетъ,
«Остался вѣчно въ хрусталѣ!»
Но тщетно то тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ призракъ сей, какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втунѣ тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,

Пуская къ верху водный ключъ.
Сирены сладкія пѣвицы,
Межъ-тѣмъ поютъ стихи ей въ честь:
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякій трудъ,
Богинѣ опахаломъ машутъ;
Другія жъ, красотамъ дивясь,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать . . .
Иной власы ея взвиваетъ,
Межъ-тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И, съ ними спутавшись летитъ;
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
Любовь ей на ухо свиститъ;
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды
И падаетъ безъ силъ средь водъ;
Другой въ уста и въ очи дуетъ
И ихъ украдкою цалуетъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

И. И. Дмитріевъ.

1760—1837

Размышленіе по случаю грома.

Гремитъ! Благоговѣй, сынъ персти!
Се ветхій деньми съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ.
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цалую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И — исчезаю предъ Тобой.

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіѣ:
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ — и мчится на скалу.

Ты дхнёшь — и двинешь океаны,
Рѣчешь — и вспять они текутъ;
А мы? — одной волной подъяты
Одной волной поглощены.
Вся наша жизнь, о Безначальный,
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари!

Пѣсня.

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее — увы! но тщетно:
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ:
Голубокъ на-вѣкъ уснулъ.

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, изъ далека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла —
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ,
Но — увы! прелестна Хлоя,
Не проснется милый другъ!

Къ Хлоѣ.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
  Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
  Взоръ свой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
  Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
  Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
  Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
  Привилась полынь.

Роза не увяла —
  Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
  Аромату нѣтъ.

Хлоя, какъ ужасенъ
  Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
  Для красы порокъ!

В. А. Жуковскій.

1783—1852

Близость весны.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

Пѣсня.

Розы расцвѣтаютъ —
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ
Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной

Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцвѣтетъ.

Розы расцвѣтаютъ —
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой расцвѣтетъ.

Изъ баллады «Свѣтлана».

. . . Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою . . .»

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ . . .
Вотъ . . . легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами

Кто-то, чудилось, блеститъ
  Яркими глазами . . .
Занялся отъ страха духъ . . .
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
  Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса,
Укротились небеса;
  Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась . . . милый къ ней
  Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
  Нѣтъ для насъ разлуки.
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
  Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
  Храмъ блеститъ свѣчами.»
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
  Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Въ нетерпѣньи кони рвутъ
  Повода шелковы.

Сѣли . . . кони съ мѣста въ разъ;
  Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
  Вьюга надъ санями.
Скачутъ . . . пусто все вокругъ,
  Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
  Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
  «Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
  Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
  Топчутъ снѣгъ глубокій . . .
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
  Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
  Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
  Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
  «Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
  Блѣденъ и унылый.

Вдругъ метелица кругомъ;
  Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
  Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: *печаль!*
  Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
  Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонёкъ;
Виденъ мирный уголокъ,
  Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
  Мчатся дружнымъ бѣгомъ . . .

. . . О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
  Ты, моя Свѣтлана . . .
Будь, Создатель, ей покровъ!
  Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
  Къ ней да не коснется;
Въ ней душа — какъ ясный день;
  Ахъ! да пронесется

Мимо — бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
  Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
  Дней ея подруга.

Привидѣніе.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
  Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
  Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —
Явилася она передо мною
  Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
  Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
  И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла,
  Съ темно-кудрявой головой;

То, вдругъ всю ткань чудесно распустивши,
  Какъ призракъ, исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
  Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
  Вдругъ . . . покрывало подняла . . .
Трикраты имъ куда-то поманила . . .
  И скрылася . . . какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье . . .
  Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
  Душа осталася полна.

Ночь.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,

Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

Листокъ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь? . . . «Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтѣ *все* стремится,
Куда и листъ лавровый мчится,
И легкій, розовый листокъ.»

Птичка.

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужъ нѣтъ!

Гдѣ же ты, птичка?
Гдѣ ты, пѣвичка?
Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты;
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою.

Котикъ и козликъ.

Тамъ котикъ усатый
По садику бродитъ,
А козликъ рогатый
За котикомъ ходитъ;
И лапочкой котикъ
Помадитъ свой ротикъ;
А козликъ сѣдою
Трясетъ бородою.

Въ сардамскомъ домикѣ.

Надъ бѣдной хижиною сей
Витаютъ ангелы святые:
Великій князь, благоговѣй!
Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!

Къ портрету Гете.

Свободу смѣлую принявъ себѣ въ законъ,
Всезрящей мыслію надъ міромъ онъ носился,
И въ мірѣ все постигнулъ онъ —
И ничему не покорился.

Покойнику.

(А. С. Пушкину)

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ — въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ . . . и спросить мнѣ хотѣлось: что видишь?

Воспоминаніе

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ!*
Но съ благодарностію: *были.*

К. Н. Батюшковъ.

1787—1855

Надежда.

Мой духъ! довѣренность къ Творцу!
Мужайся; будь въ терпѣньи камень.
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти, чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?

Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ и непогоду,
И силу, въ бѣдствѣ сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру, стезею потаенной,
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ Вожатый неизмѣнный?

Онъ! Онъ! Его все даръ благой!
Онъ есть источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой,
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ его: и краше всѣхъ
Даровъ, Надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Мой Геній.

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.
Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубыя,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милый, незабвенной,
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель Геній мой — любовью

Въ утѣху данъ разлукѣ онъ:
Засну ль? приникнетъ къ изголовью
И усладитъ печальный сонъ.

Пробужденіе.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ окованныхъ мечтами:
Но я — не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива:
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами.

Элегія.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
  Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
  Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
  Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
  И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
  Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить, душа не знаетъ стройныхъ словъ.
  И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

Вакханка.

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Вѣтры съ шумомъ разнесли
Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бѣжала
Легче серны молодой. —
Эвры волосы взвѣвали
Перевитые плющомъ;
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмѣля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ
Пурпуровый виноградъ —
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце льетъ огонь и ядъ!
Я за ней, — она бѣжала
Легче серны молодой; —
Я настигъ; она упала!
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо насъ;
И по рощѣ раздавались
Эвоэ! и нѣги гласъ!

Изъ посланія «Мои Пенаты».

. . . И ты, моя Лилетта,
Въ смиренный уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ переодѣта!

Подъ шляпою мужской
И кудри золотыя,
И очи голубыя,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащъ широкой,
Мечомъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись . . .
Вошла — нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣваютъ по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня;
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣтеръ межъ листами,
Мнѣ шепчетъ: «я твоя,
Твоя, мой другъ сердечной! . . .»
Блаженъ въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастья,
На ложѣ сладострастья,
До утреннихъ лучей
Спокойно обладаетъ,
Спокойно засыпаетъ
Близъ друга сладкимъ сномъ!

Уже потухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И пташки теплы гнѣзды,
Что свиты подъ окномъ,
Щебеча покидаютъ

И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ,
И все любовью дышетъ
Среди полей моихъ;
Все съ утромъ оживаетъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ . . .
И вѣтеръ тиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдулъ дымчатый покровъ . . .
И въ локоны златые
Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись;
Сквозь тонкія преграды
Нога, ища прохлады,
Скользитъ по ложу внизъ . . .
Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пирахъ! —
Покойся, другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
Богинею слѣпою
Забытъ я отъ пеленъ:
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ;
Въ убожествѣ съ тобой
Мнѣ милъ шалашъ простой;
Безъ злата милъ и красенъ
Лишь прелестью твоей! . . .

. . . Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами

Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ;
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ —
Товарищи любезны!
Не сѣтуйте о насъ.
Къ чему рыданья слезны,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему? . . . Но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ:
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливцевъ молодыхъ!

И. И. Козловъ.

1779—1840

Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ —
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ;
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ —
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ.

Денисъ Давыдовъ.

1784—1839

Пѣсня стараго гусара.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра
И диваномъ — кипа сѣна.

Трубки чорныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И усы перебѣгаетъ.

Ни полслова! Дымъ столбомъ . . .
Ни полслова! Всѣ мертвецки
Пьютъ и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю порхаетъ:
Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.

Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится . . .
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится.

А теперь что вижу? — страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ:
Въ вицъ-мундирѣ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ: умнѣй они!
Но что слышишь отъ любова:
«Жомини, да Жомини!»
А объ водкѣ ни полслова:

Отвѣтъ.

Я не поэтъ, я партизанъ, казакъ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ,

И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ! не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь, нѣгу и покой . . .
Пусть грянетъ Русь военною грозой —
Я въ этой пѣсни запѣвало.

Посланіе Бурцову.

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака
Посѣти домишко мой!
Въ немъ нѣтъ нищихъ у порогу,
Нѣтъ въ немъ зеркалъ вазъ, картинъ,
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ.
Онъ гусаръ — и не пускаетъ
Мишурою пыль въ глаза:
У него, братъ, замѣняетъ
Всѣ диваны — куль овса;
Нѣтъ курильницъ, можетъ-статься,
Зато трубка съ табакомъ;
Нѣтъ картинъ — да замѣнятся
Ташкой съ царскимъ вензелемъ.
Вмѣсто зеркала, сіяетъ
Ясной сабли полоса:
Онъ по ней лишь поправляетъ
Два любезные усà
А на мѣсто вазъ прекрасныхъ,
Бѣломраморныхъ, большихъ,
На столѣ стоятъ ужасныхъ
Пять стакановъ пуншевыхъ.
Они полны, увѣряю!
Въ нихъ сокрытъ небесный жаръ.

Пріѣзжай — я ожидаю —
Докажи, что ты гусаръ!

Вальсъ.

Кипитъ потокъ въ дубравѣ шумной
И мчится скачущей волной,
И катитъ въ ярости безумной
Песокъ и камень вѣковой.

Но покоренъ красой невольно,
Колышетъ ласково потокъ
Слетѣвшій съ берега на волны
Весенній, розовый листокъ.

Такъ бурей вальса не сокрыта,
Такъ отъ толпы отличена,
Летитъ воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита.

Виновница тоски моей,
Волненья чувствъ моихъ и думы,
И поэтическихъ безумій,
И поэтическихъ страстей!

Душенька.

Бывали ль вы въ странѣ чудесъ,
Гдѣ жертвой грознаго велѣнья,
Въ глуши земного заточенья,
Живетъ изгнанница небесъ?

Я былъ, я видѣлъ божество;
Я пѣлъ ей пѣснь съ восторгомъ новымъ,
Я осѣнилъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.

Я, какъ младенецъ, трепеталъ
У ногъ ея въ уничиженьи.
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзалъ.

Ахъ! Мнѣ ль божественной къ стопамъ
Несть обольщенія искусство?
Я весь былъ гимнъ, я весь былъ чувство,
Я весь былъ чистый ѳиміамъ.

И что ей нашъ земный восторгъ,
Слова любви? — Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительныхъ тревогъ,

Изъ-подъ рѣсницъ ея густыхъ
Горитъ и гаснетъ взоръ стыдливый . . .
Но отчего души порывы
И вздохи персей молодыхъ?

Былъ мигъ; пролетная мечта
Скользнула по лицу прекрасной,
И вспыхнули ланиты страстно,
И загорѣлися уста.

Но это мигъ — игра одна
Какихъ-то думъ . . . воспоминанье
О томъ небесномъ обитаньѣ,
Откуда изгнана она.

Иль, скучась безъ нея, съ небесъ
Воздушный гость, незримый мною,
Амуръ съ повинной головою
Предсталъ, нѣмѣющій отъ слезъ.

И очи онъ возвелъ къ очамъ,
И пробудилъ въ груди волненья,
Отъ жаркихъ устъ прикосновенья
Къ ея трепещущимъ устамъ.

Полусолдатъ.

Нѣтъ, братцы, нѣтъ: полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

Вы видѣли: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика Куртинца;
Лечу стремглавъ, не дуя въ усъ,
На ножъ и шашку Кабардинца.

Все такъ — но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами,

И все кипитъ, и все гремитъ;
А я, межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убитъ,
Душой и мыслію далеко.

Я не внимаю стуку чашъ
И спорамъ, вкругъ солдатской каши,
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши.

Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, на Балканѣ,
На Эльбѣ, на войнѣ родной,
На льдахъ Торнео, на Секванѣ?

Бывало слово: другъ, явись!
И ужъ Денисъ съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнутъ — и Денисъ
Какъ тутъ, и чашу осушаетъ.

На скачку, на борьбу — готовъ,
И чтимый *выродкомъ* глупцами,
Онъ, расточитель острыхъ словъ,
Ихъ хлещетъ прозой и стихами.

Иль въ карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской буркѣ;
Или вкругъ свѣтлаго костра
Танцуетъ съ дѣвками мазурки.

Нѣтъ, братцы, нѣтъ: полу-солдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы велѣньемъ
Отъ крова мирнаго — въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.
Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключъ нагорный,
И Алагьёзъ, нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

Но воинъ нашъ не упоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края . . .
Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека груда снѣговая . . .
На немъ знакомый вихрь, на немъ громады льда,
И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда.

Кн. П. А. Вяземскій.

1792—1878

О. С. Пушкиной.

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милой,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.

Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата;
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

Удѣлъ его: блескъ славы вѣчнольстивой,
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой въ безпечности счастливой.

Но для него ты благотворнѣй будь:
Свѣти ему звѣздою безмятежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты услаждай тоскующую грудь.

Вечеръ.

Прелестный вечеръ! въ сладкомъ обаяньи
Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ.
И небеса въ безоблачномъ сіяньи
И вся земля почила въ тишинѣ.

Куда бъ глаза пытливо не смотрѣли,
Таинственной завѣсой міръ одѣтъ.
Слухъ звука ждетъ, — но звуки онѣмѣли;
Движенья ищетъ взоръ — движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листъ, не зарябится влага,
Не проскользнетъ воздушная струя;

Все тишь! . . . какъ будто въ пресыщеньи блага
Жизнь замерла, и не слыхать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ
Не истощенье силъ, не мертвый сонъ;
Присущны здѣсь и таинство живое,
И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ,
И въ неподвижной красотѣ своей
Прохладный вечеръ, молча, расточаетъ
Поэзію безъ звуковъ, безъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда въ тѣни нѣмѣя,
Все, притаясь, глубокій миръ хранитъ
И тихій ангелъ, крыльями чуть вѣя,
Землей любуясь, медленно паритъ, —

Природа вся цвѣтетъ, красуясь пышно
И насъ склоня къ мечтамъ и забытью,
Передаетъ незримо и неслышно
Намъ всю любовь и душу всю свою.

Вечерняя звѣзда.

Моя вечерняя звѣзда,
Моя послѣдняя любовь!
На вечерѣющій мой день
Отрады лучъ пролей ты вновь!

Порою невоздержныхъ лѣтъ
Мы любимъ пылъ и блескъ страстей,
Но полу-радость, полу-свѣтъ
Намъ на закатѣ дня милѣй.

Ѳ. Н. Глинка.

1786—1880

Утреннее чувство.

Я рано по утру вставалъ,
Когда еще алѣло небо,
И душу гладную питалъ
Молитвы кроткой сладкимъ хлѣбомъ.
И въ тепломъ воздухѣ потомъ,
Когда лучей и дня разливы
Златили лѣсъ, скалы и нивы,
Я, въ восхищеніи святомъ,
Безъ бурь, безъ помысловъ, — свободный —
Въ какомъ-то счастьи утопалъ
И, мнилось, съ воздухомъ вдыхалъ
Порывъ къ святому благородный —
И быть земнымъ переставалъ! —
Но суетливость пробуждалась,
И шумъ касался до меня . . .
И вдругъ душа моя сжималась
Какъ вѣтвь травы — *нетронь меня!*

Исканіе Бога.

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой, какъ жатву, смялъ лѣса,
И горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ!
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ —
Но Бога въ буряхъ не видалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни съ градомъ съ горъ катились,

И грозно небеса дымились . . .
И, трепетный, звалъ Бога я —
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Все стало пыломъ, все огнемъ —
Но Бога я не видѣлъ въ немъ!

И въ слѣдъ за бурей — тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышетъ жизнью неземною . . .
Все стало сладкой тишиною,
И я въ дали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога въ тишинѣ!

К. Ѳ. Рылѣевъ.

1796—1826

Царевичъ Алексѣй въ Рождественѣ
(Изъ «Думъ»)

Страшно воетъ лѣсъ дремучій,
Вѣтръ въ ущеліяхъ свиститъ,
И украдкой изъ-за тучи
Мѣсяцъ въ Орединжъ глядитъ.

Тамъ — разбросаны жилища
Утѣсненной нищеты,
Здѣсь — стоятъ средь красоты
Деревенскаго кладбища

Деревяные кресты.
Между горъ, какъ подъ навѣсомъ,
Волны свѣтлыя бѣгутъ
И во-слѣдъ себѣ ведутъ
Берега, поросши лѣсомъ.

Кто жъ сидитъ на черномъ пнѣ
И, вокругъ глядя со страхомъ,
Въ полуночной тишинѣ
Тихо шепчется съ монахомъ?
«Я готовъ, отецъ святой!
Но вѣдь онъ — родитель мой . . .»
— Не лжеумствуй своенравно! —
(Слышенъ голосъ старика)
— Гибель церкви православной
Вижу я издалека . . .
Видишь самъ: ужъ все презрѣнно —
Предковъ нравы и права,
И обычай ихъ священный
И родимая Москва.

— Ждетъ спасенья наша вѣра
Отъ тебя, младой герой!
Иль не зришь себѣ примѣра:
Мать твоя передъ тобой.
Все царица въ жертву Богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
Въ рай иль въ адъ тебѣ дорога? . . .
Сынъ мой, слушай чернеца:
Иль отца забудь для Бога
Или Бога для отца! —
Смолкъ монахъ. Царевичъ юный
Съ пня поднялся, говоря:
«Такъ и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!»

---

* * *

(Стихотвореніе это написано вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ)

Ахъ, гдѣ тѣ острова
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
  Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle
И летятъ подъ постель
  Святцы . . .
Гдѣ Бестужевъ — драгунъ
Не даетъ карачунъ
  Смыслу;
Гдѣ нашъ князь — чудодѣй
Не бросаетъ людей
  Въ Вислу;
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ цари
  Въ фанты;
Гдѣ Булгаринъ Ѳадей
Не боится когтей
  Танты[1] . . .
Гдѣ Магницкій молчитъ
А Мордвиновъ[2]) кричитъ
  Вольно;
Гдѣ не думаетъ Гречъ,
Что его будутъ сѣчь
  Больно!
Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдаетъ, какъ клоповъ
  Варомъ . . .
Гдѣ Измайловъ — чудакъ
Ходитъ въ каждый кабакъ
  Даромъ . . .

. . . .

¹) „Танта" — сварливая теща О. В. Булгарина.
²) Графъ Н. С. Мордвиновъ — членъ государственнаго совѣта.

Такъ въ ненастные дни
Собирались они
  Часто;
Гнули, — Богъ ихъ прости! —
Отъ пятидесяти
  На сто;
И выигривали
И отписывали
  Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
  Дѣломъ.

Кн. А. И. Одоевскій.

1802—1839

Желаніе непробуднагó сна.

Еще твой образъ свѣтлоокій
Стоитъ и дышетъ предо мной.
Какъ въ душу онъ запалъ глубоко —
Тревожитъ онъ ея покой!

Я помню грустную разлуку.
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ, пожала руку
И мнѣ сказала: «не забудь!»

Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой . . .
И все — какъ сонъ! Ужель видѣнье —
Мечта души моей больной?

Но если только сновидѣнья
Играли бѣдною душой —
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

* * *

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ чорную годину я дѣлилъ?
Ты знаешь ихъ? Какъ я, ты жалъ имъ руку
И передалъ мнѣ дружній разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ:
И я опять внималъ родному звуку —
Казалось, былъ на родинѣ моей
Опять въ кругу союзниковъ-друзей.

Такъ путники идутъ на богомолье,
Сквозь огненно-песчанный океанъ —
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль; лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы —
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

Съ сѣвера на югъ.

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы — на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ —
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ;
Но солнце намъ души не отогрѣетъ
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей накроетъ тѣнью?

А. С. Пушкинъ.

1799—1837

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тиши дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной
И, радуя меня наградою случайной
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Имянины.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Имянинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Имянинникъ буду я?

Примѣты.

(А. А. Олениной)

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны

Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.
Я ѣхалъ прочь: иные сны . . .
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.
Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты:
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

Надпись къ бесѣдкѣ.

Съ благоговѣйною душой
Приблизься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному прiюту.
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

Изъ Анакреона.
Ода LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженымъ таврамъ,
Узнаемъ Парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сiяетъ пламень томный —
Наслажденiй знакъ нескромный.

---

* * *

Въ рощахъ карiйскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями и тѣнью..

Входъ заслонило въ извивахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ.
Звонкой дугой съ камня на камень сбѣгая, пещерное дно
затопляя,
Рѣзвый ручей пробиваетъ глубокое русло,
Тихо по рощѣ густой, веселя ее, вьется
Сладкимъ журчаньемъ . . .

---

* * *

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя обратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ бѣлыхъ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой —
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

Изъ «Подражаній Корану».

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой:

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою, съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О, дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи
Не отравляемомъ ничѣмъ.

---

* * *

(Подражаніе Пѣсни пѣсней Соломона).

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.

Склонись ко мнѣ главою нѣжной
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

---

* * *

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой . . . Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — оттого
Что не любить оно не можетъ.

Подражаніе арабскому.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный
Не стыдись, на вѣкъ ты мой!
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь-въ-точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

Подражаніе итальянскому.

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ свой добычей смрадной
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной.
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ
И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

Къ А. П. Кернъ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Петру Александровичу Плетневу.

(Посвященіе къ «Онѣгину»)

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній.
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Къ портрету Жуковскаго.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

---

19 Октября 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей
Свою святую годовщину
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину,
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль друзья . . . Но двадцать лѣтъ
Тому прошло, и что же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ;
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти Духъ средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ долѣ:
Они разбросанные спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой,
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой,
И надо всѣми мы рыдали.

И мнится очередь за мной,
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и гордыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ.
Почившимъ пѣснь окончилъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ —
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

Изъ повѣсти «Мѣдный всадникъ».

. . . .

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался . . .
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный властелинъ судьбы!

Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ Державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь. Онъ мраченъ сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ —
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
«Ужо тебѣ! . . .» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря
Лицо тихонько обращалось . . .
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

. . . .

Изъ первой главы романа «Евгеній Онѣгинъ».

. . . .

XLVI

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,

Стоялъ задумчиво Евгеній,
Какъ описалъ себя Піитъ.
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И насъ плѣняли вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ.

XLIX

Адріатическія волны,
О Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкою младой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ,
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.
. . . .

Изъ альбома Онѣгина.

Вчера у В. — оставя пиръ
R. С. летѣла, какъ Зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой

За Одалиской молодой.
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нея поймать успѣлъ,
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи.
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

---

* * *

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

Зимнее утро.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!
Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче . . . погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами

Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

---

* * *

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалой
У меня звенитъ въ ушахъ
Лучъ луны сіяетъ алой,
Серебрится снѣжный прахъ . . .

Стансы.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый

Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ, съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Осень.

I

Октябрь ужъ наступилъ; — ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей,
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ —
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей,
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы —

II

Теперь моя пора: я не люблю весны,
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь — весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ,
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ пылая и дрожа!

III

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги? . . .
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ:
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ — нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной да пыль, да комары да мухи.
Ты всѣ душевныя способности губя
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ — и жаль зимы старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно
Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
(Я нѣчто въ ней нашелъ) мечтою своенравной.

VI

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна —
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ —
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса —
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой Зимы угрозы.

VIII

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь,
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ,
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ — я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ — таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ.)

IX

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ,
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ —
Но гаснетъ краткій день — и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ — то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X

И забываю міръ — и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI

Стальные рыцари, угрюмые Султаны,
Монахи, карлики, Арапскіе цари,
Гречанки съ четками, Корсары, Богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, Жиды, Богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари —
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами
Съ висками гладкими и томными очами.

XII

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ,
Но чу! — матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII

Плыветъ . . . Куда жъ намъ плыть? Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи иль вѣчные снѣга . . .

Изъ драматическихъ сценъ «Пиръ во время чумы».

Предсѣдатель (поетъ):

Когда могучая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой;

И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой . . .
Что дѣлать намъ и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тьма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И Дѣвы-розы пьемъ дыханье —
Быть можетъ . . . полное Чумы!

Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ: лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листами,
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полётъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ ушамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И праздномловный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, Пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

---

* * *

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.

Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
A. M. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ, какъ по скаламъ
Мчались въ битву Паладины
Именуя громко дамъ, —

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала Мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальній,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Три ключа.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной
Таинственно пробились три ключа:

Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Элегія.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье,
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть — на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Воспоминаніе.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной
  Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
  Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
  Но строкъ печальныхъ не смываю.
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
  Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
  Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
  На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
  Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
  Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
  Мнѣ Ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
  И стерегутъ . . . и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
  О тайнахъ вѣчности и гроба! . . .

Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризну, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?

Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу . . .

---

* * *

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Предполагаемъ жить . . . и глядь, все прахъ: умремъ.
На свѣтѣ счастья нѣтъ, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Памятникъ

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
  Александрійскаго столпа.

Нѣтъ, весь я не умру — душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья избѣжитъ,
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
  Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
  Тунгузъ и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ прославилъ я Свободу
  И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна
Обиды не страшась, не требуя вѣнца
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Бар. А. А. Дельвигъ.

1798—1831

Вдохновеніе.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любитель музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ обманъ, въ любви разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами.

Двѣ звѣздочки.

Со мною мать прощалася
(Съ полкомъ я шелъ въ далекій край);
Весь день лила родимая
Потоки слезъ горючіе,
А вечеромъ свела меня
Къ сестрѣ своей кудесницѣ;
Въ дверь стукнула, нѣтъ отклика,

А за дверью шелохнулось;
Еще стучитъ, огонь сѣкутъ;
Въ окно глядимъ, тамъ свѣтится.
Вотъ въ третій разъ стучитъ, кричитъ:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отопрешься ль? — Нѣтъ отзыва!
Мы часъ стоимъ, другой стоимъ:
А за дверью огонь горитъ,
Дрова трещатъ, котлы кипятъ,
Ворчатъ, поютъ нерусское.
Но полночь бьетъ, все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать, пождать, дверь скрыпнула,
Идетъ, поетъ кудесница:

«Туманъ, туманъ! Въ туманѣ свѣтъ!
То, дитятко, звѣзда твоя!
Туманъ тебѣ: немилый край;
Туманный свѣтъ: туманно жить.
Молись, молись! Туманъ пройдетъ,
Туманъ пройдетъ, звѣзда блеснетъ,
Звѣзда блеснетъ привѣтнѣе,
Привѣтнѣе, прилучнѣе!»

Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ давно я вѣдаю
Тоску-печаль, злодѣйку грусть;
Злодѣйка-грусть въ душѣ живетъ.
Такъ, старая кудесница,
Туманъ, туманъ немилый край!
Въ немъ тошно жить мнѣ молодцу!
Но та звѣзда, та ль звѣздочка
Свѣти иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки
Привѣтныя, прилучныя:
Глаза ль моей красавицы!

Мы.

Бѣдные мы! Что нашъ умъ? сквозь туманъ озаряющій факелъ,
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слезъ;
Счастіе наше въ невѣдѣньи жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

Утѣшеніе.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! разставаяся съ міромъ,
Злобу людей и судьбы сердцемъ прости и забудь.
Къ солнцу впослѣднее взоръ обрати, какъ Руссо, и утѣшься:
Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, въ миртахъ пробудятся тамъ.

Романсъ.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
Не кудри мои надѣвая,
«Стыдись», восклицали, «мечтатель — пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая!»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли —

Я съ ними; но жребьи, враждебные намъ
  Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
  Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
  Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали — я часто въ слезахъ
  Былъ черной повязкой украшенъ;
Брань стихла: гдѣ жъ други? лежатъ на поляхъ
  Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
  Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
  Мнѣ тяжко веселье чужое.

Е. А. Баратынскій.

1800—1844

* * *

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ
Все цѣпенѣетъ;

Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Зачѣмъ тоскуя
Въ окно слѣжу я
Мятели летъ!
Любимцу счастья
Кровъ отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пылъ летучій
Мнѣ веселятъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечтаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О Провидѣнье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытія.
Скорбя душою,
Въ тоскѣ моей,
Склонюсь главою
На сердце къ ней.
И подъ мятежной
Мятелью бѣдъ,
Любовью нѣжной
Ея согрѣтъ,
Забуду вскорѣ
Крутое горе
Какъ въ этотъ мигъ

Забылъ природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мятежный крикъ.

Пироскафъ.

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны.
Вотъ надъ кормою сталъ капитанъ.
Визгнулъ свистокъ его. Братствуя съ паромъ,
Вѣтру нашъ парусъ раздался не даромъ;
Пѣнясь глубоко вздохнулъ океанъ!

Мчимся: колеса могучей машины
Роютъ волнистое лоно пучины,
Парусъ надулся. Берегъ исчезъ.
Наединѣ мы съ морскими волнами,
Только что чайка вьется за нами
Бѣлая, рѣя межъ водъ и небесъ.

Только вдали, океана жилица,
Чайкѣ подобна, водъ его птица,
Парусъ развивъ какъ большое крыло,
Съ бурной стихіей въ томительномъ спорѣ
Лодка рыбачья качается въ морѣ:
Съ брегомъ набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золъ;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,
Прежде чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!

Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога:
Жадныя длани я къ ней простиралъ!
Темную страсть мою днесь награждая,

Кротко щадитъ меня немочь морская:
Пѣною здравья брызжетъ мнѣ валъ!

Нужды нѣтъ: близко ль, далеко ль до брега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Ѳетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной!

Водопадъ.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзвукомъ долины.
Я слышу: свищетъ Аквилонъ,
Качаетъ елію скрипучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашенъ.
Зачѣмъ съ безшумнымъ ожиданьемъ
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?
Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.
Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзвукомъ долины.

Недоносокъ.

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ

Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами.
Блещетъ солнце: радость мнѣ!
Съ животворными лучами
Я играю въ вышинѣ
И веселыми крылами
Ластюсь къ нимъ, какъ облачко;
Пью счастливо воздухъ тонкой:
Мнѣ свободно, мнѣ легко,
И пою я птицей звонкой.
Но ненастье заревётъ,
И до облакъ сводъ небесный,
Омрачившись, вознесетъ
Прахъ земной и листъ древесный.
Бѣдный духъ! Ничтожный духъ!
Дуновенье роковое
Вьетъ, крутитъ меня какъ пухъ,
Мчитъ подъ небо громовое.
Бури грохотъ, бури свистъ!
Вихорь хладный! вихорь жгучій!
Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій!
Обращусь ли къ небесамъ,
Оглянуся ли на землю:
Грозно, черно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.
Смутно слышу я порой
Кличъ враждующихъ народовъ,
Поселянъ безпечныхъ вой
Подъ грозой ихъ переходовъ,
Громъ войны и крикъ страстей,
Плачъ недужнаго младенца . . .
Слезы льются изъ очей:
Жаль земного поселенца!
Изнывающій тоской

Я мечусь въ поляхъ небесныхъ,
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ!
Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся, чуждъ земного края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.
Міръ я вижу, какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу . . . На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о вѣчность!

Въ альбомъ.

(А. Θ. Закревской).

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла,
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты,
И какъ русалка ты хохочешь.

Звѣзды.

Мою звѣзду я знаю, знаю,
И мой бокалъ
Я наливаю, наливаю
Какъ наливалъ.
Гоненьямъ рока, злобѣ свѣта
Смѣюся я:

Живетъ, не здѣсь, въ звѣздахъ Моэта
  Душа моя!
Когда-жъ коснутся устъ прелестныхъ
  Уста мои, —
Не нужно мнѣ ни звѣздъ небесныхъ,
  Ни звѣздъ Аи!

Старикъ.

Вѣнчали розы, розы Леля
Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ младой:
Я былъ счастливый пустомеля
И дѣвамъ нравился порой.
Я помню ласки ихъ живыя,
Лобзанья, полныя огня . . .
Но пролетѣли дни младые;
Они не смотрятъ на меня!
Какъ быть? У яркаго камина,
Въ укромной хижинѣ моей,
Накрою столъ, поставлю вина
И соберу моихъ друзей.
Пускай вѣнокъ, сплетенный Лелемъ,
Не обновится никогда;
Года, увѣнчанные хмелемъ,
Еще прекрасные года.

---

* * *

Благословенъ святое возвѣстившій!
Но въ глубинѣ разврата не погибъ
Какой-нибудь неправедный изгибъ
Сердецъ людей предъ нами обнажившій.
Двѣ области: сіянія и тьмы
Изслѣдовать равно стремимся мы.
Плодъ яблони со древа упадаетъ:
Законъ небесъ постигнулъ человѣкъ!
Такъ въ дикій смыслъ порока посвящаетъ
Насъ иногда одинъ его намекъ.

---

* * *

На что вы, дни! Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнитъ!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулитъ.
Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!
И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно
Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ міракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустого дня!

На смерть Гете.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ онъ предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,

Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
  Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой онъ жизнью одною дышалъ:
  Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
  И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
  И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
  И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
  Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
  Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Смерть.

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.
О дочь верховнаго Эѳира!
О свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.
Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равновѣсья дикихъ силъ,

Въ твое храненье Всемогущій
Его устройство поручилъ.
И ты летаешь надъ твореньемъ
Согласье прямъ его лія
И въ немъ прохладнымъ дуновеньемъ
Смиряя буйство бытія.
Ты укрощаешь возстающій
Въ безумной силѣ ураганъ,
Ты, на брега свои бѣгущій,
Вспять возвращаешь океанъ.
Даешь предѣлы ты растенью,
Чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ
Земли губительною тѣнью,
Злакъ не возсталъ бы до небесъ.
А человѣкъ! святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.
Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.
Недоумѣнье, принужденье —
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Молитва.

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

В. А. Тепляковъ.

1800 (?) до 1838

Изъ «Ѳракійскихъ Элегій».

Плывемъ. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные,
Златой струится блескъ по синему пути.
Прости, земля! прости, Россія!
Прости, о родина, прости!
Безумецъ, что за грусть? Въ минуту разлученья,
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее — мудренымъ, тяжкимъ сномъ —
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ
И бездны передъ ней отверстыя казало.
Пусть такъ; но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Приди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый наложила.
О, мать, душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь, сны сердца, прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните:
Тамъ никому меня не жаль.
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ, въ твоемъ сіяньи
Сгараетъ, тонетъ мысль моя!

Шумите, паруса, шумите!
Мечты о родинѣ — молчите:
Тамъ никому меня не жаль.
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою —
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ.
Гуляйте-жъ, вѣтры — не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль,
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите! . . .

Н. М. Языковъ.

1803—1846

Генiй.

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ —
Огонь могучiй проникалъ
Живую душу Елисѣя:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она.

Такъ генiй радостно трепещетъ,
Свое величье познаётъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генiя полётъ:
Его воскреснувшая сила

Мгновенно зрѣетъ для чудесъ —
И міру новыя свѣтила
Дѣла избранника небесъ.

Сомнѣніе.

Когда зовутъ меня поэтомъ
Уста ровесницы харитъ,
И соблазнительнымъ привѣтомъ
Она мечты мои живитъ;
Когда душѣ моей опасенъ
Любви могущественный жаръ:
Я молчаливъ, я не согласенъ,
Я берегу небесный даръ; —
Избранникъ бога пѣснопѣнья,
Надменно чувствуя, кто я —
Означу ль свѣтомъ вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навыкъ бытія?
Сей міръ поэзіи обычной
Онъ тѣсенъ славѣ: міръ иной
Свободный, свѣтлый, безграничный,
Какъ рай лежитъ передо мной!

Элегія.

Мнѣ ль позабыть огонь и живость
Твоихъ лазоревыхъ очей,
Златистый шелкъ твоихъ кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаній,
Предметомъ грусти, сладкихъ сновъ
И гармоническихъ стиховъ
Мнѣ будетъ жаръ твоихъ лобзаній
И страшный смыслъ прощальныхъ словъ.

Но я поэтъ — благоговѣю
Предъ этимъ именемъ святымъ:
Пусть буду вѣкъ тобой любимъ,
Пусть я зову тебя своею;
Ты назови меня своимъ!

Землетрясенье.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И геллеспонтская пучина
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ,
И пѣсню ту принесъ онъ долу,

Священнымъ трепетомъ объятъ,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носись душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Къ музѣ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій миръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава.
И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли,
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.

Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда — торжественно-мирна —
Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идетъ
И смотрится въ лазури водъ.

Водопадъ.

Море блеска, гулъ, удары —
И земля потрясена:
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

Вонъ пловецъ! Его отъ брега
Быстриною унесло:
Въ синій сумракъ водобѣга
Упираетъ онъ весло.
Тщетно! бурную стремнину
Онъ не силенъ оттолкнуть;
Далеко его въ пучину
Броситъ каменная круть.

Мирно гибели послушный,
Убралъ онъ свое весло,
Онъ потупилъ равнодушно
Безнадежное чело;
Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ —
И къ пучинѣ волнъ и скалъ
Роковымъ своимъ потокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары —
И земля потрясена:
То стеклянная стѣна

О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

Подражаніе Псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.

И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечемъ ли руку ополчитъ —
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: — его народы
Возлюбятъ правду: весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу — дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Пловецъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ

Много бѣдъ погребено.
Смѣло братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней!
Смѣло братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой . . .
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой!

Д. В. Веневитиновъ.

1805—1827

Къ любителю музыки.

Молю тебя не мучь меня:
Твой шумъ, твои рукоплесканья,
Языкъ притворнаго огня,
Безсмысленныя восклицанья
Противны, ненавистны мнѣ.
Повѣрь, привычки рабъ холодный,
Не такъ, не такъ восторгъ свободный
Горитъ въ сердечной глубинѣ.
Когда-бъ ты зналъ, что эти звуки,
Когда бы тайный ихъ языкъ

Ты чувствомъ пламеннымъ проникъ, —
Повѣрь, уста твои и руки
Сковались бы, какъ въ часъ святой,
Благоговѣйной тишиной.
Тогда-бъ ты не желалъ блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты-бъ въ углу, уединенный,
Таилъ вселюбящую грудь.
Тебѣ бы люди были братья,
Ты-бъ въ тайнѣ слезы проливалъ
И къ нимъ горячія объятья,
Какъ другъ вселенной, простиралъ.

---

* * *

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ . . .
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ какъ океанъ безбрежный . . .
Найду ли я утесъ надежной,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль, вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что любить, что нѣтъ?

Открой глаза на всю природу, —
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ, —
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ;
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья,
Какъ сонъ туманный, пролетятъ,

И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ: —
Смирится гордое желанье,
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья.

Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушной,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
А утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

Жизнь.

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.

Кой-что страшитъ издалека,
Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньи
Ночная повѣсть старика.

Но кончится обманъ игривый,
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ — на все глядимъ лѣниво,
Потомъ — и жизнь постыла намъ.

Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Послѣдніе стихи.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ звукъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

1803—1873

Видѣніе.

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ.

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ . . .
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу;
Лишь музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ!

Полдень.

Лѣниво дышитъ полдень мглистый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые!
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ.
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный, —
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

---

* * *

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала.

И доносилися порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй, —
Строй звучный, шумный и невнятный.

Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ,
Но странно было пробужденье.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ,
И воцарилося молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ
И полусонное мерцанье;

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,
И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

---

* * *

Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ;
Снѣгъ растаялъ и ушелъ;
Вешній злакъ блеститъ въ равнинѣ, —
Злакъ увянетъ и уйдетъ.

А который вѣкъ бѣлѣетъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ?
А заря и нынѣ сѣетъ
Розы свѣжія на нихъ! . . .

Въ іюлѣ 1850 года.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ, свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по знойной мостовой.

---

* * *

Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отрадный, день любезный,
Какъ золотой покровъ свила, —
Покровъ, накинутый надъ бездной.
И, какъ видѣнье, внѣшній міръ ушелъ . . .
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь, и немощенъ, и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной.
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое . . .

---

* * *

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,

И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.

Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

---

* * *

Ночное небо такъ угрюмо,
Заволокло со всѣхъ сторонъ:
То не угроза и не дума —
То вялый, безотрадный сонъ!
Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.
Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступятъ изъ мраку
Поля и дальніе лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ на высотѣ . . .

---

* * *

Пламя рдѣетъ, пламя пышетъ,
Искры брызжутъ и летятъ,
А на нихъ прохладой дышетъ
Изъ-за рѣчки темный садъ.
Сумракъ тутъ, тамъ жаръ и крики,
Я брожу какъ бы во снѣ,
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мнѣ.

Трескъ за трескомъ, дымъ за дымомъ,
Трубы голыя торчатъ,
А въ покоѣ нерушимомъ
Листья вѣютъ и шуршатъ.
Я, дыханьемъ ихъ обвѣянъ,
Страстный говоръ твой ловлю;
Слава Богу, я съ тобой,
А съ тобой мнѣ, какъ въ раю.

---

* * *

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что̀ значитъ странный голосъ твой
То глухо-жалобный, то шумной?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И ноешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться . . .
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится! . . .

---

* * *

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ, какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера . . .
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все — просторъ вездѣ,
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.

Пустѣетъ воздухъ, птицъ не слышно болѣ;
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть . . .
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ;
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

Слезы.

Слезы людскія, о слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порою, —
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя, —
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночною.

* * *

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,

Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Mal'aria.

Люблю сей Божій гнѣвъ! Люблю сіе, незримо
Во всемъ разлитое, таинственное зло —
Въ цвѣтахъ, въ источникѣ, прозрачномъ, какъ стекло,
И въ радужныхъ лучахъ, и въ самомъ небѣ Рима!
Все та жъ высокая, безоблачная твердь,
Все такъ же грудь твоя легко и сладко дышетъ,
Все тотъ же теплый вѣтръ верхи деревъ колышетъ,
Все тотъ же запахъ розъ . . . и это — все есть смерть!

Какъ вѣдать? Можетъ-быть и есть въ природѣ звуки,
Благоуханія, цвѣта и голоса, —
Предвѣстники для насъ послѣдняго часа̀
И усладители послѣдней нашей муки.
И ими-то судебъ посланникъ роковой,
Когда сыновъ земли изъ жизни вызываетъ,
Какъ тканью легкою свой образъ прикрываетъ,
Да утаитъ отъ нихъ приходъ ужасный свой!

Безуміе.

Тамъ, гдѣ съ землею обгорѣлой
Слился, какъ дымъ, небесный сводъ,
Тамъ въ беззаботности веселой
Безумье жалкое живетъ.

Подъ раскаленными лучами,
Зарывшись въ пламенныхъ пескахъ,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищетъ въ облакахъ,

То вспрянетъ вдругъ и, чуткимъ ухомъ
Припавъ къ растреснувшей землѣ,
Чему-то внемлетъ жаднымъ слухомъ
Съ довольствомъ тайнымъ на челѣ.

И мнитъ, что слышитъ струй кипѣнье,
Что слышитъ токъ подземныхъ водъ,
И колыбельное ихъ пѣнье,
И шумный изъ земли исходъ.

Silentium.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изрѣченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Безсонница.

Часовъ однообразный бой —
Томительная ночи повѣсть! —

Языкъ для всѣхъ равно чужой
И внятный каждому, какъ совѣсть!

Кто безъ тоски внималъ изъ насъ,
Среди всемірнаго молчанья,
Глухія времени стенанья,
Пророчески-прощальный гласъ?

Намъ мнится: міръ осиротѣлый
Неотразимый рокъ настигъ,
И мы, въ борьбѣ съ природой цѣлой,
Покинуты на насъ самихъ.

И наша жизнь стоитъ предъ нами,
Какъ призракъ на краю земли —
И съ нашимъ вѣкомъ и друзьями
Блѣднѣетъ въ сумрачной дали.

И новое, младое племя
Межъ тѣмъ на солнцѣ расцвѣло,
А насъ, друзья, и наше время
Давно забвеньемъ занесло.

Лишь изрѣдка, обрядъ печальный
Свершая въ полуночный часъ,
Металла голосъ погребальный
Порой оплакиваетъ насъ!

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
И стройный мусикійскій шорохъ
Струится въ зыбкихъ камышахъ.

Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаёмъ.

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего-же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщетъ мыслящій тросникъ?

По дорогѣ во Вщижъ.

Отъ жизни той, что бушевала здѣсь,
Отъ крови той, что здѣсь рѣкой лилась,
Что уцѣлѣло, что дошло до насъ?
Два-три кургана видимъ мы по-днесь . . .

Да два-три дуба выросли на нихъ,
Раскинувшись и широко и смѣло,
Красуются, шумятъ, и нѣтъ имъ дѣла,
Чей прахъ, чью память кроютъ корни ихъ.

Природа знать не знаетъ о быломъ,
Ей чужды наши призрачные годы,
И передъ ней мы смутно сознаёмъ
Себя самихъ — лишь грезою природы.

Поочередно всѣхъ своихъ дѣтей,
Свершающихъ свой подвигъ безполезный,
Она равно привѣтствуетъ своей
Все поглощающей и миротворной бездной.

---

* * *

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови,
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ какъ стихія,
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поноситъ или хвалитъ
Поэта суетный народъ:
Онъ не змѣею сердце жалитъ,
Но какъ пчела его сосетъ.

Твоей святыни не нарушитъ
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ жизнь задушитъ
Иль унесетъ за облака.

---

* * *

Люблю глаза твои, мой другъ.
Съ игрой ихъ пламенно — чудесной,
Когда ихъ приподымешь вдругъ
И словно молніей небесной
Окинешь бѣгло цѣлый кругъ . . .

Но есть сильнѣй очарованье:
Глаза потупленные ницъ,
Въ минуты страстнаго лобзанья,
И сквозь опущенныхъ рѣсницъ
Угрюмый, тусклый огнь желанья . . .

Послѣдная любовь.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй . . .
Сіяй, сіяй, прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ брежжитъ сіянье,

Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись, очарованье!

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность . . .
О ты, послѣдняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

А. С. Хомяковъ.

1804—1860

* * *

О, грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ,
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ,
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ . . .
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла предъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ . . .
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньѣ новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ! . . .

* * *

Не говорите: «То былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;

А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ.»
Нѣтъ, этотъ грѣхъ — онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ вашихъ жилахъ и въ крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми къ любви.

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той године,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель русской стороны.
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новгородъ, его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя — святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ, —
Но у бездушнаго кумира,

У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды родного края, —
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

Ночь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И надъ кровомъ темной тишины
Ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній,

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутренѣ звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ! . . .
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный.
Такъ, какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

А. И. Полежаевъ.

1807—1838

Пѣснь погибающаго пловца.

I

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный!
Вотъ крутится
Вихорь бурный!
Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ . . .
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

II

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный;
Все страшнѣе
Воютъ бездны.
Глубь безъ дна —
Смерть вѣрна!
Какъ заклятый
Врагъ грозитъ,
Вотъ девятый
Валъ бѣжитъ! . . .

III

Горе, горе!
Онъ настигнетъ:
Въ шумномъ морѣ
Челнъ погибнетъ!
Гробъ готовъ . . .
Трескъ громовъ
Надъ пучиной
Ярыхъ водъ
Вздохъ пустынный
Разнесетъ!

IV

Даръ завѣтный
Провидѣнья,
Гость привѣтный
Наслажденья —
Жизнь иль мигъ!
Не привыкъ
Утѣшаться
Я тобой, —
И разстаться
Мнѣ съ мечтой!

V

Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный
Другъ свободы,
Съ юныхъ лѣтъ
Въ море бѣдъ
Я направилъ
Быстрый бѣгъ,
И оставилъ
Мирный брегъ!

VI

На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ;
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ!

VII

Какъ минутный
Прахъ въ эѳирѣ,

Безпріютный
Странникъ въ мірѣ,
Одинокъ,
Какъ челнокъ,
Узъ любови
Я не зналъ,
Жаждой крови
Не сгоралъ!

VIII

Парусъ бѣлый,
Перелетный,
Якорь смѣлый
Беззаботный,
Тусклый лучъ
Изъ за тучъ,
Проблескъ дали
Въ тьмѣ ночей —
Замѣняли
Мнѣ друзей!

IX

Что жъ мнѣ въ жизни
Безъизвѣстной?
Что въ отчизнѣ
Повсемѣстной?
Чѣмъ страшна
Мнѣ волна?
Пусть настигнетъ
Съ вѣчной мглой,
И погибнетъ
Трупъ живой.

X

Все чернѣе
Сводъ надзвѣздный;
Все страшнѣе
Воютъ бездны.

Вѣтръ свиститъ,
Громъ гремитъ,
Море стонетъ —
Путь далекъ . . .
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

Водопадъ.

Между стремнинъ, съ горы высокой,
Ручьи прозрачные журчатъ
И вдругъ, сливаясь въ токъ широкій,
Являютъ грозный водопадъ.
Громады водъ буграми хлещутъ
Въ паденьи быстромъ и крутомъ
И, разлетѣвшись, ярко блещутъ
Вокругъ серебрянымъ дождемъ;
Реветъ и стонетъ гулъ протяжной
По разорвавшейся рѣкѣ
И, исчезая съ пѣной влажной,
Смолкаетъ глухо въ далекѣ.
Вотъ наша жизнь! Вотъ образъ вѣрной
Погибшей юности моей!
Она въ красѣ нелицемѣрной
Сперва катилась какъ ручей;
Потомъ, въ пылу страстей безумныхъ,
Быстра, какъ горный водопадъ,
Исчезла вдругъ при плескахъ шумныхъ,
Какъ эха дальняго раскатъ.
Шуми, шуми, о сынъ природы!
Ты безотрадною порой
Пѣвцу напомнишь блескъ свободы
Своей свободною игрой!

---

* * *

Я погибалъ:
Мой злобный геній

Торжествовалъ.
Отступникъ мнѣній
Своихъ отцовъ,
Врагъ утѣсненій,
Какъ царь духовъ,
Въ душѣ безбожной
Надежды ложной
Я не питалъ,
И изъ Эреба
Мольбы на небо
Не возсылалъ.
Мольба и вѣра
Для Люцифе́ра
Не созданы:
Гордынѣ смѣлой
Онѣ смѣшны.
Злодѣй созрѣлый
Въ виду смертей,
Въ когтяхъ чертей —
Всегда злодѣй.
Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменень,
Какъ хладный камень,
Ожесточенъ,
Какъ сѣрный пламень,
Я погибалъ
Безъ сожалѣній,
Безъ утѣшеній:
Мой злобный геній
Торжествовалъ.
Печать проклятій —
Удѣлъ моихъ
Подземныхъ братій,
Тирановъ злыхъ
Себя самихъ —

Уже клеймилась
Въ моемъ челѣ,
Душа ко мглѣ
Уже стремилась . . .
Я былъ готовъ
Безъ тайной власти
Сорвать покровъ
Съ моихъ несчастій.
Послѣдній день
Сверкалъ мнѣ въ очи,
Послѣдней ночи
Встрѣчалъ я тѣнь,
И въ думѣ лютой
Все рѣшено:
Еще минута
И — свершено . . .
Но вдругъ нежданный
Надежды лучъ,
Какъ свѣтъ багряный,
Блеснулъ изъ тучъ:
Какой-то скрытый
И мной забытый
Издавна, Богъ
Изъ тьмы открытой
Меня извлекъ;
Рукою сильной
Остóвъ могильной
Вдругъ оживилъ —
И Каинъ новой
Въ душѣ суровой
Творца почтилъ.
Непостижимый,
Неотразимый,
Онъ снова влилъ
Въ грудь атеиста
И лже-софиста
Огонь любви;
Онъ снова дни

Тоски печальной
Озолотилъ
И озарилъ
Зарей прощальной.
Гори жъ, сіяй,
Заря святая,
И догорай,
Не померкая!

А. В. Кольцовъ.

1809—1847

Горькая доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла . . .

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

Отъ кручины — думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что́ любилъ, какъ душу,
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце — сожигаетъ.

До поры, до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь . . .

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ — гніетъ.

Пѣсня старика.

Осѣдлаю коня,
Коня быстраго
Я помчусь, полечу
Легче сокола,
Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!
Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ.
Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному:
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

Ночь.

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,

Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой . . .
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой . . .

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю какъ,
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ,
И онъ мертвый палъ.

«Что жъ ты, милая,
Вся, какъ листъ, дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!» . . .

— «Охъ, не то, чтобъ я . . .
Умъ мѣшается . . .

Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой — смотри —
Вонъ въ саду стоитъ!» . . .

Вторая пѣсня Лихача Кудрявича.

Въ золотое время
Хмелемъ кудри вьются;
Съ горечи-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота, —
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что́ тучу —
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда — не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой;
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:

Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ,

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ . . .

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все — изъ-рукъ-вонъ плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ . . .
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ . . .

Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ:
Старые лаптишки
Безъ онучь обуешь;

Кафтанишка рваной
На плечи натянешь;
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь . . .

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи . . .
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Молодая жница.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю — матушку.

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-горма все
Лицо бѣлое.

Голова со плечъ
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанной
Изъ рукъ валится . . .

Не-съ-проста-ума
Жница жнетъ — не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.

Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Заронилось въ немъ
Небывалое!

Она шла вчера —
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла — себѣ
По малинушку;

Повстрѣчался ей
Доброй молодецъ;
Ужъ не въ первой разъ
Повстрѣчался онъ.

Повстрѣчается,
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.

Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную;
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь.

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней . . .

Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи . . .

Лѣсъ.

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силачъ
Заколдованный
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей — бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался . . .

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

Утебя ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная . . .

У тебя ль, было,
Дни — роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются.

У тебя ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ.

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она
Разыграется, —
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься, —

Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ . . .

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;

Одичалъ, замолкъ, —
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвременье . . .

Такъ-то, темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечь
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломенкой . . .

Каролина Павлова.

1810—1894

* * *

Читала часто, съ грустью дѣтской,
Сказаніе святое я,
Какъ ночью въ край Генисаретской
Неслась апостоловъ ладья.

И въ переливы мглы ненастной
Смотря, они узрѣли вдругъ,
Какъ шелъ къ нимъ моремъ образъ ясной,
И ихъ сердца стѣснилъ испугъ.

И надъ волной неугомонной
Къ нимъ гласъ божественный проникъ:
То Я! дерзайте — и смущенной
Тогда отвѣтилъ ученикъ:

«Коль это ты, мнѣ сердце нынѣ,
Учитель, ободри въ груди:
Вели идти мнѣ по пучинѣ»
И рекъ Господь ему: — иди!

И онъ пошелъ, — и бездны влага
Въ сплошной сливалася кристаллъ,
И тяжесть твердаго онъ шага
На зыбки воды упиралъ.

Но бурный вѣтръ взорвалъ пучину;
И въ немочи душевныхъ силъ
Онъ, погибая, Дѣвы къ Сыну
Молящимъ гласомъ возопилъ.

И мы, младыя, вѣры полны,
По морю бытія пойдемъ;
Но скоро почернѣютъ волны,
И дальній загрохочетъ громъ.

И усомнимся мы душою,
И средь грозящей ночи тьмы

Къ Тебѣ, съ трепещущей мольбою,
Взываемъ, Господи, и мы.

Не намъ до Божьяго примѣра
Достигнуть силою святой!
Не наша уцѣлѣетъ вѣра
Въ грозѣ, надъ глубью роковой!

Кто жизни злое испытанье
Могучимъ духомъ встрѣтить могъ!
Кто жаръ любви и упованье,
Или хоть грусть въ душѣ сберегъ?

Всѣ чувства вянутъ въ насъ незримо;
Всѣ слезы сохнутъ, какъ роса;
Земля и небо идутъ мимо:
Его лишь вѣчны словеса.

---

* * *

Когда карателемъ великимъ
Неправды гордой и обидъ,
Противясь силой силамъ дикимъ,
Съ Антеемъ въ бой вступилъ Алкидъ —

Не разъ врага сражалъ онъ злова;
Но, опрокинутый въ пыли,
Вставалъ грознѣй, окрѣпнувъ снова,
Неукротимый сынъ земли.

И начинался споръ сначала,
Ожесточеннѣй, чѣмъ сперва —
И бой вести не уставала
Власть духа съ властью вещества.

И вдохновенной мысли нынѣ
Завистливо противостать
Взялось, въ слѣпой своей гордынѣ,
Земли могущество опять.

Съ ней вновь въ борьбу оно вступило:
Упорно длится битва ихъ —
И будетъ нынѣ духа сила
Опять сильнѣе силъ земныхъ.

Неаполь.

На палубѣ въ утренній часъ я стояла, —
Мы къ южной неслися роскошной странѣ;
Въ раздольной, шумливой морской ширинѣ
Смирялися брызги задорнаго вала.

Мы быстро неслись; отбѣгала свѣтло
Съ боковъ парохода струистая пѣна;
Ждала я: — въ заливъ выдавалась Мизена,
Везувія тихо дымилось жерло.

И съ лѣвой руки разстилаясь, и съ правой,
Виднѣлись брега благодатной земли;
И взоромъ я града искала вдали,
Облитаго моремъ, мощеннаго лавой.

И тамъ, гдѣ ѳеирный сіяющій сводъ
Касался съ любовью земнаго предѣла,
Неаполь блеснулъ, и раскинулся бѣло
Межъ яхонтомъ неба и яхонтомъ водъ.

Римъ.

Мы ѣдемъ поляной голой,
Не встрѣтясь съ живой душой;
Вдали, изъ подъ тучи тяжелой,
Виднѣется городъ большой.

И, будто бъ его называя,
Чрезъ мертвый пустыни предѣлъ
Отъ неба стемнѣвшаго края
Отрывистый громъ прогремѣлъ.

Кругомъ все сурово и дико;
Одинъ онъ въ пространствѣ нѣмомъ
Стоитъ многогрѣшный владыка,
Развѣнчанный Божьимъ судомъ.

Стоитъ беззащитный, недужный,
И смотритъ сѣдой исполинъ
Угрюмо въ угрюмый окружный
Просторъ молчаливыхъ равнинъ.

Гдѣ вѣсти, и казнь, и законы
Гонцы его міру несли.
Гдѣ тѣсные шли легіоны,
Гдѣ били челомъ короли.

Онъ смотритъ, какъ вѣтеръ поляны
Песокъ по пустынѣ мететъ
И сѣрые всходятъ туманы
Изъ топи тлетворныхъ болотъ.

Н. П. Огаревъ.

1813—1877

Разорванность.

Я много думалъ — и постигъ,
Что Божій міръ спокоенъ, ясенъ,
Что въ жизни каждый мигъ прекрасенъ,
Что въ жизни каждый мигъ великъ;
Но тихо шепчетъ возраженье
Души невольнье мученье!
И тщетно примиряетъ умъ
Противорѣчія безъ счету —
Тяжелъ вседневной жизни шумъ,
Сухая мелкая забота;
Душа не знаетъ что просить,
И вся она полна желаньемъ

И разума съ своимъ страданьемъ
Ей никогда не примирить!
Спокоенъ умъ, а сердцу больно,
Въ груди огонь и кровь кипитъ,
И слезы катятся невольно —
Тоска томитъ, тоска томитъ! . . .
Ты рвешься ль къ небу пламенѣя,
Земныхъ ли благъ желать готовъ
Все злобный коршунъ Прометея
Вонзаетъ въ сердце жадный клёвъ.

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ Твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Осенью.

Какъ были хороши порой весенней нѣги —
И свѣжесть мягкая зазеленѣвшихъ травъ,
И листьевъ молодыхъ душистые побѣги
По вѣтвямъ трепетнымъ проснувшихся дубравъ,
И дня роскошное и теплое сіянье,
И яркихъ красокъ нѣжное сліянье!
Но сердцу ближе вы, осенніе отливы,
Когда усталый лѣсъ на почву сжатой нивы
Свѣваетъ съ шопотомъ поблеклые листы,

А солнце позднее съ пустынной высоты,
Унынья свѣтлаго исполнено, взираетъ . . .
Такъ память мирная безмолвно озаряетъ
И счастье прошлое, и прошлыя мечты.

М. Ю. Лермонтовъ.
1814—1841

Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна;
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Молитва.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ

Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Не угаси сей чудный пламень —
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ — или никто! . . .

Мой демонъ.

Собранье золъ — его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,

Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ:
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ . . .
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь,
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

---

* * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали.
Тогда лучи ужъ догорали,
И нà морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И между тѣмъ какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними . . .

Надежда.

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,
Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ — ея спина,
Головка — пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой въ ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души,
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ,
Какъ гость пріятенъ дорогой;
И часто въ бурю я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю,
И я всегда надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою.

Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

---

* * *

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый —
Какъ птичка въ клѣткѣ
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе —
Душа на встрѣчу имъ
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется . . .
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся . . .

---

* * *

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірского
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

Пѣсня.

Колоколъ стонетъ,
Дѣвушка плачетъ,
И слезы по четкамъ бѣгутъ.
Насильно,
Насильно
Отъ міра въ обители скрыта она,
Гдѣ жизнь безъ надежды и ночи безъ сна.
Такъ мое сердце
Грудь безпокоитъ
И бьется, бьется, бьется.
Велѣла,
Велѣла
Судьба мнѣ любовь отъ него оторвать
И дѣву забыть, хоть тому не бывать:
Смерть и безсмертье,
Жизнь и погибель
И дѣвѣ и сердцу — ничто:
У сердца
И дѣвы
Одно лишь страданье, одинъ лишь предметъ —
Ему счастья надо, ей надобенъ свѣтъ.

Русская пѣсня.

Клоками бѣлый снѣгъ валится . . .
Что жъ дѣва красная боится

Съ крыльца сойти —
Воды снести?
Какъ попъ, когда онъ гробъ несетъ,
Такъ пѣснь метелица поетъ,
Играетъ,
И у тесовыхъ у воротъ
Дворовый песъ все цѣпь грызетъ
И лаетъ.
Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный
Рождаютъ страхъ
Въ ея глазахъ.
Недавно милый схороненъ
Бѣлѣй снѣговъ предстанетъ онъ
И скажетъ
«Ты измѣнила!» ей въ лицо,
И ей завѣтное кольцо
Покажетъ.

Пѣснь монахини.

(Изъ второго очерка поэмы «Демонъ»)

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ —
Я напрасно бъ старалась узнать.
Быть можетъ, то было во снѣ . . .
О, зачѣмъ долженъ сонъ исчезать.

Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней;
Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста, какъ мой ангелъ, она,
Мысль о немъ неразлучна съ Тобой!

Онъ отблескъ сіяній Твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ —
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Пѣсня Селима.

(Изъ поэмы «Измаилъ Бей»)

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый! смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣрнѣе!
Всегда награжденъ,
Кто любитъ до гроба;
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ;
Пускай его смерть и погубитъ:
Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!
— Любви измѣнившій —
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ!»

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ
А юноша-воинъ
На битву идетъ . . .

Пѣснь дѣвушки, изъ повѣсти «Тамань».

Какъ по вольной волюшкѣ —
По зелену морю,
Ходятъ всѣ кораблики
  Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не снащенная,
  Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
  По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
  «Ужъ не тронь ты, злое море,
  Мою лодочку:
  Везетъ моя лодочка
  Вещи драгоцѣнныя,
  Правитъ ею въ темну ночь
  Буйная головушка.»

Пѣснь Казбича, изъ повѣсти «Бэла».

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ — завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,

Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

---

* * *

Все тихо. Полная луна
Блеститъ межъ ветелъ надъ прудомъ,
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзвится лучомъ.

Никто, никто не усладилъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной!
Любить? — три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

Силуэтъ.

Есть у меня твой силуэтъ;
Мнѣ милъ его печальный цвѣтъ,
Виситъ онъ на груди моей
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.
Въ глазахъ нѣтъ жизни и огня,
За то онъ вѣчно близъ меня,
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

Чаша жизни.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ, —

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ — мечта,
И что она — не наша!

Еврейская мелодія.

(Изъ Байрона)

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не навѣкъ надежды рокъ унесъ —
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капли слезъ —
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

Морская царевна.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»
Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.
Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь,
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»
Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава.
Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ, какъ жемчугъ, дрожатъ.
Мыслитъ царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.
Держитъ. Рука боевая сильна . . .
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.
Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ.
«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя . . .
Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»
Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ — померкъ торжествующій взглядъ.
Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.
Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь, замирая, свиваясь, дрожитъ.
Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.
Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ . . .
Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь . . .
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

---

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы;
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой.
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ —
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.»

— На что мнѣ тебя! — отвѣчаетъ младая чинара —
Ты блѣденъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы . . .

— Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море. —

Бой.

Сыны небесъ однажды надо мною
Слетѣлися — воздушныхъ два бойца; —
Одинъ — серебряной обвѣшанъ бахромою,
Другой — въ одеждѣ чернеца.
И, видя злость противника второго,
Я пожалѣлъ о воинѣ младомъ;
Вдругъ поднялъ онъ концы сребристаго покрова,
И я подъ нимъ замѣтилъ громъ.
И кони ихъ ударились крылами,
И ярко брызнулъ изъ ноздрей огонь;
Но вихорь отступилъ передъ громами
И палъ на землю черный конь.

Война.

Зажглась, друзья мои, война
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести!
Простите шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь, и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Суетъ и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы!

Завѣщаніе

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ . . . Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь . . .
Ну, кто бы ни спросилъ —
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едвали
Застанешь ты въ живыхъ . . .

Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна . . .
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались . . . Обо мнѣ она
Не спроситъ . . . Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй —
Пускай она поплачетъ . . .
Ей ничего не значитъ!

Отчизна.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья
Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея полей холодное молчанье
Ея лѣсовъ дремучихъ воздыханье
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,

Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ —
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ . . .
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ благомъ благоговѣньѣ?

Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
  Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
  Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
  И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
  Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
  Насъ тѣшутъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
  Морщины прятать подъ румяны . . .
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
  Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
  Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Гр. А. К. Толстой.

1817—1875

Василій Шибановъ.

(Отрывокъ)

. . . Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ.
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьётъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричнины кромѣшная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,

И тутъ-же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»

И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!»
— «Подай сюда грамату, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль — и внимаетъ:

«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль средь тяжкой войны
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?

Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный,
И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,

Съ тобой предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.

Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали . . .

---

* * *

Край ты мой, родимый край!
  Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
  Волчій голосъ въ полѣ!

Гой ты, родина моя!
  Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
  Вѣтеръ, степь да тучи!

---

* * *

1

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?
— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

2

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,

А гдѣ ты изволилъ крупы достать?
— За̀ моремъ, матушка, за̀ моремъ,
За̀ моремъ, сударыня, за̀ моремъ!

3

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?
— Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

4

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?
— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

5

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ кру́тенька?
— Кру́тенька, матушка, кру́тенька,
Кру́тенька, сударыня, кру́тенька!

6

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ со́лона?
— Со̀лона, матушка, со̀лона,
Со̀лона, сударыня, со̀лона!

7

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А кто-жъ будетъ ее расхлебывать?
— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

Волки.

Когда въ сёлахъ пустѣетъ,
Смолкнутъ пѣсни селянъ,
И сѣдой забѣлѣетъ
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ лѣсовъ тихомолкомъ
По полямъ волкъ за волкомъ
Отправляются всѣ на добычу.

Семь волковъ идутъ смѣло;
Впереди ихъ идетъ
Волкъ осьмой, шерсти бѣлой;
А таинственный ходъ
Заключаетъ девятый;
Съ окровавленной пятой,
Онъ за ними идетъ и хромаетъ.

Ихъ ничто не пугаетъ:
На село ли имъ путь,
Пёсъ на нихъ и не лаетъ,
А мужикъ и дохнуть,
Видя ихъ, не посмѣетъ;
Онъ отъ страха блѣднѣетъ
И читаетъ тихонько молитву.

Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,
Въ дворъ поповскій заходятъ
И шевелятъ хвостомъ;
Близъ корчмы водятъ ухомъ
И внимаютъ всѣмъ слухомъ:
Не ведутся ль тамъ грѣшныя рѣчи?

Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло!

Прежде рухнетъ волкъ бѣлый,
А за нимъ упадутъ и другіе.

На селѣ-жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая,
Всѣ въ крови — съ нами сила Господня!

---

* * *

Ты знаешь, я люблю тамъ, за лазурнымъ сводомъ
Рядъ жизней мысленно отыскивать иныхъ
И, путь свершая мой, съ улыбкой мимоходомъ
Смотрю на прахъ заботъ и горестей земныхъ.

Зачѣмъ же сердце такъ сжимается невольно,
Когда твой встрѣчу взоръ, и такъ тебя мнѣ жаль,
И каждая твоя мгновенная печаль
Въ душѣ моей звучитъ такъ долго и такъ больно?

---

* * *

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налёта тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки
Онъ же вздрогнулъ — и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

Баллада о камергерѣ Деларю.

Вонзилъ кинжалъ убійца нечестивый
Въ грудь Деларю.
Тотъ, шляпу снявъ, сказалъ ему учтиво:
«Благодарю.»

Тутъ въ лѣвый бокъ ему кинжалъ ужасный
Злодѣй вогналъ,
А Деларю сказалъ: «Какой прекрасный
У васъ кинжалъ!»
Тогда злодѣй, къ нему зашедши справа,
Его пронзилъ,
А Деларю съ улыбкою лукавой
Лишь погрозилъ.
Истыкалъ тутъ злодѣй ему, пронзая,
Всѣ тѣлеса,
А Деларю: «Прошу на чашку чая
Къ намъ въ три часа.»
Злодѣй палъ ницъ, и, слезъ проливши много,
Дрожалъ какъ листъ,
А Деларю: «Ахъ, встаньте ради Бога!
Здѣсь полъ нечистъ.»
Но все у ногъ его въ сердечной мукѣ
Злодѣй рыдалъ,
А Деларю сказалъ, разставя руки:
— «Не ожидалъ!
Возможно ль? Какъ?! Рыдать съ такою силой? —
По пустякамъ?
Я вамъ аренду выхлопочу, милый,
Аренду вамъ!
Черезъ плечо дадутъ вамъ Станислава
Другимъ въ примѣръ.
Я дать совѣтъ властямъ имѣю право:
Я — камергеръ.
Хотите дочь мою просватать, Дуню?
А я за то
Кредитными билетами отслюню
Вамъ тысячъ сто;
А вотъ пока вамъ мой портретъ на память,
Пріязни въ знакъ.
Я не успѣлъ его еще обрамить, —
Примите такъ!» —
Тутъ ѣдокъ сталъ и даже горче перца
Злодѣя видъ.

Добра за зло испорченное сердце —
Ахъ! — не проститъ.
Высокій духъ посредственность тревожитъ,
Тьмѣ страшенъ свѣтъ.
Портретъ еще простить убійца можетъ,
Аренду-жъ нѣтъ.
Зажглась въ злодѣѣ зависти отрава
Такъ горячо,
Что лишь надѣлъ мерзавецъ Станислава
Черезъ плечо, —
Онъ окунулъ со злобою безстрастной
Кинжалъ свой въ ядъ
И къ Деларю подкравшись осторожно —
Хвать друга въ задъ!
Тотъ на полъ легъ, не въ силахъ въ страшныхъ боляхъ
На кресло сѣсть.
Межъ тѣмъ злодѣй, отнявъ на антресоляхъ
У Дуни честь —
Бѣжалъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ, какъ губернаторъ
Весьма любимъ.
Потомъ въ Москвѣ, какъ ревностный сенаторъ,
Былъ всѣми чтимъ.
Потомъ онъ членомъ сдѣлался совѣта
Въ короткій срокъ . . .
Какой примѣръ для насъ являетъ это,
Какой урокъ!

Козьма Прутковъ.

Письмо изъ Коринѳа.

(Древне-греческое.)

Я недавно пріѣхалъ въ Коринѳъ . . .
Вотъ ступени, а вотъ колоннада.
Я люблю здѣшнихъ мраморныхъ нимфъ.
И истмійскаго шумъ водопада!

Цѣлый день я на солнцѣ сижу,
Трусь елеемъ вокругъ поясницы.
Между камней паросскихъ слѣжу
За извивомъ слѣпой мѣдяницы.

Померанцы растутъ предо мной,
И на нихъ въ упоеньи гляжу я.
Дорогъ мнѣ вожделѣнный покой . . .
«Красота! красота!» все твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы съ рабыней совсѣмъ обомлѣемъ . . .
Всѣхъ рабовъ высылаю я прочь
И опять натираюсь елеемъ.

Древней греческой старухѣ, еслибы она добивалась моей любви.

(Подражаніе Катуллу).

Отстань, безумная! . . . твои противны ласки!
Съ морщинъ безчисленныхъ искусственныя краски
Какъ известь сыплются и падаютъ на грудь . . .
Припомни близкій Стиксъ и страсти позабудь!
Козлинымъ голосомъ не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурія! Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергаментъ желтыхъ плечъ
И шею, коею меня ты мнишь привлечь!
Разувшись, на руки надѣнь свои сандальи,
А ноги спрячь отъ насъ куда-нибудь подалѣй!
Сожженной въ порошокъ, тебѣ бы ужъ давно
Во урнѣ глиняной покоиться должно.

Желаніе быть испанцемъ.

Тихо надъ Альгамброй.
Дремлетъ вся натура.

Дремлетъ за̀мокъ Памбра.
Спитъ Эстремадура.

Дайте мнѣ мантилью;
Дайте мнѣ гитару;
Дайте Инезилью;
Кастаньетовъ пару!

Дайте руку вѣрную;
Два вершка булату;
Ревность непомѣрную;
Чашку шоколату . . .

Закурю сигару я,
Лишь взойдетъ луна.
Пусть дуэнья старая
Смотритъ изъ окна.

За двумя рѣшотками
Пусть меня клянетъ;
Пусть шевелитъ чотками,
Старика зоветъ!

Слышу на балконѣ
Шорохъ платья . . . чу! . . .
Подхожу я къ доннѣ;
Сбросилъ эпанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шолковую лѣстницу
Выну изъ кармана!

О, синьора милая,
Здѣсь темно и сѣро . . .
Страсть кипитъ унылая
Въ вашемъ кавальеро.

Здѣсь, передъ бананами,
Если не наскучу,

Я между фонтанами
Проплящу качучу . . .

Но въ такой позиціи,
Я боюся, страхъ,
Чтобы инквизиціи
Не донесъ монахъ.

Ужъ не даромъ мерзостный,
Старый альгвазилъ
Мнѣ рукою дерзостной
Давеча грозилъ.

Но его, для сраму, я
Маврою одѣну!
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этомъ мѣстѣ,
Если вы мнѣ рады,
Будемъ пѣть мы вмѣстѣ
Ночью серенады.

Будетъ въ нашей власти
Толковать о мирѣ,
О враждѣ, о страсти,
О Гвадалквивирѣ;

Объ улыбкахъ, взорахъ,
Вѣчномъ идеалѣ,
О торреадорахъ
И объ Эскурьялѣ . . .

Тихо надъ Альгамброй.
Дремлетъ вся натура.
Дремлетъ за̀мокъ Памбра.
Спитъ Эстремадура.

Память прошлаго.

(Какъ будто изъ Гейне.)

Помню я тебя ребенкомъ,
Скоро будетъ сорокъ лѣтъ;
Твой передничекъ измятый,
Твой затянутый корсетъ . . .

Было въ немъ тебѣ неловко . . .
Ты сказала мнѣ тайкомъ:
«Распусти корсетъ мнѣ сзади, —
Не могу я бѣгать въ немъ.»

Весь исполненный волненья,
Я корсетъ твой развязалъ . . .
Ты со смѣхомъ убѣжала,
Я-жъ задумчиво стоялъ.

Философъ въ банѣ.

(Съ древне-греческаго)

Полно меня, Левконоя, упругою гладить ладонью,
Полно по чресламъ моимъ, вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомета, ременно-обутаго тавра:
Въ сладкой работѣ твоей быстро онъ смѣнитъ тебя,
Опытенъ тавръ и силёнъ. Ему ни почемъ притиранья!
На спину вскочитъ какъ разъ; въ выю упрется пятой . . .
Ты же межъ тѣмъ щекоти мнѣ слегка безволосое темя,
Взрытый наукою лобъ розами тихо укрась.

Я. П. Полонскій.

1820—1898.

Ангелъ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,

Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Придетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи . . .
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли въ даль,
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль . . .
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

Солнце и мѣсяцъ.

Ночью въ колыбель младенца
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
«Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.
— Въ день-деньской устало солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни! И за тобою
Все задремлетъ, все заснетъ.»
И взмолилось солнце брату:
«Братъ мой, мѣсяцъ золотой!
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной!

Кто тамъ молится, кто плачетъ,
Кто мѣшаетъ людямъ спать, —
Все развѣдай и поутру
Приходи и дай мнѣ знать!»
Солнце спитъ, а мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой . . .
Завтра-жъ, рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой.
Стукъ — стукъ — стукъ! . . . Отворятъ двери.
«Солнце, встань! Грачи летятъ,
Пѣтухи давно пропѣли,
И къ заутренѣ звонятъ.»
Солнце встанетъ, солнце спроситъ:
«Что, голубчикъ, братецъ мой?
Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
Что ты блѣденъ? Что съ тобой?»
И начнетъ разсказъ свой мѣсяцъ, —
Кто и какъ себя ведетъ . . .
Если ночь была спокойна,
Солнце весело взойдетъ.
Если-жъ нѣтъ — взойдетъ въ туманѣ,
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

У Аспазіи.

Гость.

Чтобъ это значило? — Вижу, сегодня ты
  Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты,
  Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
  У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчесаны;
  Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна — словно всѣми забытая,
  Молча стоишь у дверей?

Аспазія.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
  Тѣнью сквозныхъ галлерей:
Шумъ ея замеръ, и это молчаніе
  Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
  Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я.
  Это — Периклъ говоритъ!
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ — весь городъ молчитъ.
Чу! шумъ на площади — рукоплесканія:
  Друга вѣнчаетъ народъ!
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
  Онъ въ эти двери войдетъ.

---

* * *

О подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.

Зачѣмъ такъ рано погребать
Невозмужалыя надежды
И, съ простодушіемъ невѣжды,
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна —
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,
Своимъ стремленіемъ готовыхъ
Тебя невольно увлекать
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей —
Глаголъ, въ пустынѣ вопіющій,
Неумолкаемо-зовущій.

Дорога.

Глухая степь — дорога далека,
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле,
Вдали туманъ — мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.
Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то-жъ:
Все степь да степь, за нивой снова нива . . .
— Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь? . . .
И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
— «Про черный день мы пѣсни бережемъ.»
— Чему-жъ ты радъ? — «Недалеко до хаты —
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ.»
Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей,
А я усталъ — покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его . . . Мѣняютъ лошадей.
— Ну-ну, живѣй! . . . Долга моя дорога;
Сырая ночь — ни хаты, ни огня . . .
Ямщикъ поетъ. Въ душѣ опять тревога . . .
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня! . . .

Послѣдній разговоръ.

Соловей поетъ въ затишьѣ сада;
Огоньки потухли за прудомъ;
Ночь тиха . . . Ты, можетъ быть, не рада,
Что съ тобой остался я вдвоемъ? . . .

Я бъ и самъ желалъ съ тобой разстаться;
Да мнѣ жаль покинуть ту скамью,
Гдѣ мечтамъ ты любишь предаваться
И внимать ночному соловью.

Не смущайся! Ни о томъ, что было;
Ни о томъ, какъ могъ бы я любить;
Ни о томъ, какъ это сердце ныло,
Я съ тобой не стану говорить.

Рѣчь моя волнуетъ и тревожитъ, —
Веселѣе соловью внимать.
Оттого, что соловей не можетъ
Заблуждаться и, любя, страдать.

Но и онъ затихъ во мракѣ ночи;
Улетѣлъ счастливецъ на покой . . .
Пожелай и мнѣ спокойной ночи
До пріятнаго свиданія съ тобой!

Пожелай мнѣ ночи не замѣтить
И другимъ очнуться въ небесахъ,
Гдѣ бъ я могъ тебя достойно встрѣтить,
Съ соловьиной пѣсней на устахъ!

А. Н. Майковъ.

1821—1897.

Свѣча зажглась въ Москвѣ.

То не звѣздочка
Засвѣтилася
Въ непроглядной тьмѣ,
То зажглась свѣча
Воску яркаго
Въ каменной Москвѣ:
Зажигалъ ее

Тамъ святитель Петръ
Да московскій князь . . .
Запримѣтили
Люди Русскіе
Сдалека ее;
Ободрилися,
На нее глядятъ,
Богу молятся.
А она горитъ,
Разгорается
Свѣтитъ всей Руси:
А московскій князь
Возвышается,
Думу думаетъ . . .
Думу думаетъ,
Дѣло дѣлаетъ,
Не торопится.

Весна.

Весна! выставляется первая рама!
  И въ комнату шумъ ворвался,
  И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
  Вонъ — даль голубая видна . . .
  И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!

---

* * *

Голубенькій, чистый
  Подснѣжникъ цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый
  Послѣдній снѣжокъ . . .

Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьи иномъ . . .

Анакреонъ.

Въ день сбиранья винограда
Въ дверь отвореннаго сада
Мы на праздникъ Вакха шли
И — любимца Купидона —
Старика Анакреона
На рукахъ съ собой несли.

Много юношей насъ было,
Бодрыхъ, смѣлыхъ, каждый съ милой,
Каждый бойкій на языкъ;
Но — вино сверкнуло въ чашахъ —
Мы глядимъ — красавицъ нашихъ
Всѣхъ привлекъ къ себѣ старикъ.

Дряхлый, пьяный, весь разбитый,
Черепъ розами покрытый —
Чѣмъ имъ головы вскружилъ?
А онѣ намъ хоромъ пѣли,
Что любить мы не умѣли,
Какъ когда-то онъ любилъ.

---

* * *

Сидѣли старцы Иліона
Въ кругу у городскихъ воротъ;
Ужъ длится града оборона
Десятый годъ, тяжелый годъ!
Они спасенья ужъ не ждали
И только павшихъ поминали,
И ту, которая была

Виною бѣдъ ихъ, проклинали:
«Елена! Ты съ собой ввела
Смерть въ наши домы! Ты намъ плѣна
Готовишь цѣпи!!! . . .»
Въ этотъ мигъ
Подходитъ медленно Елена,
Потупя очи, къ сонму ихъ.
Въ ней дѣтская сіяла благость
И думы легкой чистота;
Самой была какъ будто въ тягость
Ей роковая красота . . .
Ахъ, и сквозь облако печали
Струится свѣтъ ея очей . . .
Невольно смолкнувъ, старцы встали
И разступились передъ ней.

А. А. Фетъ.

1820—1892.

Музѣ.

Пришла и сѣла. Счастливъ и тревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ —
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ.
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверналъ.

Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

* * *

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ и ночью смежаю я вѣжды.
И какъ-то странно порой прозрѣваю.

Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только на небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.

И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эѳира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ, и вся вѣчность снится.

И все, что мчится по безднамъ эѳира,
И каждый лучъ плотской и безплотный, —
Твой только отблескъ, о, солнце міра,
И только сонъ, — только сонъ мимолетный!

И этихъ грёзъ въ міровомъ дуновеньи
Какъ дымъ несусь я, и таю невольно,
И въ этомъ прозрѣньи, и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

Ласточки.

Природы праздный соглядатай
Люблю, забывши все кругомъ,
Слѣдить за ласточкой стрѣльчатой
Надъ вечерѣющимъ прудомъ,

Вотъ понеслась и зачертила, —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихіей чуждой не схватила
Молніевиднаго крыла, —

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя . . .
Не таково ли вдохновенье
И человѣческаго я?

Не такъ ли я, сосудъ скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихіи чуждой, запредѣльной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Горная высь.

Превыше тучъ, покинувъ горы
И наступя на темный лѣсъ,
Ты за собою смертныхъ взоры
Зовешь на синеву небесъ.

Снѣговъ серебряныхъ порфира
Не хочетъ праха прикрывать:
Твоя судьба на граняхъ міра
Не снисходить, а возвышать.

Не тронетъ вздохъ тебя безсильный,
Не омрачитъ земли тоска;
У ногъ твоихъ, какъ дымъ кадильный,
Віяся, таютъ облака.

---

* * *

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся,
Съ любимой мечтою

Не хочется сердцу разстаться.
  Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь будничныхъ терній,
  Былое стремленье —
Далёко, какъ облакъ вечерній.
  Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно . . .
  О если бъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

---

* * *

Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый
  Дремлющихъ кленовъ шатеръ!
Только въ мірѣ и есть, что лучистый
  Дѣтски-задумчивый взоръ!

Только въ мірѣ и есть, что душистый
  Милой головки уборъ!
Только въ мірѣ и есть — этотъ чистый,
  Влѣво бѣгущій проборъ!

---

* * *

Въ душѣ, измученной годами,
Есть неприступный чистый храмъ,
Гдѣ все нетлѣнно, чтò судьбами
Въ отраду посылалось намъ.

Для міра путь къ нему заглохнетъ,
Но въ этотъ дѣвственный тайникъ,
Хотя бъ и могъ, скорѣй изсохнетъ,
Чѣмъ путь укажетъ мой языкъ.

Скажи же, кàкъ, при первой встрѣчѣ,
Успокоительно-свѣтла,
Вчера, — о, какъ оно далече! —
Живая ты въ него вошла?

И вотъ отнынѣ поневолѣ
Въ блаженной памяти моей
Одной улыбкой нѣжной болѣ,
Одной звѣздой любви свѣтлѣй.

---

* * *

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня.
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя,
А за окошкомъ въ саду, между листьевъ, сирени и липы
Черныя группы дѣля, зыбкимъ проходитъ лучомъ
Между вѣтвями, и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ; иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться поземи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черенъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ, трижды блаженъ, о, Діана,
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ!

---

* * *

Постой — здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ.
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.

Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный
Скользя изъ-подъ пяты, съ отвѣсныхъ береговъ
Летитъ на хрящъ морской, — гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ — и убѣжитъ въ объятія валовъ:

Одна передо мной подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь — царица чувствъ, властительница думъ,
А тамъ — придетъ волна и грянетъ между нами . . .
Я не пойду туда: тамъ вѣчный плескъ и шумъ!

Ива.

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой — какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!

Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.

Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты . . .
Мягче взоръ твой горделивый . . .
Я дрожу, глядя, счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты . . .

Въ лунномъ сіяніи.

Выйдемъ съ тобой побродить
  Въ лунномъ сіяніи:
Долго ли душу томить
  Въ темномъ мочаніи!
Прудъ — какъ блестящая сталь;
  Травы — въ рыданіи;
Мельница, рѣчка и даль —
  Въ лунномъ сіяніи . . .
Можно ль тужить и не жить
  Намъ въ обаяніи?
Выйдемъ тихонько бродить
  Въ лунномъ сіяніи!

На разсвѣтѣ.

Плавно у ночи съ чела
Мягкая падаетъ мгла.

Съ поля широкаго тѣнь
Жмется подъ ближнюю сѣнь.

Жаждою свѣта горя,
Выйти стыдится заря.

Холодно, ясно, бѣло.
Дрогнуло птицы крыло.

Солнца еще не видать,
А на душѣ — благодать.

---

* * *

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что̀ буду
Пѣть, — но только пѣсня зрѣетъ!

Вечеръ у взморья.

Засверкалъ огонь зарницы.
На гнѣздѣ умолкли птицы.
Тишина лѣса объемлетъ.
Не качаясь, колосъ дремлетъ.

День блѣднѣетъ понемногу.
Вышла жаба на дорогу.
Ночь свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ.
Подъ луною море млѣетъ.

Различишь прилежнымъ взглядомъ,
Какъ двѣ чайки сѣли рядомъ,
Тамъ на взморьѣ плоскодонномъ,
Спятъ на камнѣ озаренномъ.

---

* * *

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Сннаго ручья.

Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни, —
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы, —
И заря, заря! . . .

---

* * *

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаётъ вдали:

Конный или пѣшій —
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далёкій,
Вспомни обо мнѣ!

---

* * *

Спи — еще зарёю
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли;
Съ колокольни плавно
Звуки пролетѣли.
Дышутъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.

Узникъ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ.
Зеленая ива
Повисла шатромъ.

Веселыя лодки
Въ дали голубой.
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.

Бывалое горе
Уснуло въ груди:

Свобода и море
Горятъ впереди.

Прибавилось духа
Затихла тоска, —
И слушаетъ ухо
И пилитъ рука . . .

На смерть Бражникова.

Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!
Маршъ могильный играй, штабъ-трубачъ!

Словно ясная тучка зарей,
Ты погаснулъ, собратъ молодой!

Какъ печаль намъ утѣшить свою,
Что ты съ нами не будешь въ строю?

Гребень каски на гробѣ вѣдь нашъ,
Гдѣ съ ножнами скрестился палашъ, —

Лишь тебя намъ съ пути не вернуть!
Не вздохнетъ молодецкая грудь.

И рука, цѣпенѣя, какъ ледъ,
На прощанье ничьей не пожметъ . . .

Но, безмолвный красавецъ, въ гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,

И тебѣ и въ землѣ не забыть,
Какъ тебя мы привыкли любить!

Взводъ впередъ, справа по три, не плачь!
Маршъ могильный играй, штабъ-трубачъ!

Н. Ѳ. Щербина.

1821—1869.

Эллада.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она,
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ . . .
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ.

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ.

И въ гробѣ томъ красавица лежала
Нетлѣнная — печальна, но ясна:
Казалося, она не умирала,
Казалося безсмертной рождена.

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста —
И все вокругъ собой животворила
Усопшая во гробѣ красота.

Купанье.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Мо̀я прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной.
Кто бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она будто лотосъ склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула и бѣлой ногою

Стала на черный обрывистый камень и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока.
Кто бъ посмотрѣлъ на нее, облитую лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, какъ о мраморъ кристалъ, разбивались, блѣднѣя:
Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась, какъ мать — Ніобея,
Вѣчно бъ здѣсь мылась грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье.

Аполлонъ Григорьевъ.

1822—1864.

Городъ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе;
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ немъ люблю — о, нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное:
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.

Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненья радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши, и нѣги дани —
На нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.

И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки —
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!

Страданіе одно привыкъ я подмѣчать —
Въ окнѣ съ богатою гардиной,
Иль въ темномъ уголкѣ — вездѣ его печать,
Страданья уровень единый!

И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все — мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно —
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ
И то̀ — прозрачность язвы гнойной.

---

* * *

Неразрывна цѣпь творенья;
Все что было — будетъ снова;
Все одно лишь измѣненье;
Смерть — безсмысленное слово.
Каждый вечеръ дня свѣтило
Передъ нами исчезаетъ,
А на утро снова свѣтомъ
Міру юному сіяетъ.
Но временъ круговращенье
Безконечнѣй звѣздъ небесныхъ,
Нынче — кукла въ заключеньи,
Завтра — бабочкой порхаетъ.
И повсюду — возрожденье,
И ничто не умираетъ,
А иные только виды
Съ блескомъ новымъ принимаетъ . . .
Жизнью нашей, краткой срокомъ,
Станемъ жить полнѣй и вдвое, —
Ибо намъ однимъ потокомъ
Льется доброе и злое . . .
Жить — но жить не беззаботно;

Пусть насъ вечеръ безъ волненья
Приготовитъ ждать охотно
Часъ великій возрожденья . . .

Л. А. Мей.

1822—1862.

Изъ поэмы «Слѣпорожденный».

То были времена чудесъ,
Сбывалися слова пророка:
Сходили ангелы съ небесъ;
Звѣзда катилась отъ востока;
Міръ искупленья ожидалъ, —
И въ бѣдныхъ ясляхъ Виѳлеема
Подъ пѣснь хвалебную Эдема
Младенецъ дивный возсіялъ,
И загремѣлъ по Палестинѣ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ . . .

Пустыня . . . знойные пески . . .
На сѣверъ — голыхъ скалъ уступы;
На югъ — излучины рѣки
И пальмъ развѣсистыя купы;
На западъ — моря полоса,
А на востокъ, за далью синей,
Слились съ пустыней небеса, —
Другой безбрежною пустыней . . .
Кой-гдѣ, межъ скалъ, на днѣ долинъ,
Сѣрѣютъ въ лиственномъ навѣсѣ
Смоковницъ, нардовъ и маслинъ
Евреевъ пастырскія веси,
И зданья бѣдныхъ городовъ
Прилипли къ кручѣ обнаженной,
Какъ гнѣзда пыльныя орловъ . . .
Истоменъ воздухъ воспаленный;
Земля безтѣнна; тишина

Пески сыпучіе объемлетъ:
Природа будто бы больна
И въ забытьи тяжеломъ дремлетъ,
И каждый образъ, и предметъ,
И каждый звукъ — какой-то бредъ.
Порой далеко точкой черной
Газель, иль страусъ, иль верблюдъ
Мелькнутъ на мигъ — и пропадутъ;
Порой волна рѣки нагорной
Простонетъ въ чащѣ тростника,
Иль долетитъ издалека
Рыканіе голодной львицы,
Иль рѣзкій клекотъ хищной птицы
Пронижетъ воздухъ съ вышины —
И снова все мертво и глухо . . .
Слабѣетъ взоръ, тупѣетъ ухо
Отъ безпредметной тишины . . .

Н. А. Некрасовъ.

1821—1878.

«Пѣсня убогаго странника».

(Изъ «Коробейники».)

Я лугами иду — вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лѣсами иду — звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлѣбами иду — что вы тощи, хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я стадами иду — что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я въ деревню: мужикъ! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я въ другую: мужикъ! хорошо ли ѣшь, пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Ужъ я въ третью: мужикъ! что ты бабу — то бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькой, съ холоду!

Я въ четверту: мужикъ! что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькой, съ голоду!

Я опять во луга — вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во лѣса — звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькой, голодно! . . .

Выборъ.

Ночка сегодня морозная, ясная.
Въ горѣ стоитъ надъ рѣкой
Русская дѣвица, дѣвица красная,
Щупаетъ прорубь ногой.
Тонкій ледокъ подъ ногою ломается,
Вотъ, на него набѣжала вода;
Царь водяной изъ воды появляется,
Шепчетъ: «бросайся, бросайся сюда!
Любо здѣсь!» Дѣвица, зову покорная,
Вся наклонилась къ нему.
«Сердце покинетъ кручинушка черная,
Только разокъ обойму,
Прянь!» . . . И руками къ ней длинными тянется . . .

Синіе льды затрещали кругомъ,
Дрогнула дѣвица! Ждетъ — не оглянется —
Кто-то шагаетъ, идетъ прямикомъ.
«Прянь! Будь царицею царства подводнаго!» . . .

Тутъ подошелъ воевода Морозъ:
— Я тебя, я тебя, вора негоднаго!
Чуть было дѣвку мою не унесъ! —
Бѣлый старикъ съ бородою пушистою
На воду трижды дохнулъ,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдомъ потонулъ.

Молвилъ Морозъ: — «не топися, красавица!
Слезъ не осушишь водой;
Жадная рыба, рѣчная піявица,
Тамъ твой нарушатъ покой;
Тамъ защекотятъ тебя водяные,
Раки вопьются въ высокую грудь,
Ноги опутаютъ травы рѣчныя . . .
Лучше со мной эту ночку побудь!
Къ утру я горе твое успокою,
Сладкія грезы его усыпятъ,

Будешь ты такъ же пригожа собою,
Только красивѣе дамъ я нарядъ:
Въ бѣломъ вѣнкѣ голова засіяетъ
Завтра, чуть красное солнце взойдетъ . . .»
Дѣвица берегъ рѣки покидаетъ,
Къ темному лѣсу идетъ.
Сѣла на пень у дороги: ласкается
Къ ней воевода-старикъ.
Дрогнется — зубы колотятъ — зѣвается —
Вотъ и закрыла глаза . . . забывается . . .
Вдругъ разбудилъ ее Лѣшаго крикъ:

«Дѣвонька! встань ты на рѣзвыя ноги,
Долго Морозко тебя протомитъ.
Спалъ я и слышалъ давно: у дороги

Кто-то зубами стучитъ,
Жалко мнѣ стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю ноченьку ждать!
Да и умрешь — тутъ не будетъ покою:
Станутъ оттаивать, станутъ качать!
Я заведу тебя въ чащу лѣсную,
Гдѣ никому до тебя не дойти,
Выберемъ, дѣвонька, сосну любую . . .»
Дѣвица съ лѣшимъ рѣшилась идти.

Идутъ. На-встрѣчу медвѣдь попадается,
Дѣвица вскрикнула — страхъ обуялъ.
Хохотомъ Лѣшаго лѣсъ наполняется:
«Смерть не страшна, а медвѣдь испугалъ!
Экой лѣсокъ! что ни дерево — чудо!
Дѣвонька! глянь-ка, какіе стволы!
Глянь на вершины — съ синицу оттуда
Кажутся спящіе лѣтомъ орлы!
Темень тутъ вѣчная, тайна великая,
Солнце сюда не доноситъ лучей,
Буря взыграетъ — ревущая, дикая —
Лѣсъ не подумаетъ кланяться ей!
Только вершины поропщутъ тревожно . . .
Ну, полѣзай! подсажу осторожно . . .
Любъ тебѣ, дѣвица, лѣсъ вѣковой!
Съ каждаго дерева броситься можно
Внизъ головой!»

Изъ «Морозъ Красный-Носъ».

. . . .
«Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Нынче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай,
Да не продлилъ тебѣ вѣку, —
Хочешь — не хочешь, одна поспѣвай! . . .

«Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ;
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ;
Жжетъ оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжетъ;
Изо-ржи словно изъ печи,
Тоже тепломъ обдаетъ;
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ;
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ . . .
Жни — дожинай поскорѣе
Видишь — зерно потекло . . .

Вмѣстѣ бы дѣло спорѣе,
Вмѣстѣ поваднѣй бы шло . . .

Пьяная ночь.

(Изъ «Кому на Руси жить хорошо»).

Не ригой, не амбарами,
Не кабакомъ, не мельницей,
Какъ часто на Руси —
Село кончалось низенькимъ
Бревенчатымъ строеніемъ,
Съ желѣзными рѣшетками
Въ окошкахъ небольшихъ.
За тѣмъ этапнымъ зданіемъ
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась, тутъ какъ тутъ.
По буднямъ малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ,

Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахталися пьяные,
И стономъ стонъ стоялъ!

Скрипятъ телѣги грузныя,
И какъ телячьи головы,
Качаются, мотаются
Побѣдныя головушки
Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ — и падаетъ,
Какъ будто изъ-за валиковъ
Картечью непріятели
Палятъ по мужикамъ!
Ночь тихая спускается,
Ужъ вышла въ небо темное
Луна; ужъ пишетъ грамоту
Господь червоннымъ золотомъ
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникамъ,
Ни глупымъ не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудитъ! Что море синее
Смолкаетъ, подымается
Народная молва.

«А мы полтинникъ писарю:
Прошенье изготовили
Къ начальнику губерніи . . .

— Эй! съ возу куль упалъ!

«Куда же ты, Олёнушка?
Постой! еще дамъ пряничка,
Ты, какъ блоха проворная,
Наѣлась — и упрыгнула,

Погладить не далась!»
— Добра ты, царска грамота,
Да не про насъ ты писана . . .

«Посторонись, народъ!»
(Акцизные чиновники
Съ бубенчиками, съ бляхами
Съ базара пронеслись.)
— А я къ тому, теперича:
И вѣникъ дрянь, Иванъ Ильичъ,
А погуляетъ по полу,
Куда какъ напылитъ!

«Избави Богъ, Парашенька,
Ты въ Питеръ не ходи!
Такіе есть чиновники:
Ты день у нихъ кухаркою,
А ночь у нихъ сударкою,
Такъ это наплевать!»

— «Куда ты скачешь, Савушка?»
(Кричитъ священникъ сотскому
Верхомъ, съ казенной бляхою.)
— Въ Кузьминское скачу,
За становымъ. Оказія:
Тамъ впереди крестьянина
Убили . . . — «Эхъ! . . . грѣхи! . . .»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
— «Не веретенце, другъ!
Вотъ тò, чѣмъ больше вертится,
Пузатѣе становится,
А я, какъ день-деньской . . .»

«Эй! парень, парень глупенькій,
Оборванный, паршивенькій,
Эй, полюби меня!

Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную! . . .»

Калистратъ.

Надо мной пѣвала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастливъ, Калистратушка!
Будешь жить ты припѣваючи!»

И сбылось, по волѣ Божіей,
Предсказанье моей матушки:
Нѣтъ богаче, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ нарядпѣй Калистратушки!

Въ ключевой водѣ купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
Съ непосѣянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагихъ дѣтишекъ стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носитъ лапти съ подковыркою.

Пѣсни.

Молодые.

Повѣнчавшись, Парасковьѣ
Мужъ имущество казалъ:
«Это — стойлице коровье,
А коровку Богъ прибралъ!

Нѣтъ перинки, нѣтъ кровати,
Да теплы въ избѣ полати,
А въ клѣти, вмѣсто телятъ,
Два котёночка пищатъ!

Есть и овощь въ огородѣ —
Хрѣнъ да луковица,
Есть и мѣдная посуда —
Крестъ да пуговица.» —

Катерина.

Вянетъ, пропадаетъ красота моя
Отъ лихого мужа нѣтъ въ дому житья.

Пьяный все колотитъ, трезвый все ворчитъ,
Самъ, что ни попало, изъ дому тащитъ!

Не того ждала я, какъ я шла къ вѣнцу!
Къ братцу я ходила, плакалась отцу.

Плакалась сосѣдямъ, плакалась родной,
Люди не жалѣютъ — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная!» старики твердятъ:
«Милаго побои нѐ-долго болятъ!»

«Потерпи, сестрица!» отвѣчаетъ братъ:
«Милаго побои нѐ-долго болятъ!»

«Потерпи!» сосѣди хоромъ говорятъ:
«Милаго побои нѐ-долго болятъ!»

Есть солдатикъ — Ѳедя, дальняя родня,
Онъ одинъ жалѣетъ, любитъ онъ меня:

Подмигну я Ѳедѣ, — съ Ѳедей мы вдвоемъ
Далеко хлѣбами за село уйдемъ:

Всю открою душу, выплачу печаль,
Все отдамъ я Ѳедѣ — все чего не жаль!

«Гдѣ ты пропадала?» спроситъ муженёкъ:
— Гдѣ была, тамъ нѣту! такъ-то, милъ дружокъ.

— Посмотрѣть ходила, высока ли рожь!
«Ахъ ты дура-баба! ты еще и врёшь . . .»

Станетъ горячиться, станетъ попрекать . . .
Пусть его бранится, мнѣ не привыкать!

А и поколотитъ — не великъ накладъ —
Милаго побои нѐ-долго болятъ.

Пѣснь Матрены.

(Изъ «Кому на Руси жить хорошо».)

Ты скажи, за что
Молодой купецъ,
Полюбилъ меня,
Дочь крестьянскую?
Я не въ серебрѣ,
Я не въ золотѣ,
Жемчугами я
Не увѣшана.

— Чисто серебро —
Чистота твоя;
Красно золото —
Красота твоя;
Бѣлъ-крупёнъ жемчугъ —
Изъ очей твоихъ
Слезы катятся.

Изъ «Русскія женщины».

Княгиня Трубецкая.

. . . .

Покоенъ, проченъ и легокъ
На-диво слаженный возокъ;

Самъ графъ-отецъ не разъ, не два
Его попробовалъ сперва.

Шесть лошадей въ него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Самъ графъ подушки поправлялъ,
Медвѣжью полость въ ноги стлалъ,

Творя молитву, образокъ
Повѣсилъ въ правый уголокъ

И — зарыдалъ . . . Княгиня-дочь
Куда-то ѣдетъ въ эту ночь . . .

---

* * *

Черный день! какъ нищій проситъ хлѣба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ея у докторовъ,
У друзей, враговъ и цензоровъ,
Я взываю къ русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня въ живую воду,
Или мертвой въ мѣру дай.

А. М. Жемчужниковъ.

1822—1908.

* * *

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На все, что свершается въ мірѣ
Порой я взираю яснѣе
И мыслю свободнѣй и шире.

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную
И, полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую.

И слышу я ангеловъ хоры,
И стону людскому я внемлю,
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слезы не землю.

На кладбищѣ.

Сквозь деревья освѣщаются гробницы,
По плитамъ скользитъ узорчатая тѣнь,
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы,
Надъ усопшими ликуетъ красный день.

Разрослись деревья, преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листка,
И кругомъ, куда не взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны, и трава густа.

И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы . . .
Отъ вѣтвей узоромъ колебалась тѣнь,
Воздухъ знойнымъ пѣньемъ оглашали птицы,
Надъ могилами сіялъ веселый день.

И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храмѣ пѣли радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой».

И. С. Никитинъ.

1824—1861.

Ночь въ степи.

Въ пожарѣ западъ пламенѣетъ,
Вся степь, какъ спящая краса,
Румянцемъ розовымъ покрылась.
И потемнѣли небеса,
И солнце тихо закатилось.
Густѣетъ сумракъ . . . Вѣтерокъ
Пахнулъ прохладою ночною,
И надъ уснувшею землею
Зарницы вспыхнулъ огонекъ.
И величаво мѣсяцъ полный
Изъ за холмовъ далекихъ всталъ,

И надъ равниною безмолвной,
Какъ чудный свѣточъ, засіялъ . . .

О, какъ божественно-прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горятъ небесные огни,
И степь, раскинувшись широко,
Въ туманѣ дремлетъ одиноко
И только слышится вокругъ
Необъяснимый жизни звукъ!

Брось посохъ, путникъ утомленный,
Тебѣ не надобно двора:
Здѣсь твой ночлегъ уединенный.
Здѣсь отдохнешь ты до утра;
Твоя постель, — цвѣты живые,
Трава пахучая — коверъ,
И эти своды голубые —
Твой раззолоченный шатеръ.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта.
Народомъ площадь вся покрыта.
На море пестрое головъ
Громада бѣлая домовъ
Глядитъ стеклянными очами;
Недвижная, затоплена
Вся солнца золотомъ она.
Людъ Божій движется волнами . . .
И кички съ острыми углами,
Подолы красные рубахъ,
На черныхъ шляпахъ позументы,
И вѣтромъ въ дѣвичьихъ косахъ
Едва колеблемыя ленты —
Вся деревенская краса
Вотъ такъ и мечется въ глаза!

Изъ лавокъ (хитрая приманка!)
Высматриваютъ кушаки,
И разноцвѣтные платки,
И разноцвѣтная серпянка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ — лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты,
Колеса . . . «Гдѣ? Какая дрянь?»
— «Ты, вотъ, на ступицу-то глянь!»
Торгашъ плечистый повторяетъ
И бойко колесомъ вертитъ.
А парень крендель доѣдаетъ:
— «Сложи полтину», говоритъ,
«Возьму и дегтю.» — «Вотъ мазницы.»
— «Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы!
Ты гаманокъ-то свой не прячь!»
Кричитъ налѣво бородачъ.
Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И Лазаря поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами
Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ . . .
Веселый говоръ. Крикъ торговли.
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

К. К. Случевскій.

1837—1904.

* * *

Смотритъ тучка въ вешній ледъ,
Ледъ ея сіянье пьетъ.

Таетъ тучка въ небесахъ,
Таетъ льдина на волнахъ.

Обликъ тающій вдвойнѣ,
И на небѣ и въ волнѣ, —
Это я и это ты,
Оба — таянье мечты.

---

* * *

Упала молнія въ ручей.
Вода не стала горячѣй.
А что ручей до дна пронзенъ,
Сквозь шелестъ струй не слышитъ онъ.

Зато и молніи струя,
Упавъ, лишилась бытія.
Другого не было пути . . .
И я прощу, и ты прости.

Послѣ казни въ Женевѣ.

Тяжелый день . . . Ты уходилъ такъ вяло . . .
Я видѣлъ казнь: багровый эшафотъ
Давилъ, какъ будто бы, сбѣжавшійся народъ,
И солнце ярко на топоръ сіяло.
Казнили. Голова отпрянула какъ мячъ!
Стеръ полотенцемъ кровь съ обѣихъ рукъ палачъ,
А красный эшафотъ поспѣшно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.
Тяжелый день . . . Ты уходилъ такъ вяло . . .
Мнѣ снилось: я лежалъ на страшномъ колесѣ,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости всѣ,
И я вытягивался въ пыткѣ небывалой . . .
И, ставъ звенящею, чувствительной струной,
Къ какой-то схимницѣ, больной и исхудалой,

На балалайку вдругъ попалъ едва живой!
Старуха страшная меня облюбовала
И, нервнымъ пальцемъ дергая меня,
«Коль славенъ нашъ Господь» тоскливо напѣвала,
И я вторилъ ей, — жалобно звеня! . . .

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

1848—1913.

Костеръ.

Сумракъ, холодъ, сонъ глубокій,
  Пустырей нѣмыхъ просторъ;
Гдѣ-то въ полѣ одинокій
  Пламенѣющій костеръ.
Чьи-то тѣни, чьи-то лица,
  Озаренныя огнемъ,
И — какъ черная темница,
  Ночь бездонная кругомъ.
Въ мракѣ лучъ тепла и свѣта,
  Средь пустыни стражъ ночной —
Ты — не образъ ли поэта
  Въ безразсвѣтной тьмѣ земной?

Орелъ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ простанство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ питомецъ скалъ,
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу . . .

Когда жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья,
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья.

И царь заоблачныхъ высотъ —
Случайный гость земли печальной —
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной . . .

Высоко надъ тщетой земной
Вознесся, праху неподвластный,
И, къ дольней жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

---

* * *

Не въ ласкѣ дѣвственной лазури,
И не въ лобзаньяхъ тьмы ночной —
Въ огняхъ грозы и въ стонахъ бури
Мнѣ внятенъ вѣчности покой.

Сквозь шумъ и вихрь стихій мятежныхъ,
Сквозь знойной страсти вопль и бредъ
Яснѣй онъ шлетъ съ высотъ безбрежныхъ
Свой всепрощающій привѣтъ.

И чѣмъ больнѣе буря стонетъ,
Чѣмъ злѣе страсть, безумнѣй сны,
Тѣмъ безвозвратнѣй, глубже тонетъ
Душа въ блаженствѣ тишины!

Владиміръ Соловьевъ.

1853—1900.

* * *

Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами
Я шелъ къ таинственнымъ и чуднымъ берегамъ.
Боролася заря съ послѣдними звѣздами,
Еще летали сны — и, схваченная снами,
Душа молилася невѣдомымъ богамъ.

Въ холодный бѣлый день дорогой одинокой,
Какъ прежде, я иду въ невѣдомой странѣ.
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горный путь, и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилося мнѣ.

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ, —
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ.

---

* * *

Былъ труденъ долгій путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступныя кругомъ сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдругъ посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкія крыла,
И въ новую страну неистощимой грезы
Любовь-волшебница меня перенесла.

Поляна чистая луною серебрится,
Деревья стройныя недвижимо стоятъ,
И нѣжныхъ эльфовъ рой невидимо кружится,
И феи блѣдныя задумчиво скользятъ.

---

* * *

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами?

Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскiй шумъ трескучiй —
Только откликъ искаженный
Торжествующихъ созвучiй?

Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ —
Только то, что̀ сердце къ сердцу
Говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ?

---

* * *

Шумъ далекiй водопада
Раздается черезъ лѣсъ;
Вѣетъ тихая отрада
Изъ-за сумрачныхъ небесъ.

Только бѣлый сводъ воздушный,
Только бѣлый сонъ земли . . .
Сердце смолкнуло послушно,
Всѣ тревоги отошли.

Неподвижная отрада . . .
Все слилось, какъ бы во снѣ . . .
Шумъ далекiй водопада
Раздается въ тишинѣ . . .

Бѣлые колокольчики.

Сколько ихъ расцвѣтало недавно, —
Словно бѣлое море въ лѣсу!

Теплый вѣтеръ качалъ ихъ такъ плавно
И берегъ молодую красу.

Отцвѣтаетъ она, отцвѣтаетъ,
Потемнѣлъ бѣлоснѣжный вѣнокъ,
И какъ будто весь міръ увядаетъ . . .
Средь гробовъ я стою одинокъ.

«Мы живемъ, твои бѣлыя думы,
У завѣтныхъ тропинокъ души.
Бродишь ты по дорогѣ угрюмой,
Мы недвижно сіяемъ въ тиши.

Насъ не вѣтеръ берегъ прихотливый,
Мы тебя сберегли бы отъ вьюгъ.
Къ намъ скорѣй, черезъ западъ дождливый!
Для тебя мы — безоблачный югъ.

Если-жъ взоры туманъ закрываетъ
Иль зловѣщій послышался громъ, —
Наше сердце цвѣтетъ и вздыхаетъ . . .
Приходи — и узнаешь о чемъ.»

---

* * *

Золотыя, изумрудныя
Черноземныя поля . . .
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!
Это лоно плодотворное, —
Сколько дремлющихъ вѣковъ, —
Принимало, всепокорное,
Сѣмена и мертвецовъ . . .
Но не все, тобою взятое,
Вверхъ несла ты каждый годъ:
Смертью древнею заклятое
Для себя весны все ждетъ.
Не Изида трехвѣнечная

Ту весну имъ приведетъ,
А нетронутая, вѣчная
«Дѣва Радужныхъ Воротъ.»

Око вѣчности.

Одна, надъ бѣлою землею
Горитъ звѣзда.
И тянетъ вдаль эѳирною стезею
Къ себѣ — туда.

О нѣтъ, зачѣмъ? Въ одномъ недвижномъ взорѣ
Всѣ чудеса.
И жизни всей таинственное море,
И небеса.

И этотъ взоръ такъ близокъ и такъ ясенъ, —
Глядись въ него,
Ты станешь самъ безбреженъ и прекрасенъ —
Царемъ всего.

Отшедшимъ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшiе друзья ужъ собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекiя видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.

Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и блѣднѣетъ,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая, уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.

Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
Вы подняли меня надъ тяжкой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдамъ,
Вы въ явь откроете обитель примиренья
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

Н. М. Минскій.

род. въ 1855 г.

Всѣмъ.

Съ улыбкой робости и нѣжностью безмѣрной,
О, сестры милыя, всю жизнь я отдалъ вамъ.
Одну изъ васъ любилъ, кого не знаю самъ,
Одна изъ васъ — но кто? — душой владѣла вѣрной.

Не ты ль, безстрастная, съ усмѣшкой лицемѣрной,
Не ты ль, невинная, чьи мысли бѣлый храмъ,
Не ты ль, безпечная, чей смѣхъ — сердецъ бальзамъ,
Не ты ль, порочная, съ душою суевѣрной?

Одну изъ васъ любилъ, но чтобъ слова любви
Достигли до нея, я всѣмъ твердилъ признанья.
Но вотъ проходятъ дни, и близокъ часъ молчанья.

Звучи, о пѣсня, ты мой вздохъ переживи,
Всѣхъ воспѣвай сестеръ и каждую зови
Любимой, избранной, царицей міроданья.

---

* * *

Какъ за бѣгущимъ валомъ валъ,
Часы неслись надъ отмелью забвенья.
Качаясь, маятникъ рождалъ
И отрицалъ рожденныя мгновенья.

Я послѣ многихъ грустныхъ лѣтъ
Слова любви шепталъ, преображенный.

Ты взоромъ отвѣчала: нѣтъ,
Гася огонь, твоей душой зажженный . . .

Человѣчество.

Его удѣлъ всегда существовать,
Нить бытія изъ темной прясть кудели,
Гробамъ на смѣну ставить колыбели,
Рожать, ростить, но лишь не создавать.

Его удѣлъ — въ пути сопровождать
Избранниковъ къ ихъ непонятной цѣли,
Томиться на пиру чужихъ веселій,
Глядѣть, не видя, слыша, не внимать.

Но безъ него молчатъ обѣтованья,
Оно — хранитель избранной четы,
Оно — свидѣтель тайнаго вѣнчанья.

Не будь его — и въ храмѣ Пустоты
Любовь не повстрѣчала бъ красоты
И Слово не прославило бъ Молчанья.

Иннокентій Анненскій.

1858—1909.

Что счастье?

Что счастье? Чадъ безумной рѣчи!
Одна минута на пути,
Гдѣ съ поцѣлуемъ жадной встрѣчи
Слилось неслышное прости?

Или оно въ дождѣ осеннемъ?
Въ возвратѣ дня? Въ смыканьи вѣждъ?
Въ благахъ, которыхъ мы не цѣнимъ
За неприглядность ихъ одеждъ?

Ты говоришь . . . Вотъ счастья бьется
Къ цвѣтку прильнувшее крыло,
Но мигъ — и въ высь оно взовьется,
Невозвратимо и свѣтло.

А сердцу, можетъ быть, милѣй
Высокомѣріе сознанья, —
Милѣе мука, если въ ней
Есть тонкій ядъ воспоминанья.

Ледяная тюрьма.

Пятно жерла стѣною огибая,
Минутно ледъ туманный позлащенъ . . .
Мечта весны, когда-то голубая,
Твоей тюрьмой горящей я смущенъ!

Истомлена сверканіемъ напраснымъ,
И плачешь ты, и рвешься трепеща,
Но для чудесъ въ дыму полудня красномъ
У солнца нѣтъ побѣднаго луча.

Ты помнишь ликъ свѣтила, но иного,
Въ тебя не тѣ глядѣлися цвѣты,
И твой конецъ на сердцѣ у больного,
Коль подъ землей не задохнешься ты.

Но не желай свидѣтелемъ безмолвнымъ
До чаръ весны сберечь свой синій плѣнъ . . .
Ты не мечта, ты будешь только тлѣнъ
Раскованнымъ и многозвучнымъ волнамъ.

Зимній романсъ.

Застыла тревожная ртуть,
И вѣтеръ ночами несносенъ;
Но если ты слышалъ, — забудь
Скрипѣнье надломленныхъ сосенъ!

На черное глядя стекло,
Одинъ, со свѣчою угрюмой,
Не думай о томъ, что прошло:
Совсѣмъ, если можешь, не думай!

Зима вѣдь не сдастся: тверда!
Смириться-бы, что-ли . ... Пора-же!
Иль лира часовъ и тогда
Надъ нами качалась не та-же?

Минута.

Узорныя ткани такъ зыбки,
Горячая пыль такъ бѣла,
Не надо ни словъ, ни улыбки:
Останься такой, какъ была;

Останься неясной, тоскливой,
Осенняго утра блѣднѣй, —
Подъ этой поникшею ивой,
На фонѣ дрожащихъ тѣней . . .

Минута — и вѣтеръ, метнувшись,
Въ узорахъ развѣетъ листы,
Минута — и сердце, проснувшись,
Увидитъ, что это — не ты . . .

Побудь-же безъ словъ, безъ улыбки,
Побудь точно призракъ, — пока
Узорныя тѣни такъ зыбки
И бѣлая пыль такъ чутка . . .

Моя тоска.

Пусть травы смѣнятся надъ капищемъ волненья
И восковой въ гробу забудется рука:
Мнѣ кажется, межъ васъ одно недоумѣнье
Все будетъ жить мое, одна моя тоска . . .

Нѣтъ, не о тѣхъ, увы! кому столь недостойно,
Ревниво, бережно и страстно былъ я милъ . . .
О, сила любящихъ и въ мукѣ такъ спокойна,
У женской нѣжности завидно много силъ.

Да и при чемъ бы здѣсь недоумѣнья были?
Любовь вѣдь свѣтлая, она кристаллъ, эѳиръ . . .
Моя, безлюбая, дрожитъ, какъ лошадь въ мылѣ:
Ей пиръ отравленный, мошенническій пиръ.

Въ вѣнкѣ изъ тронутыхъ, изъ вянущихъ азалій
Собралась пѣть она . . . Не смолкъ и первый стихъ, —
Какъ маленькихъ дѣтей у ней перевязали,
Сломали руки имъ и ослѣпили ихъ.

Она безполая, у ней для всѣхъ улыбки,
Она притворщица, у ней порочный вкусъ;
Качаетъ цѣлый день она пустыя зыбки,
И образокъ въ углу — Сладчайшій Іисусъ.

Я выдумалъ ее — и все-жъ она видѣнье,
Я не люблю ее — и мнѣ она близка;
Недоумѣлая, мое недоумѣнье,
Всегда веселая, она — моя тоска.

Петербургъ.

Желтый паръ Петербургской зимы,
Желтый снѣгъ, облипающій плиты!
Я не знаю, гдѣ *вы* и гдѣ *мы*,
Знаю только, что крѣпко мы слиты.

Сочинилъ ли насъ царскій указъ,
Потопить ли насъ Шведы забыли,
Вмѣсто сказки въ прошедшемъ у насъ —
Только камни да страшныя были! . . .

Только камни намъ далъ чародѣй,
Да Неву буро-желтаго цвѣта,

Да пустыни нѣмыхъ площадей,
Гдѣ казнили людей до разсвѣта . . .

А что было у насъ на землѣ,
Чѣмъ вознесся орелъ нашъ двуглавый,
Въ темныхъ лаврахъ гигантъ на скалѣ
Станетъ завтра ребячьей забавой . . .

Ужъ на что былъ онъ грозенъ и смѣлъ,
Да скакунъ его бѣшенный выдалъ:
Царь змѣи раздавить не сумѣлъ, —
И прижатая — стала нашъ идолъ.

Ни цвѣтовъ, ни чудесъ, ни святынь,
Ни миражей, ни слезъ, ни улыбки . . .
Только камни изъ мерзлыхъ пустынь,
Да сознанье проклятой ошибки.

Даже въ маѣ, когда разлиты
Бѣлой ночи надъ волнами тѣни —
Тамъ не чара весенней мечты,
Тамъ отрава безплодныхъ хотѣній . . .

К. М. Фофановъ.

1862—1911.

* * *

Ищите новые пути!
Сталъ тѣсенъ міръ, его оковы
Неумолимы и суровы, —
Гдѣ-жъ вѣчнымъ розамъ зацвѣсти?
Ищите новые пути!
Мечты исчерпаны до дна,
Изсякъ источникъ вдохновенья!
Но близко, близко возрожденье,
Иная жизнь — иного сна! . . .
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца . . .
Великъ и вѣченъ храмъ искусства, —
Жрецы невѣдомаго чувства
Къ нему нисходятъ безъ конца! . . .
И есть любовь . . . и есть сердца . . .
Мы не въ пустынѣ, не одни,
Дорогъ невѣдомыхъ есть много,
Какъ звѣздъ на небѣ, думъ у Бога,
Какъ сновъ въ загадочной тѣни! . . .
Мы не въ пустынѣ, не одни!

Подъ музыку осенняго дождя.

Темно, темно! . . . На улицѣ пустынно . . .
Подъ музыку осенняго дождя,
Иду во тьмѣ . . . Таинственно и длинно
Путь стелется, къ теплу огней ведя.

Въ умѣ моемъ рождаются картины
Одна другой прекраснѣй и свѣтлѣй . . .
На небѣ тьма, а солнце жжетъ долины,
И солнце то взошло въ душѣ моей!

Пустынно все, — но тамъ журчатъ потоки,
Гдѣ я иду незримою тропой;
Они въ душѣ родились одиноки,
И сердца струнъ въ нихъ слышится прибой.

Не сами ль мы своимъ воображеньемъ
Жизнь создаемъ, къ безсмертію идя,
И міръ зовемъ волшебнымъ сновидѣньемъ
Подъ музыку осенняго дождя! . . .

Грѣшница.

Я такъ разстроена, я такъ разслаблена . . .
Ночь вся полна ароматной мечтой.

Смотритъ въ окно мое бѣлая яблоня,
Съ вѣтромъ цѣлуясь дрожащей листвой.

Будто подъ бѣлой фатою, несмѣлыя
Звѣзды мнѣ съ неба мерцаютъ едва . . .
Руки мои опустилися бѣлыя,
Въ мертвомъ молчаніи гаснутъ слова.

Нѣтъ ни молитвъ, ни слезы покаянія.
Чуждая міру — чужда небесамъ . . .
Можешь ли вымолить мнѣ оправданіе?
За оправданіе сердце отдамъ!

---

* * *

Потуши свѣчу, занавѣсь окно —
По постелямъ всѣ разбрелись давно.
Только мы не спимъ; самоваръ погасъ;
За стѣной часы бьютъ четвертый разъ.
До полуночи мы украдкою
Увлекалися рѣчью сладкою:
Мы замыслили много чистыхъ дѣлъ . . .
До утра-бъ сидѣть — да всему предѣлъ.
Ты задумался, я сижу — молчу . . .
Занавѣсь окно, потуши свѣчу!

---

* * *

Случайно выпавшій цвѣтокъ
Изъ благовоннаго букета,
О тайнѣ выданный намекъ
Въ стихахъ любимаго поэта,

Мелькнувшій въ небѣ метеоръ,
Мерцанье блѣдное лампады,
Родныхъ очей привѣтный взоръ —
Все будитъ тайныя услады,

Все вызываетъ жаръ ланитъ
И слезы чистыхъ вдохновеній,
Когда насъ мирно сторожитъ
Любви и молодости геній . . .

Когда-жъ, какъ въ бурю облака,
Живая молодость промчится
И къ намъ недружно постучится
Суровой старости клюка,

Тогда — мерцанье милыхъ глазъ,
Цвѣтокъ изъ пестраго букета,
Случайный вздохъ, строфа поэта —
Воспоминанья будятъ въ насъ . . .

Поликсена Соловьева (Allegro).

род. въ 1862 г.

Въ туманѣ.

Люди въ туманѣ все смутно мелькаютъ и таютъ.
Туманъ разлился надъ землею.
Черный кустарникъ унылыя вѣтви склоняетъ,
Прощаясь съ умершей листвою.
Люди усталые, взоромъ къ землѣ приникая,
Неясную ищутъ дорогу,
А надъ туманами ангелы, крылья вздымая,
Съ молитвой возносятся къ Богу.
И въ вышинѣ, недоступной для робкаго взора,
Какъ воины дальняго стана,
Лики пророковъ и стройныя главы собора
Сіяютъ надъ моремъ тумана.

Жемчужина.

Былъ сладокъ долгій сонъ на родинѣ моей
Подъ сѣнью алою коралловыхъ вѣтвей.

Въ безбрежно-тусклой мглѣ не вѣдала я утра,
Мракъ овѣвалъ меня въ объятьяхъ перламутра.
Все пѣнье серебра, вся нѣга тайныхъ словъ
Не могутъ передать моихъ жемчужныхъ сновъ.
Очнулась, вздрогнувъ я, отъ солнечнаго свѣта,
У дня жестокаго искала я отвѣта,
Я обнаженная, звала покровъ волны
И перламутровой прохладной тишины.
Но безотвѣтна дня горячая могила,
И тусклою слезой навѣки я застыла.
Пронзили грудь мою, и сладостна была
Подводнымъ холодомъ скользнувшая игла.
Ползли мгновенія и были скучно-новы;
Томили легкія шелковыя оковы,
И складки душныя, и шумъ людскихъ одеждъ, —
И не было конца, и не было надеждъ . . .
Влюбленной, властною и гордою рукою
Я женщинѣ дана, она владѣетъ мною,
И вспоминаются былыя ласки струй,
Когда я чувствую ихъ тайный поцѣлуй.
Но мнѣ чужда ихъ страсть, ихъ жаркія томленья;
Я женщинѣ даю иныя усыпленья
И холодъ огненный тѣхъ вкрадчивыхъ отравъ,
Что сонно зыблются въ стебляхъ подводныхъ травъ.
И стали сны ея причудливы и зыбки,
Какъ ласковый узоръ движеній тонкой рыбки.
Отъ струйныхъ лепетовъ, что къ ней скользятъ звеня,
Ей сумракъ сладостенъ, и скученъ голосъ дня.
Блестя опаловой и мстительной мечтою,
Ее плѣняю я туманной красотою;
Застывшею слезой къ ней падаю на грудь;
Тѣснѣе и нѣжнѣй стараюсь тамъ прильнуть,
Гдѣ волосы скользятъ, какъ ласковыя змѣи,
На тепломъ мраморѣ прозрачно-тонкой шеи . . .
И жизнь ея я пью . . . Свершилась месть моя, —
Месть злая, нѣжная, печальная, какъ я.

Неразрывно.

Чѣмъ ледянѣй и ближе дышитъ смерть,
Тѣмъ жарче алость поцѣлуя.
И стонетъ страсть въ надгробномъ аллилуія.
Въ земныхъ водахъ мерцаетъ твердь.

И не дышалъ бы страстью вешній цвѣтъ
Такъ сладко, еслибъ смерти жало
По осени плодамъ не угрожало.
Безъ тѣни смертной — страсти нѣтъ.

Д. С. Мережковскій.

род. въ 1865 г.

Молитва о крыльяхъ.

Ницъ простертые, унылые,
Безнадежные, безкрылые,
Въ покаяніи, въ слезахъ, —
Мы лежимъ во прахѣ прахъ,
Мы не смѣемъ, не желаемъ,
И не вѣримъ, и не знаемъ,
И не любимъ ничего.
Боже, дай намъ избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси насъ отъ безсилья,
Дай намъ крылья, дай намъ крылья,
Крылья духа Твоего!

Веселыя думы.

Безъ вѣры давно, безъ надеждъ, безъ любви,
О странно веселыя думы мои!

Во мракѣ и сырости старыхъ садовъ —
Унылая яркость послѣднихъ цвѣтовъ.

Нирвана.

И вновь, какъ въ первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Какъ будто въ мірѣ нѣтъ страданья,
Какъ будто въ сердцѣ нѣтъ грѣха.
Не надо мнѣ любви и славы:
Въ молчаньи утреннихъ полей
Дышу, какъ дышатъ эти травы . . .
Ни прошлыхъ, ни грядущихъ дней
Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастіе — не мыслить,
Какая нѣга — не желать!

---

* * *

Такъ жизнь ничтожествомъ страшна,
И даже не борьбой, не мукой,
А только безконечной скукой
И тихимъ ужасомъ полна,
Что кажется — я не живу,
И сердце перестало биться,
И это только наяву
Мнѣ все одно и то же снится.
И если тамъ, гдѣ буду я,
Господь меня, какъ здѣсь, накажетъ, —
То будетъ смерть, какъ жизнь моя,
И смерть мнѣ новаго не скажетъ.

---

* * *

На тѣ холмы, въ лѣса сосновые,
Гдѣ пахнетъ горькая полынь,
Уйти бы въ верески лиловые
Благоухающихъ пустынь.

Тамъ безмятежнѣй грусть закатная,
И умиленнѣй тишина,
Свѣжѣе въ травахъ свѣжесть мятная
И непорочнѣе весна.

А чуть блеснетъ сквозь хвои сонныя,
Какъ сквозь рѣсницы, лучъ свѣтилъ, —
Курятся смолы благовонныя,
Какъ дымъ безчисленныхъ кадилъ.

Өедоръ Сологубъ.

род. въ 1863 г.

Амфора.

Въ амфорѣ, ярко расцвѣченной,
Угрюмый рабъ несетъ вино.
Неровенъ путь неосвѣщенный,
А въ небесахъ уже темно, —
И напряженными глазами
Онъ зорко смотритъ въ полутьму,
Чтобъ черезъ край вино струями
Не пролилось на грудь ему.

Такъ я несу моихъ страданій
Давно наполненный фіалъ. —
Въ немъ лютый ядъ воспоминаній,
Таясь коварно, задремалъ.
Иду окольными путями
Съ сосудомъ зла, чтобъ кто-нибудь
Неосторожными руками
Его не пролилъ мнѣ на грудь.

---

* * *

Что вчера пробѣгало во мнѣ,
Что вчера называлъ я собою,

Вотъ оно въ голубой вышинѣ
Забѣлѣлося тучкой сквозною.

Тотъ порывъ, что призывной тоской
Въ этомъ сердцѣ вчера отозвался,
Это онъ передъ близкой грозой
Надъ шумящею нивой промчался.

Та мечта, что въ безрадостной мглѣ
Даровала вчера мнѣ забвенье,
На иной и далекой землѣ
Снова ищетъ себѣ воплощенья.

Огнемъ.

Проходитъ она торопливо
На шумныхъ путяхъ городскихъ,
Лицо закрывая стыдливо
Повязкой отъ взоровъ людскихъ:
Пожаромъ ее опалило,
Вся кожа лица сожжена,
И только глаза защитила
Своими руками она.

Въ пожарѣ порочныхъ желаній
Безпомощно духъ мой горѣлъ,
И только усладу мечтаній
Спасти отъ огня я успѣлъ.
Я жизни свободной не знаю,
Въ душѣ моей — мрачные сны,
Я трепетно ихъ укрываю
Подъ нѣжною тканью весны.

---

* * *

Еще томительно горя,
Не умеръ тихій день.
Еще усталая заря

Не вовсе погрузилась въ тѣнь, —
Но чуть замѣтный серпъ луны
Уже надъ міромъ занесенъ,
Уже дыханьемъ тишины
Просторъ полей завороженъ,
И есть предчувствіе во всемъ
Святыхъ и радостныхъ чудесъ, —
Въ дали долинъ, въ тиши небесъ,
И въ сердцѣ трепетномъ моемъ,
И какъ далекій, тихій звонъ —
Дыханье вѣщей тишины;
И одинокій серпъ луны
Уже надъ міромъ занесенъ.

Простая пѣсенка.

Подъ остріями
Вражескихъ пикъ
Свѣтикъ убитый,
Свѣтикъ убитый поникъ.

Миленькій мальчикъ,
Маленькій мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Били, стрѣляли, —
Ты не бѣжалъ,
Ты на дорогѣ,
Ты на дорогѣ лежалъ.

Конь офицера
Вражескихъ силъ
Прямо на сердце
Прямо на сердце ступилъ.

Миленькій мальчикъ,
Маленькій мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Изъ цикла: «Личины переживаній».

Высока луна Господня.
Тяжко мнѣ.
Истомилась я сегодня
Въ тишинѣ.

Ни одна вокругъ не лаетъ
Изъ подругъ.
Скучно, страшно замираетъ
Все вокругъ.

Въ ясныхъ улицахъ такъ пусто,
Такъ мертво.
Не слыхать шаговъ, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая въ тревогѣ,
Жду я бѣдъ.
Слабо пахнетъ по дорогѣ
Чей-то слѣдъ.

Никого нигдѣ не будитъ
Быстрый шагъ.
Жданный путникъ, кто жъ онъ будетъ,—
Другъ иль врагъ?

Подъ холодною луною
Я одна.
Нѣтъ, не въ мочь мнѣ, — я завою
У окна.

Высока луна Господня,
Высока.

Грусть томитъ меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Лунная колыбельная.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну.
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну.
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: — Ты не бойся, ты не дуйся, я засну.

Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія разскажетъ отходящему ко сну.

Онъ про звѣздочки разскажетъ, онъ разскажетъ про луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну.

Промолчитъ про тѣхъ, кто плачетъ, кто томится въ полону,
Кто закованъ, зачарованъ, кто влюбился въ тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотритъ на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотритъ въ вышину, —

Тотъ поникнетъ, и не крикнетъ, и не пикнетъ, и поникнетъ въ глубину,
И на рѣчкѣ съ легкимъ плескомъ кругъ за кругомъ пробѣжитъ волна въ волну.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки-свѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

Тихая колыбелоная

Много бѣгалъ мальчикъ мой,
Ножки голыя въ пыли.
Ножки милыя помой.
Мóя ножки задремли.
Я спою тебѣ, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнулъ въ двери сонъ.
Я шепнула: — Сонъ, войди. —
Волоса его какъ ленъ,
Ручки дремлютъ на груди, —
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Сонъ, ты гдѣ былъ? — За горой.
— Что ты видѣлъ? — Лунный свѣтъ.
— Съ кѣмъ ты былъ? — Съ моей сестрой.
— А сестра пришла къ намъ? — Нѣтъ. —
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлетъ блѣдная луна.
Тихо въ полѣ и въ саду.
Кто-то ходитъ у окна,
Кто-то шепчетъ: — Я приду. —
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто то шепчетъ у окна,
Точно вѣтки шелестятъ:
— Тяжело мнѣ. Я больна.

Помоги мнѣ, милый братъ. —
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

— Я косила цѣлый день.
Я устала. Я больна. —
За окномъ шатнулась тѣнь,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

---

* * *

Пришелъ. Пришелъ издалека.
  Окрестъ въ поляхъ прохлада.
И будетъ смерть моя легка
  И слаще яда.

Склонилъ задумчиво главу.
  Въ траву роса упала.
Еще дышу. Еще живу.
  Такъ жизни мало.

Туманъ восходитъ, — и она
  Идетъ. Такъ тихо въ полѣ.
Поетъ, — мнѣ пѣснь ея слышна, —
  Поетъ о волѣ.

Пришелъ. Она ко мнѣ близка.
  Въ ея очахъ отрада.
И будетъ смерть моя легка
  И слаще яда.

---

* * *

Многоцвѣтная ложь бытія,
Я бороться съ тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Какъ больная и злая змѣя
И молчу, сиротливо молчу.

У подножья нахмуренныхъ скалъ,
По разсѣлинамъ мглистосырымъ
Мой отверженный путь пролегалъ.
Тамъ когда-то я съ вѣрой внималъ
Голосамъ и громамъ роковымъ.

А теперь, какъ больная змѣя,
По разсѣлинамъ мглисто-сырымъ
Пробираюсь медлительно я.
Многоцвѣтная ложь бытія,
Я отравленъ дыханьемъ твоимъ.

Изъ: «Очарованія земли».

Тріолеты.

*

Въ небо ясное гляжу,
И душа моя взволнована,
Дивной тайной зачарована.
Въ небо ясное гляжу, —
Самъ ли звѣзды вывожу,
Божья ль тайна въ нихъ закована?
Въ небо ясное гляжу,
И душа моя взволнована.

*

Тонкій край свой мѣсяцъ долу кажетъ,
Серебристо-алый на востокѣ.
Неба сини все еще глубоки,
Но ужъ край свой мѣсяцъ долу кажетъ,
И заря ужъ пологъ въ розы вяжетъ,
Чтобъ напомнить о суровомъ срокѣ.
Тонкій край свой мѣсяцъ долу кажетъ,
Серебристо-алый на востокѣ.

*

Томилось небо такъ свѣтло,
Легко, легко, легко темнѣя.

Звѣзда зажглась, дрожа и млѣя.
Томилось небо такъ свѣтло,
Звѣзда мерцала такъ тепло,
Какъ надъ улыбкой водъ лилея.
Томилось небо такъ свѣтло,
Легко, легко, легко темнѣя.

*

Воздухъ, пестрый отъ дождя,
Снова милъ и снова свѣжъ.
Ножки дѣтскія потѣшь
Мелкимъ брызганьемъ дождя.
Дождь, надъ рощею пройдя,
Тѣнь укромную разнѣжь.
Послѣ вешняго дождя
Воздухъ снова милъ и свѣжъ.

*

Какъ на куртинѣ узкой маки,
Заря пылаетъ. Садъ расцвѣлъ
Дыханьемъ сладкихъ матіолъ.
Прохлады росной жаждутъ маки,
А за оградой сада злаки
Мечтаютъ о лобзаньяхъ пчелъ.
Заря пылаетъ. Дремлютъ маки.
Садъ матіолами расцвѣлъ.

Вячеславъ Ивановъ.

род. въ 1866 г.

Садъ розъ.

Въ полдень жадно-воспаленный,
  Въ изможденьѣ страстныхъ розъ,
Изобильемъ утомленный
  Въ огражденьѣ властныхъ розъ,
Я вдыхаю зной отравный
  Благовонной тѣсноты.

«Гдѣ», вздыхаю, «ты дубравный?»
  И тоскую: «гдѣ же ты?»

Легконогій, одичалый,
  Ты примчись изъ темныхъ пущъ!
Входятъ боги въ садъ мой алый,
  Въ душный рай утомныхъ кущъ.
Взрой луга мои копытомъ,
  Возмути мои ключи!
Въ цвѣтникѣ моемъ укрытомъ
  Пчелы рѣютъ и въ ночи.

Золотыя рѣютъ пчелы
  Надъ кострами рдяныхъ розъ.
Млѣютъ нарды. Бьютъ Пактолы.
  Зрѣютъ гроздья пьяныхъ лозъ.
Каплютъ звонъ изъ урнъ Наяды
  Межъ лазурныхъ зеленей . . .
Занеси въ мои услады
  Запахъ лога и корней, —

Духъ полынный, вялость прѣли,
  Смольный духъ опалыхъ хвой,
И пустынный вопль свирѣли,
  И Дріады шалой вой!
Узы яркія плету я —
  Плѣны стройныхъ, жаркихъ бедръ;
Розы красныя стелю я —
  Искушеній страстныхъ одръ.

Здѣсь пугливый, здѣсь, блаженный,
  Будешь, плѣнный, ты бродить,
И вокругъ, въ тоскѣ священной,
  Око дикое водить, —
Что земля и лѣсъ пророчитъ,
  Ключъ рокочетъ, лепеча, —
Что въ пещерѣ густотѣнной
  Сестры пряли у ключа.

Вызываніе Вакха.

Чаровалъ я, волхвовалъ я,
Бога-Вакха зазывалъ я
На рѣчныя быстрины,
Въ чернолѣсье, въ густосмолье,
Въ изобилье, въ пустодолье,
На морскіе валуны.

Колдовалъ я, волхвовалъ я,
Бога-Вакха вызывалъ я
На распутія дорогъ,
Въ часъ заклятый, часъ Гекаты,
Въ полдень, чарами зачатый:
Былъ невидимъ близкій богъ.

Снова звалъ я, призывалъ я,
Къ богу-Вакху воззывалъ я:
,,Ты, незримый, здѣсь, со мной!
Что же ликъ полдневный кроешь?
Сердце тайной безпокоишь?
Что таишь свой ликъ ночной?

,,Умились надъ злой кручиной,
Подъ любой явись личиной,
Въ струйной влагѣ, иль въ огнѣ.
Иль, какъ отрокъ запоздалый,
Взоръ узывный, взоръ усталый
Обрати въ ночи ко мнѣ.

,,Я ль тебя не поджидаю
И, любя, не угадаю
Винныхъ глазъ твоихъ свирѣль?
Я ль въ дверяхъ тебя не встрѣчу
И на зовъ твой не отвѣчу
Дерзновеньемъ въ ночь и хмель? . . . .‘‘

Обликъ стройный у порога . . .
Въ сердцѣ сладость и тревога . . .
Нѣтъ дыханья . . . Свѣта нѣтъ . . .

Полу-отрокъ, полу-птица...
Подъ бровями тучъ зарница
Зыблетъ тусклый пересвѣтъ...

Демонъ зла иль небожитель,
Дѣлитъ онъ мою обитель,
Клювомъ грудь мою клюетъ,
Плоть кровавую бросаетъ...
Сердце таетъ, воскресаетъ,
Алый ключъ ліетъ, ліетъ...

Изъ далей далекихъ.

Пустынно и сладко, и жутко въ ночи
Свирѣльная нота — неотступно одна —
Плачетъ въ даляхъ далекихъ . . . Заунывно звучи,
Запредѣльная флейта, голосъ темнаго дна!

То ночь ли томится — или шепчетъ кровь
(Ахъ, сердце — темница безсонныхъ ключей!), —
Твой звонъ прерывный вернулъ мнѣ вновь
Сивиллинскія чары отзвучавшихъ ночей!

Тоскуя, ловилъ въ неземной тишинѣ
Неразгаданный стонъ мой младенческій слухъ,
И душа, какъ сомнамбула, шла въ полуснѣ
Чуткой ощупью вслѣдъ . . . И свѣточъ — тухъ . . .

Море, темное море — одно предо мной . . .
Чу, Сирена кличетъ съ далекихъ камней . . .
«Вспомни, вспомни» — звучитъ за глухой волной
Берегъ смытыхъ дней, плачъ забытыхъ тѣней! . . .

---

* * *

Мгла тусклая легла по придорожью
И тишина.
Едва зарница вспыхнетъ бѣглой дрожью;
Едва видна

Нечастыхъ звѣздъ мерцающая розсыпь.
Издалека
Свирѣлитъ жаба. Чья-то въ полѣ поступь
Легка, легка . . .

Нѣмѣетъ жизнь, затаена однажды;
И смутный лугъ,
И перелѣсокъ очурался каждый
Въ волшебный кругъ . . .
Нѣмѣетъ въ сердцѣ, замкнутомъ однажды,
Любви тоска;
Но ждетъ тебя дыханья трепетъ каждый —
Издалека . . .

---

* * *

Во снѣ предсталъ мнѣ нагъ и смуглъ Эротъ,
Какъ знойнаго пловецъ Архипелага.
Съ ночныхъ кудрей текла на плечи влага;
Вздымались перси; въ пѣнѣ блѣдный ротъ . . .

«Тебѣ слугой была моя отвага,
Тебѣ, — шепнулъ онъ, — даръ моихъ щедротъ:
Въ индійскій я нырнулъ водоворотъ,
Утѣшнаго тебѣ искатель блага.»

И, сѣткой препоясанъ, вынулъ онъ
Жемчужину таинственнаго блеска,
И въ руку мнѣ она скатилась вѣско . . .

И схваченъ въ виръ, и бурей унесенъ,
Какъ Па̀оло, съ тобой, моя Франческа
Я свилъ свой вихрь . . . Кто свѣялъ съ вѣждъ мой сонъ?

Сфинксы надъ Невой.

Волшба ли ночи бѣлой приманила
Васъ маревомъ въ полонъ полярныхъ дивъ,
Два звѣря — дива изъ стовратныхъ Ѳивъ?
Васъ блѣдная ль Изида полонила?

Какая тайна вамъ окаменила
Жестокихъ устъ смѣющійся извивъ?
Полночныхъ волнъ немеркнущій разливъ
Вамъ радостнѣй ли звѣздъ святого Нила?

Такъ въ часъ, когда томятъ насъ двѣ зари
И шепчутся лучами, дѣя чары,
И въ небесахъ мѣняютъ янтари, —

Какъ два серпа, подъемля двѣ тіары,
Другъ другу въ очи — дѣвы иль цари —
Глядите вы, улыбчивы и яры.

---

* * *

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночнаго бора;
Мы — два въ ночи летящихъ метеора,
Одной судьбы двужалая стрѣла!

Мы два коня, чьи держитъ удила
Одна рука, — одна язвитъ ихъ шпора;
Два ока мы единственнаго взора,
Мечты одной два трепетныхъ крыла.

Мы — двухъ тѣней скорбящая чета
Надъ мраморомъ божественнаго гроба,
Гдѣ древняя почіетъ Красота.

Единыхъ тайнъ двугласныя уста,
Себѣ самимъ мы — Сфинксъ единый оба.
Мы — двѣ руки единаго креста.

---

* * *

Мы — двухъ тѣней скорбящая чета
Надъ сномъ тѣней Сновидца грезы сонной . . .
И снится намъ: межъ спящихъ благовонный
Мы алавастръ несемъ къ ногамъ Христа.

И спитъ народъ и стража у Креста,
И пьянъ дремой предсмертной пригвожденный.
Но, преклонивъ къ намъ обликъ изможденный:
,Въ иныя взятъ‘, — такъ молвитъ онъ, — ,мѣста,

По Комъ тоской болѣете вы оба,
И не найдетъ для новыхъ крестныхъ мукъ
Умершаго земли мятежной злоба.

Воскресшаго не сдержитъ темный кругъ‘ . . .
И вотъ стоимъ, не разнимая рукъ,
Надъ мраморомъ божественнаго гроба.

Жертва агнчая.

Есть агница въ базальтовой темницѣ
Твоей божницы, жрецъ! Настанетъ срокъ:
Въ сѣкирѣ вспыхнетъ отблескомъ востокъ,
И бѣлая поникнетъ въ багряницѣ.

Крылатый конь и лань тебя, пророкъ,
Въ зарницахъ сновъ влекутъ на колесницѣ:
Поникнетъ лань, когда «Лети!» возницѣ
Бичами вихря визгнетъ въ уши Рокъ.

Млеко любви и желчь свершенiй черныхъ
Смѣсивъ въ сосудахъ избранныхъ сердецъ,
Богъ двѣ души вдохнулъ противоборныхъ

Въ тебя, пророкъ, — въ тебя, покорный жрецъ!
Одна влечетъ, — другая не дерзаетъ:
Цвѣты луговъ, приникнувъ, лобызаетъ.

---

* * *

Таинственная свѣтится рука
Въ дѣвическихъ твоихъ и вѣщихъ грёзахъ,
Гдѣ птицы солнца на янтарныхъ лозахъ,
Пьютъ гроздiй сокъ, примчась издалека, —

И тѣни бѣлыхъ конницъ — облака —
Томятъ лазурь въ неразрѣшенныхъ грозахъ,
И пчелы полдня зыблются на розахъ
Тобой недоплетеннаго вѣнка . . .

И въ сонной мглѣ, что шепчетъ безглагольно,
Единственная свѣтится рука
И держитъ сердце радостно и больно.

И ждетъ, и вѣритъ свѣтлая тоска,
И бьется сердце сладко-подневольно,
Какъ сжатая тѣснинами рѣка.

Путь въ Эммаусъ.

День третій рдяныя вѣтрила
Къ закатнымъ пристанямъ понесъ . . .
Въ душѣ — Голгоѳа, и могила,
И споръ, и смута, и вопросъ . . .

И, безпощадная, коварно
Вездѣ стоитъ на стражѣ Ночь, —
А солнце тонетъ лучезарно,
Ея не въ силахъ превозмочь . . .

И Неизбѣжное зіяетъ,
И сердце душитъ узкій гробъ . . .
И гдѣ-то бѣлое сіяетъ,
Надъ мракомъ золъ, надъ моремъ злобъ!

И женщинъ бѣлыхъ восклицанья
Въ бреду благовѣстятъ — про что? . . .
Но съ помаваньемъ отрицанья,
Качая мглой, встаетъ Ничто . . .

И, кто-то, странный, по дорогѣ
Къ намъ пристаетъ и говоритъ
О жертвенномъ, о мертвомъ Богѣ . . .
И сердце дышитъ, и горитъ . . .

К. Д. Бальмонтъ.

род. въ 1867 г.

* * *

Я — изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты — предтечи;
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.
Я — внезапный изломъ,
Я — играющій громъ,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Драгоцѣнные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я — изысканный стихъ.

---

* * *

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій кругозоръ.
Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море,
И пышный цвѣтъ долинъ.
Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.

Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.

Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,
Я буду пѣть . . . Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ!

Надъ болотомъ.

Надъ болотомъ позабытымъ брошенъ мостъ,
За болотомъ позабытымъ брызги звѣздъ.
Тамъ, за топью, цѣпенѣя, спитъ Лазурь,
Затаивъ для дней грядущихъ сумракъ бурь.

Неживыя, пропадаютъ брызги звѣздъ,
И къ болоту отъ болота брошенъ мостъ.
И одно лишь не обманетъ — жадность бурь,
Ею дышетъ — съ ней въ объятьяхъ — спитъ Лазурь.

Снѣжинки.

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было число.
Различную форму являли пушинки,
И всѣ такъ мерцали воздушно-свѣтло.

Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
Какъ мягокъ сквозистый ихъ свѣтъ.
Но дѣтскіе пальчики чуть шевельнули, —
И больше ихъ нѣтъ.

Черемуха.

Черемухой душистой съ тобой опьянены,
Мы вдругъ забыли утро, и вдругъ вступили въ сны.

И утро превратилось въ моря безъ береговъ,
Моря пловучихъ тучекъ, вѣтвей, кустовъ, цвѣтовъ.

Цвѣты, деревья, травы, и травы, и цвѣты,
Моря цвѣтовъ и красокъ, любовь, и я, и ты.

Лицо къ лицу склонивши и руку въ руку взявъ,
Мы вдругъ прониклись счастьемъ легко дрожащихъ
травъ.

Безмѣрнымъ свѣтомъ Солнце свѣтило съ высоты,
И было изумленье, восторгъ, и я, и ты.

Въ насъ царствовала вѣчность, въ насъ былъ короткій
часъ,
У утро выростало для насъ, для насъ, для насъ.

Мы были два сіянья, два призрака весны,
Черемухой душистой подсказанные сны.

Золотая рыбка.

Въ замкѣ былъ веселый балъ,
Музыканты пѣли.
Вѣтерокъ въ саду качалъ
Легкія качели.

Въ замкѣ, въ сладостномъ бреду,
Пѣла, пѣла скрипка.
А въ саду была въ пруду
Золотая рыбка.

И кружились подъ Луной,
Точно вырѣзныя,
Опьяненныя весной,
Бабочки ночныя.

Прудъ качалъ въ себѣ звѣзду,
Гнулись травы гибко.
И мелькала тамъ въ пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видѣли ея
Музыканты бала,

Но отъ рыбки, отъ нея
  Музыка звучала.

Чуть настанетъ тишина,
  Золотая рыбка,
Промелькнетъ, и вновь видна
  Межь гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучитъ,
  Пѣсня раздается.
И въ сердцахъ Любовь журчитъ,
  И Весна смѣется.

Взоръ ко взору шепчетъ: «Жду!»
  Такъ свѣтло и зыбко.
Оттого что тамъ въ пруду —
  Золотая рыбка.

---

* * *

Она отдалась безъ упрека,
Она цѣловала безъ словъ.
— Какъ темное море глубоко,
Какъ дышатъ края облаковъ!

Она не твердила: «Не надо»,
Обѣтовъ она не ждала.
— Какъ сладостно дышитъ прохлада,
Какъ таетъ вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утратъ.
— Какъ сказочно свѣтятъ созвѣздья,
Какъ звѣзды безсмертно горятъ!

Раковинки.

Раковинки, камешки, игрушки,
Сказки-травки въ зеркалѣ рѣки.
Жилъ Старикъ и говорилъ Старушкѣ: —
Мы съ тобой зачахнемъ отъ тоски.

Говоритъ Старушка: Что-же, Старый,
Создавай ты Море для людей.
Я создамъ ручьи, лѣсныя чары,
Жить тогда намъ будетъ веселѣй.

Люди кораблей себѣ настроятъ,
Будутъ пѣть, браниться и кричать.
Если жъ мысли ихъ забезпокоятъ,
Ключъ лѣсной имъ будетъ отвѣчать.

Дѣти прибѣгутъ играть на взморье,
Море что и броситъ для дѣтей.
Имъ забава, намъ, сѣдымъ, подспорье,
Будетъ Старымъ въ мірѣ веселѣй.

Зашумѣло море кругземное,
Притаились по лѣсамъ ручьи.
Помолчатъ — и разольются вдвое,
Парусъ забѣлѣлъ, бѣгутъ ладьи.

И живетъ Старикъ, легко Старушкѣ,
По ручьямъ проходятъ огоньки.
Свѣтятъ травки, малыя подружки,
Раковинки, камешки, пески.

Лунный свѣтъ.

Легкій листъ на липѣ млѣя,
  Лунный лучъ въ себя вобралъ.
Спитъ зеленая аллея,
  Лишь вверху поетъ хоралъ.

Это лунное томленье,
  Съ нѣжнымъ вешнимъ вѣтеркомъ,
Легкость ласкъ влагаетъ въ пѣнье
  Липъ, загрезившихъ кругомъ.

И въ истомѣ замиранья,
  Ихъ вершины въ сладкомъ снѣ

Слышатъ лунное сіянье,
  Слышатъ вѣтеръ въ вышинѣ.

Свѣтъ луны и вѣтеръ вешній,
  Блѣдный ландышъ спитъ въ тѣни,
Грезя, видитъ сонъ нездѣшній,
  Дню хранитъ свои огни.

Полонъ зыблемаго звона,
  Легкой грезы и весны,
Съ голубого небосклона
  Принимаетъ лучъ Луны.

Ликъ Луны, любовь лелѣя,
  Міръ чаруетъ съ высоты.
Спитъ зеленая аллея,
  Спятъ деревья и цвѣты.

Безрадостность.

Мнѣ хочется безгласной тишины,
Безмолвія, безвѣтрія, безстрастья.
Я знаю, быстрымъ сномъ проходитъ счастье,
Но пусть живутъ безрадостные сны.

Съ безрадостной бездонной вышины
Глядитъ луна, горятъ ея запястья.
И странно мнѣ холодное участье
Владычицы безжизненной страны.

Тамъ не звенятъ и не мелькаютъ пчелы.
Тамъ снѣжные, безвѣтренные долы,
Безъ аромата льдистые цвѣты.

Безъ ропота безводныя пространства,
Безъ шороха застывшія убранства,
Безъ возгласовъ безмѣрность красоты.

Влага.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣетъ прохлада.
«Милый! Мой милый!» — Свѣтло,
Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ Луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!» —
Полночь глядитъ съ небосклона.

При Морѣ черномъ.

При Морѣ черномъ стоятъ столбы.
Столбы изъ камня. Число ихъ восемь.
Приходятъ часто сюда рабы.
И сонмы юныхъ несутъ гробы.
Блѣднѣютъ зимы. И шепчетъ осень.

Порой и звѣри сюда дойдутъ.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуютъ: Что дѣлать тутъ?
Пойдутъ, забродятъ, и упадутъ,
Уставъ стремиться, уставъ кружиться.

При Морѣ черномъ стоятъ столбы.
Отъ дней додневныхъ. Число ихъ грозно.
Число ихъ вѣще межъ числъ Судьбы.
И ихъ значенья на крикъ Мольбы: —
Навѣкъ. Безгласность. Враждебность. Поздно.

Зинаида Гиппіусъ.

род. въ 1868 г.

Пѣсня.

Окно мое высоко надъ землею,
  Высоко надъ землею.
Я вижу только небо съ вечернею зарею,
  Съ вечернею зарею.
И небо кажется пустымъ и блѣднымъ,
  Такимъ пустымъ и блѣднымъ . . .
Оно не сжалится надъ сердцемъ бѣднымъ,
  Надъ моимъ сердцемъ бѣднымъ.
Увы, въ печали безумной я умираю,
  Я умираю,
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
  Не знаю . . .
И это желанье не знаю откуда
  Пришло откуда,
Но сердце хочетъ и проситъ чуда,
  Чуда!
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
  Никогда не бываетъ,
Мнѣ блѣдное небо чудесъ обѣщаетъ,
  Оно обѣщаетъ —
Но плачу безъ слезъ о невѣрномъ обѣтѣ,
  О невѣрномъ обѣтѣ . . .
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
  Чего нѣтъ на свѣтѣ!

Она.

Въ своей безсовѣстной и жалкой низости
Она какъ пыль сѣра, какъ прахъ земной.
И умираю я отъ этой близости,
Отъ неразрывности ея со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она — змѣя.
Меня изранила противно-жгучая
Ея колѣнчатая чешуя.

О еслибъ острое почуялъ жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха,
Такая тяжкая, такая вялая,
И нѣтъ къ ней доступа — она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мнѣ ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная — моя душа!

Электричество.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты,
Концы обнажены.
То «да» и «нѣтъ» — не слиты,
Не слиты — сплетены.
Ихъ темное сплетенье
И тѣсно, и мертво.
Но ждетъ ихъ воскресенье,
И ждутъ они — его.
Концовъ — концы коснутся,
Другіе «да» и «нѣтъ».
И «да» и «нѣтъ» проснутся,
Сплетенные — сольются . . .
И смерть ихъ будетъ — Свѣтъ.

Нелюбовь.

Какъ вѣтеръ мокрый — ты бьешься въ ставни,
Какъ вѣтеръ черный поешь: ты мой!
Я древній хаосъ, я другъ твой давній,
Твой другъ единый, — открой, открой!

Держу я ставни, открыть не смѣю,
Держусь за ставни и страхъ таю.

Храню, лелѣю, храню, жалѣю
Мой лучъ послѣдній — любовь мою.

Смѣется хаосъ, зоветъ безокій:
Умрешь въ оковахъ, — порви, порви!
Ты знаешь счастье, ты одинокій,
Въ свободѣ счастье, — и въ Нелюбви.

Охладѣвая, творю молитву,
Любви молитву едва творю . . .
Слабѣютъ руки, кончаю битву,
Слабѣютъ руки . . . Я отворю!

Тварь.

Царица вѣчно ясная,
Душа моей души!
Зову тебя, прекрасная,
Зову тебя, спѣши!

Но, знаю, на свиданіе
Придешь ты не одна.
Придетъ мое страданіе,
Мой грѣхъ, моя вина.

И предъ тобой, обиженной,
Склоняться буду ницъ,
И слезы пить униженно
Съ опущенныхъ рѣсницъ.

Прости мнѣ! Безконечности
Въ любви я не достигъ.
Творю тебя не въ вѣчности,
Творю на краткій мигъ.

Приходишь ты, рожденная
Лишь волею моей.
И, волею зажженная,
Погаснешь вмѣстѣ съ ней.

Шатаясь отодвинешься, —
Чуть ослабѣю я . . .
И молча опрокинешься
Во мглу небытія.

Протяжная пѣсня.

Звени,
звени, кольцо кандальное,
завейтесь въ цѣпи злые дни.
Тянись,
мой путь въ изгнанье дальнее,
гдѣ вихри блѣдные сплелись.

Въ полно̀чь,
когда уснутъ вожатые,
безшумно отползу я прочь.
Собью,
со̀бью кольцо проклятое,
переломлю судьбу мою.

Прими,
прими тайга жестокая,
меня, гонимаго людьми.
Сокрой,
укрой ледяноокая,
морозной ризой, колкой мглой.

Бѣгутъ
пути, никѣмъ не слѣжены,
куда ведутъ? Куда ведутъ?
Иди,
иди тайгой оснѣженный . . .
и будь, что будетъ, впереди.

Звѣзда,
Звѣзда горитъ та самая,
которую любилъ всегда.

Гори,
  гори межъ тучъ звѣзда моя,
  о вольной волѣ говори.

Поетъ
  мнѣ вѣтеръ пѣсню смѣлую,
  впередъ, свободнаго, зоветъ.
Метель,
  метель свиваетъ бѣлую,
  свиваетъ вѣчную постель.

Любви,
  любви тоску незримую,
  о Смерть, о Мать благослови.
Прильну,
  склонюсь на грудь любимую,
  и, вольный, вольно я усну . . .

Любовь — одна.

Душой единостью чудесной
Любовь единая дана.
Такъ въ captionпослѣгрозности небесной
Цвѣтная полоса — одна.

Но семь цвѣтовъ семью огнями
Горятъ въ одной. Любовь одна,
Одна до вѣка, и не нами
Ей семицвѣтность суждена.

Въ ней фіолетовость и алость
И кровь, и золото вина,
То изумрудность, то опалость . . .
И семь сіяній — и одна.

Не все ль равно, кого отмѣтитъ,
Кого пронижетъ лучъ до дна,
Чье сердце мечъ прозрачный встрѣтитъ,
Чья отзовется глубина?

Нераздѣлимая нетлѣнна,
Неуловимая ясна, —
Непобѣдимо-неизмѣнна
Живетъ любовь всегда одна.

Переливается, мерцаетъ,
Одна всецвѣтна и одна . . .
Ее хранитъ, ее вѣнчаетъ
Святымъ единствомъ — бѣлизна.

Петербургъ

Твой остовъ прямъ, твой обликъ жестокъ,
Шершавопыльный сѣръ гранитъ,
И каждый зыбкій перекрестокъ
Тупымъ предательствомъ дрожитъ.

Твое холодное кипѣнье
Страшнѣй бездвижности пустынь.
Твое дыханье — смерть и тлѣнье,
А воды — горькая полынь.

Какъ уголь дни, — а ночи бѣлы,
Изъ скверовъ тянетъ трупной мглой.
И сводъ небесный, остеклѣлый,
Пронзенъ зарѣчною иглой.

Бываетъ: водный ходъ обратенъ,
Вздыбясь, идетъ рѣка назадъ . . .
Рѣка не смоетъ рыжихъ пятенъ
Съ береговыхъ своихъ громадъ —

Онѣ, кровавыя, — вкипѣли . . .
Ихъ ни забыть, — ни затоптать.
Горитъ, горитъ на темномъ тѣлѣ
Неугасимая печать!

Какъ прежде, вьется змѣй твой мѣдный,
Надъ змѣемъ стынетъ мѣдный конь . . .

И не пожретъ тебя побѣдный
Всеочищающій огонь, —

Нѣтъ! Ты утонешь въ тинѣ черной
Проклятый городъ, Божій врагъ!
И червь болотный, червь упорный
Изъѣстъ твой каменный костякъ.

Иванъ Бунинъ.

род. въ 1870 г.

Канунъ Купалы.

Не туманъ бѣлѣетъ въ темной рощѣ —
Ходитъ въ темной рощѣ Богоматерь.
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
Зȧстятъ ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро — пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ — пали росы,
Пахнетъ подъ росою медуница,
Золотой вѣнецъ по рощамъ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
Голубыя очи — точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ Божьему престолу

Скоро ночь — имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ — солнце сгубитъ зноемъ . . .
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

«Погляди, возлюбленное чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мірѣ Смерть — она и Жизнью правитъ.»

Но Христосъ Ей молвитъ: «Мать! не солнце —
Только землю тьма ночная кроетъ:
Смерть не сѣмя губитъ, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скоситъ Смерть — Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!»

Первая любовь.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако — и вдругъ
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокругъ.

Стеклянный, рѣдкій и ядреный
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождъ, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладою дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется — и уйдетъ изъ глазъ . . .
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!

Едва лишь добѣжимъ до чащи —
Все стихнетъ . . . О, росистый кустъ!
О взоръ, счастливый и блестящій,
И холодокъ покорныхъ устъ!

Ракета.

Былъ поздній часъ — и вдругъ надъ темнотой,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшенной змѣею.

Стремительно порывъ ее вознесъ . . .
Но мигъ одинъ — и въ темное забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ,
И медленно ихъ тихое паденье.

Псалтирь.

Блѣдносиній загадочный ликъ
На увядшія розы поникъ,

И свѣтильники гробъ золотятъ
И прозрачно струится ихъ чадъ . . .

— Дни мои отошли, отцвѣли,
Я бездомный и чуждый земли:

Да возрадуетъ духъ мой Господь,
Въ свѣтъ и жизнь облечетъ мою плоть!

Если крылья, какъ птица, возьму
И низринусь въ подземную тьму,

Если горныхъ достигну глубинъ, —
Всюду Ты, и всегда, и Единъ:

Укажи мнѣ прямые пути
И въ какую мнѣ тварь низойти.

Въ пустомъ домѣ.

Синіе обои полиняли
Образа, дагеротипы сняли —
Только тамъ остался синій цвѣтъ,
Гдѣ они висѣли много лѣтъ.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что нѣкогда любило!
Только тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣдъ.

Бѣгство въ Египетъ.

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы Ей не сбится, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
Грызлись, бились и метались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотьмахъ,
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ Мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

Кадильница.

Въ горахъ Сициліи, въ монастырѣ забытомъ,
По храму темному, по выщербленнымъ плитамъ,
Въ разрушенный алтарь пастухъ меня привелъ,
И увидалъ я тамъ: стоитъ нагой престолъ,
А передъ нимъ, въ пыли, могильно-золотая,

Давно потухшая, давнымъ давно пустая,
Лежитъ кадильница — вся черная внутри
Отъ угля и смолы, пылавшихъ въ ней когда-то . . .

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

Вальсъ.

Похолодѣли лепестки
Раскрытыхъ губъ, по-дѣтски влажныхъ,
И залъ плыветъ, плыветъ въ протяжныхъ
Напѣвахъ счастья и тоски.

Сіянье люстръ и зыбь зеркалъ,
Слились въ одинъ миражъ хрустальный,
И вѣетъ, вѣетъ вѣтеръ бальный
Тепломъ душистыхъ опахалъ.

Кружево.

Весь день метель. За дверью, у сосѣда,
Стучатъ часы и каплетъ съ оконъ ледъ.
У барышни-сосѣдки съ мясоѣда
Поетъ щеголъ. А барышня плететъ.

Сидитъ, выводитъ крестики и мушки —
Бѣла, какъ снѣгъ, скромна какъ ленъ въ степи.
Темно въ уѣздной крохотной избушкѣ,
Наскучили гремучія коклюшки,
Весна идетъ . . . Да какъ же быть? Терпи!

Синѣетъ дымъ метели, вьются галки
Надъ старой колокольней . . . День прошелъ,
А толку чтò? — Текутъ съ окна мочалки
И о веснѣ поетъ дуракъ щеголъ.

Мирра Лохвицкая.

1871—1905.

* * *

И вѣтра стонъ, и шопотъ мрачныхъ думъ . . .
  И жить отрады нѣтъ . . .
А гдѣ-то зной, и моря тихій шумъ,
  И солнца яркій свѣтъ!
Гудитъ метель и множитъ въ сердцѣ гнетъ
  Не выплаканныхъ слезъ . . .
А гдѣ-то миртъ, зеленый миртъ растетъ
  И кущи бѣлыхъ розъ!
Проходитъ жизнь въ мечтаньяхъ объ иномъ,
  Ничтожна и пуста . . .
А гдѣ-то смѣхъ, и счастье бьетъ ключомъ,
  И блескъ, и красота!

Пѣсня о замерзшемъ окнѣ.

Грезитъ міромъ чудесъ,
Въ хрусталяхъ и въ огнѣ,
Очарованный лѣсъ
На замерзшемъ окнѣ.

Утра зимній пожаръ
Въ немъ нежданно зажегъ
Полный дѣвственныхъ чаръ
Драгоцѣнный чертогъ. —

И надъ жизнью нанесъ
Серебристый покровъ
Замерзающихъ грезъ,
Застывающихъ сновъ.

Валерій Брюсовъ.

род. въ 1873 г.

Поэту.

Ты долженъ быть гордымъ, какъ знамя;
Ты долженъ быть острымъ, какъ мечъ;
Какъ Данту, подземное пламя
Должно тебѣ щеки обжечь.

Всего будь холодный свидѣтель,
На все устремляя свой взоръ.
Да будетъ твоя добродѣтель —
Готовность войти на костеръ.

Быть можетъ, все въ жизни лишь средство
Для ярко-пѣвучихъ стиховъ,
И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи сочетанія словъ.

Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Въ снахъ утра и въ безднѣ вечерней
Лови, что шепнетъ тебѣ Рокъ,
И помни: отъ вѣка изъ терній
Поэта завѣтный вѣнокъ.

---

* * *

Яростныя птицы съ огненными перьями
Пронеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями;
Огненные отблески вспыхнули на мраморѣ,
И умчались странницы, улетѣли за море.

Но на чистомъ мраморѣ, на порогѣ дѣвственномъ,
Что-то все алѣлося блескомъ неестественнымъ,

И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

Изъ Вечеровыхъ Пѣсенъ.

1.

Воздухъ становится синимъ,
Словно разрѣженный дымъ . . .
Часъ упоительно мирный
Мы успокоенно минемъ,
Близясь къ часамъ роковымъ.

Выгнулся куполъ эѳирный;
Движется мѣрно съ Востока
Тѣнь отъ ночного крыла;
Въ безднѣ бездонно-глубокой
Все откровенное тонетъ,
Всюду — лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валомъ безсильныхъ огней?
Черные всадники гонятъ
Черныхъ быковъ милліоны, —
Стадо полночныхъ тѣней!

2.

Помню вечеръ, помню лѣто,
Рейна полныя струи,
Надъ померкшимъ старымъ Кёльномъ
Золотые нимбы свѣта,
Въ этомъ храмѣ богомольномъ —
Взоры нѣжные твои . . .

Гдѣ-то пѣли, гдѣ-то пѣли
Пѣсню милой старины.
Звуки, вѣтромъ тиховѣйнымъ
Донесенные, слабѣли,

И сливались, тамъ, надъ Рейномъ,
Съ робкимъ ропотомъ волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вѣчность или часъ!
Мы тонули въ сладкой тайнѣ,
Намъ казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
Въ стройныхъ строфахъ пѣлъ про насъ!

---

* * *

Снова, съ тайной благодарностью,
Глубоко дышу коварностью
Въ сердце льющейся весны,
Счастье тихое предчувствую
И живой душой сопутствую
Птицамъ въ даляхъ вышины.

Снова будутъ сны и радости!
Разольются въ полѣ сладости
Красныхъ кашекъ, свѣжихъ травъ.
Слухъ занѣжу въ вешней прелести,
Въ шумѣ мошекъ, въ легкомъ шелестѣ
Вновь проснувшихся дубравъ.

Снова ночи обнаженныя
Заглядятся въ воды сонныя,
Чтобъ зардѣться на зарѣ.
Тучка тонкая привѣсится
Къ золотому рогу мѣсяца,
Будетъ таять въ серебрѣ.

Эти вѣянья и таянья,
Эти млѣянья и чаянья,
Этотъ милый, майскій шумъ, —
Увлекая къ безпредѣльности,
Возвращаютъ тайну цѣльности
Сновъ и міра, словъ и думъ . . .

* * *

Веселый зовъ весенней зелени,
Разбѣгъ морскихъ, надменныхъ волнъ,
Цвѣтокъ шиповника въ разсѣлинѣ,
Межъ тучъ луны прозрачный челнъ,
Весь блескъ, весь шумъ, весь говоръ міра,
Соблазны мысли, чары грезъ, —
Отъ тяжкой поступи тапира
До легкихъ трепетовъ стрекозъ, —
Еще люблю, еще пріемлю,
И ненасытною мечтой
Слѣжу, какъ ангелъ дождевой
Плодотворитъ нагую землю!

Какіе дни мнѣ предназначены
И въ буряхъ шумныхъ и въ тиши,
Но цѣлъ мой духъ, и не растрачены
Сокровища моей души!
Опять поманитъ ли улыбкой
Любовь, подруга лучшихъ лѣтъ,
Иль надъ душой, какъ влага зыбкой,
Заблещетъ молній синій свѣтъ, —
На радости и на страданья
Живымъ стихомъ отвѣчу я,
Ловецъ въ пучинѣ бытія
Стоцвѣтныхъ перловъ ожиданья!

Приди и ты, живыхъ пугающій,
Неотвратимый, строгій часъ,
Рукой холодной налагающій
Повязку на сіянье глазъ!
Въ тебѣ я встрѣчу новый трепетъ,
Твой ликъ загадочный вопью,
Пусть къ кораблю временъ прицѣпитъ
Твоя рука мою ладью.
И, вѣрю, вѣчностью хранимый,
Въ тѣхъ даляхъ я узнаю вновь

И страсть, и горесть, и любовь,
Блескъ дня, чернь ночи, весны, зимы! . . .

Надъ океаномъ.
(Приливъ.)

Пробилъ часъ. Ты вновь безволенъ,
Вновь, взыгравъ, бѣжишь къ землѣ.
Обезличенъ, обездоленъ,
Безпощадной страстью боленъ,
Тяжкой грудью льнешь къ скалѣ.

Что̀ ты хочешь, дикій, пьяный,
Лаской бѣшенныхъ зыбей?
Что̀ крутишь песокъ багряный?
Что̀ вонзаешь зубы въ раны
Ты — возлюбленной своей?

Громоздя на стѣны стѣны,
Рушишь ты за валомъ валъ.
Но всегда страшась измѣны,
Покрываломъ бѣлой пѣны
Кроешь плечи смуглыхъ скалъ.

Поспѣшивъ, съ протяжнымъ ревомъ,
Въ ихъ объятья вновь упасть,
Ты встаешь, съ усильемъ новымъ,
Все несытымъ, все готовымъ
Утолять глухую страсть.

Стой! Безъ силъ и безъ движенья
Вся земля — какъ трупъ нѣмой.
Что жъ ты въ буйствѣ вожделѣнья,
Мечешь ей въ лицо каменья
И крушишь ее собой!

Юлій Цезарь.

Они кричатъ: за нами право!
Они клянутъ: ты бунтовщикъ,

Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенатъ!
О вашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ!

Вы мнѣ твердите о народѣ,
Зовете охранять покой,
Когда при васъ Милонъ и Клодій
На площадяхъ вступаютъ въ бой!

Вы мнѣ кричите, что не смѣю
Съ сенатской волей спорить я,
Вы, Римъ предавшіе Помпею,
Во власть сѣкиры и копья!

Хотя бъ прикрыли гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легіоновъ
Значки — во храмахъ у Парѳянъ!

Давно васъ ждутъ въ родномъ Эребѣ!
Вы — выродки былыхъ временъ!
Довольно споровъ. Брошенъ жребій.
Плыви, мой конь, чрезъ Рубиконъ!

Ахиллесъ у алтаря.

Знаю я, во вражьемъ станѣ
Изогнулся мѣткій лукъ,
Слышу въ утреннемъ туманѣ
Тетивы пѣвучій звукъ.

Всталъ надъ жертвой облакъ дыма,
Пѣсня хора весела.
Но разитъ неотвратимо
Аполлонова стрѣла.

Я спѣшу склонить колѣна,
Но не съ трепетной мольбой.
Обрученъ я, Поликсена,
На единый мигъ съ тобой!

Всѣмъ равно въ глухомъ Эребѣ
Годы долгіе скорбѣть.
Но прекрасенъ ясный жребій —
Просіять и умереть!

Мать звала къ спокойной долѣ . . .
Нѣтъ! не выбралъ счастья я!
Прошумѣла въ ратномъ полѣ
Жизнь мятежная моя.

И, вступивъ сегодня въ Трою
Въ блескѣ царскаго вѣнца, —
Предъ стрѣлою не укрою
Я спокойнаго лица!

Дай, къ устамъ твоимъ приникнувъ,
Посмотрѣть въ лицо твое.
Чтобъ не дрогнувъ, чтобъ не крикнувъ,
Встрѣтить смерти остріе.

И, не кончивъ поцѣлуя,
Клятвы тихія творя,
Улыбаясь, упаду я
На помостѣ алтаря.

Отвѣтъ.

Растутъ дома; гудятъ автомобили;
Фабричный дымъ виситъ на всѣхъ кустахъ;
Аэропланы крылья разстелили
Въ облакахъ.

Но прежней страстью, давней и знакомой,
Дрожатъ людскія, бѣдныя сердца, —

Любовной, сожигающей истомой
Безъ конца . . .

Какъ прежде, страшенъ свѣтъ дневной Дидонѣ,
И съ устъ ея все та же рвется рѣчь;
Все такъ же долженъ, въ скорбный часъ, Антоній
Пасть на мечъ.

Такъ не кляните насъ, что мы упрямо
Лелѣемъ пѣсни всѣхъ былыхъ временъ,
Что нами стонъ Катулла «Odi et amo»
Повторенъ!

Подъ томнымъ взоромъ балеринъ Дегаза,
При свѣтѣ электрической дуги,
Все такъ же сходятся четыре глаза,
Какъ враги.

И въ часъ, когда лобзанья ядовиты,
И два объятья — словно кругъ судьбы, —
Все той же безпощадной Афродиты
Мы — рабы!

Вечерній приливъ.

Кричатъ афиши, пышно-пестрыя,
И стонутъ вывѣсокъ слова,
И магазиновъ свѣты острые
Язвятъ, какъ вопли торжества.

Тамъ спятъ за стеклами матеріи,
Льютъ брилліанты яркій ядъ,
И надъ звѣздой червонцевъ — серіи
Сіяньемъ сѣвернымъ горятъ.

Прорѣзанъ длинными колодцами
Горящихъ улицъ, — городъ живъ.
Киша безсчетными уродцами,
Вечерній празднуетъ приливъ.

Скрывъ небеса съ звѣздами чуткими,
Лучи синѣютъ фонарей —
Надъ мудрецами, проститутками,
Надъ зыбью пляшущихъ людей.

Кадрилей нарушая линіи,
Межъ паръ кружащихся, звеня,
Трамваи мечутъ молньи синія,
Автомобили снопъ огня.

Позоръ, подъ музыку колесную,
Вознесъ смычекъ какъ дирижеръ,
И слилъ толпу многоголосную
Въ единый и священный хоръ:

«Мы славимъ, Прахъ, Твое Величество,
Тебѣ ведемъ мы хороводъ,
Вкругъ алтарей изъ электричества,
Вонзившихъ копья въ небосводъ!»

Одиночество.

Отступи, какъ отливъ, все дневное, пустое волненье!
Одиночество, стань, словно мѣсяцъ, надъ часомъ
моимъ! . . .
Слышу: тихо грохочутъ съ волной уходящей каменья;
Вижу: алый закатный туманъ превращается въ дымъ.

То въ алмазныхъ вѣнцахъ, то въ вѣнкахъ полевыхъ
маргаритокъ,
То въ одеждахъ рабынь, то въ багряныхъ плащахъ
королевъ,
То какъ вѣтеръ смѣясь, то съ лицомъ утомленнымъ отъ
пытокъ,
Вкругъ меня наклоняется хоръ возвратившихся дѣвъ.

Взоръ вашъ ласковъ какъ прежде, и шагъ какъ бывало
размѣренъ . . .

Значитъ, тотъ я, что былъ, если прошлый мнѣ міръ
возвращенъ!
Подходите, шепчите: я былъ вамъ и буду вамъ — вѣренъ,
Никому не открою я вашихъ священныхъ именъ!

Къ вашимъ ласковымъ пальцамъ прижму воспаленныя
вѣки,
Къ вашимъ грудямъ знакомымъ усталой прильну
головой . . .
Сестры! нѣжныя сестры! я въ дѣтствѣ вамъ клялся
навѣки:
Только съ вами я счастливъ, и только межъ вами я свой!

Затихаетъ вдали успокоенный ропотъ отлива,
На волнахъ потухаетъ змѣиностей лунныхъ игра,
И, въ вѣнкѣ маргаритокъ, склонясь надо мной, торопливо
Мнѣ разсказъ — о прожитомъ въ разлукѣ — лепечетъ
сестра.

Ея колѣни.

Ея колѣни я цѣлую. Тѣни
Склоняются, цѣлуя насъ двоихъ.
Весь міръ вокругъ застѣнчиво затихъ.
Мы — вымыселъ безвѣстныхъ вдохновеній,
Мы — стараго рондо пѣвучій стихъ.

Пѣвецъ забытый! Братъ временъ святыхъ!
Ты пѣснѣ ввѣрилъ жалобы и пени,
И вотъ сегодня мнѣ поютъ твой стихъ
Ея колѣни.

«Въ вѣнкѣ изъ терній дни мои; межъ нихъ
«Одинъ лишь часъ въ уборѣ изъ сирени.
«Какъ Суламиѳи — домъ, гдѣ спитъ женихъ,
«Какъ Александру — дверь въ покой къ Еленѣ,
«Такъ были сладостны для губъ моихъ
Ея колѣни.

Благословеніе.

Сіянье глазъ твоихъ благословляю!
Въ моемъ бреду свѣтило мнѣ оно.

Улыбку устъ твоихъ благословляю!
Она меня пьянила, какъ вино.

Твоихъ лобзаній ядъ благословляю!
Онъ отравилъ всѣ думы и мечты.

Твоихъ объятій серпъ благословляю!
Все прошлое во мнѣ имъ сжала ты.

Огонь любви твоей благословляю!
Я радостно упалъ въ его костеръ.

Весь мракъ души твоей благословляю!
Онъ надо мной свое крыло простеръ.

За все, за все тебя благословляю,
За скорбь, за боль, за ужасъ долгихъ дней,

За то, что влекся за тобою къ Раю,
За то, что стыну у его дверей!

О приближеніи весны.

(Изъ Пентадія)

Да, убѣгаетъ зима! оживляютъ землю зефиры.
 Эвръ согрѣваетъ дожди. Да, убѣгаетъ зима!
Всюду чреваты поля; жары предчувствуетъ почва.
 Вздохами новыхъ сѣмянъ всюду чреваты поля.
Весело пухнутъ луга, листвой одѣлись деревья.
 По обнаженнымъ доламъ весело пухнутъ луга.
Плачъ Филомелы звучитъ: преступной матери пени,
 Сына отдавшей во снѣдь, плачъ Филомелы звучитъ.
Буйство потока въ горахъ стремится по вымытымъ
 камнямъ.

И на далеко гудитъ буйство потока въ горахъ.
Тысяча тысячъ цвѣтовъ творитъ дыханье Авроры.
Дышитъ во глуби долинъ тысяча тысячъ цвѣтовъ.
Стонетъ въ ущельяхъ пустыхъ овечьимъ блеяньемъ эхо.
Звукъ, отраженный скалой, стонетъ въ ущельяхъ пустыхъ.
Вьется младой виноградъ, межъ двухъ посаженный вязовъ.
Вверхъ по тростинкамъ лозой вьется младой виноградъ
Клеитъ подъ крышей опять говорливая ласточка утромъ,
Строя на лѣто гнѣздо, клеитъ подъ крышей опять.
Гдѣ зеленѣетъ платанъ, въ тѣни, услаждаетъ дремота;
Тамъ надѣваютъ вѣнки, гдѣ зеленѣетъ платанъ.
Сладко теперь умереть! нити жизни, сорвитеся съ прялки!
Въ милыхъ объятьяхъ любви сладко теперь умереть.

Къ статуѣ Гермафродита.
(Въ духѣ Лукреція.)

Какъ корабль, что готовъ мѣнять оснастку:
То вздымать паруса, то плыть на веслахъ,
Ты двойной предаваться жаждешь страсти.
Отрокъ, ищешь любви, горя желаньемъ,
Но, любви не найдя, въ слезахъ жестокихъ,
Ласкъ награду чужихъ пріемлешь, дѣва!
Хрупки весла твои, увы, подъ бурей,
Дай же вѣтру нырнуть въ твои вѣтрила!

---

* * *

Усни, бѣлоснѣжное поле!
Замри, безмятежное сердце!
Надъ мигомъ восходитъ безстрастье;
Какъ мѣсяцъ, наводитъ сіянье
На грезы о нѣжащей страсти,
На память о рѣжущей ласкѣ . . .
Конецъ. Отзвучали лобзанья.
Въ душѣ ни печали, ни счастья . . .

Такъ спятъ безотвѣтныя дали,
Молчатъ многоцвѣтныя травы,
Одѣты холоднымъ сіяньемъ.
Подъ синимъ, безплоднымъ сіяньемъ
Спи, спи, бѣлоснѣжное поле!
Умри, безнадежное сердце!

— —

* * *

Лишь безмятежнаго мира жаждетъ душа, наконецъ.
Взоромъ холоднымъ окину блескъ и богатства Офира,
Съ гордымъ лицомъ отодвину, можетъ быть царскій вѣнецъ.

Жаждетъ душа безъ желаній лишь безмятежнаго мира.
Надо? изъ груди я выну прежнее сердце сердецъ.
Что мнѣ напѣвъ ликованій, шумъ безпечальнаго пира,
Что обольщенья лобзаній женскихъ подъ звоны колецъ!
Прочь и пѣвучая лира! Больше не вѣдать кумира,
Быть обращеннымъ во льдину, быть обращеннымъ въ свинецъ!

Въ благостномъ холодѣ стыну, пью изъ святого потира
Тайну послѣднихъ молчаній, сшедшій съ арены борецъ.
Прошлое прошлому кину! Лишь безмятежнаго мира
Лишь раствориться въ туманѣ жаждетъ душа, наконецъ!

Молитва.

Благодарю тебя, Боже,
Молясь предъ распятьемъ,
За счастье дыханья,
За прелесть лазури,
Не будь ко мнѣ строже,
Чѣмъ я къ своимъ братьямъ,
Избавь отъ страданья,
Будь свѣточемъ въ бурѣ.

Насущнаго хлѣба
Лишенъ да не буду,

Ни блага свободы,
Въ желѣзахъ, въ темницѣ:
Дай видѣть мнѣ небо,
И ясному чуду
Безсмертной природы
Вседневно дивиться.

Дай мужество — въ мірѣ
Быть свѣтлымъ всечасно,
Свершать свое дѣло,
И пѣть помоги мнѣ,
На пламенной лирѣ,
Все, все что прекрасно,
И душу и тѣло,
Въ размѣрномъ гимнѣ!

Александръ Добролюбовъ.

род. въ 1876 г.

Отодвиганье смерти.

День прошелъ въ свободномъ славословьи,
Окна улицѣ въ снѣгахъ я вскрылъ,
Много было добраго, восторга и здоровья,
И себя я искренно, хоть первый мигъ, любилъ.
Ахъ! о томъ больное безпокойство,
Все ли сдѣлано руками и умомъ?
Не забыты ли вершинъ послѣднихъ свойства?
Кто ровняется осанкой иль лицомъ?
Такъ къ концу, предъ ужасомъ, недавность вспоминаю,
Но безсмысленно въ вещахъ указыванье въ ночь иль тѣнь.
И привычно-грозной пустоты не замѣчаю,
Въ бездну палъ давно, давно не воскресаю,
А отвѣтъ пойму не въ этотъ, въ разсужденья день!

М. А. Кузминъ.

род. въ 1876 г.

* * *

Изъ глины голубыхъ голубокъ
Лѣпилъ прилежной я рукой,
Вдыхая душу въ нихъ дыханьемъ.
И шевелилися съ шуршаньемъ,
И жалися одна къ другой,
Садяся въ кругъ на круглый кубокъ.
Клевали алыя малины,
Лѣниво пили молоко,
Закинувъ горла голубыя,
И были, какъ совсѣмъ живыя,
Но не летали далеко,
И зналъ я, что онѣ изъ глины.
И показалось мнѣ бездушнымъ
Таинственное ремесло,
И призрачными стали птицы,
И начала душа томиться,
Чтобъ сердце даръ свой принесло
Живымъ голубкамъ, но послушнымъ.

---

* * *

Гдѣ слогъ найду, чтобъ описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишенъ спѣлыхъ сладостный агатъ?
Далекъ закатъ, и въ морѣ слышенъ гулко
Плескъ тѣлъ, чей жаръ прохладѣ влаги радъ.

Твой нѣжный взоръ, лукавый и манящій, —
Какъ милый вздоръ комедіи звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой носъ Пьерро и губъ разрѣзъ пьянящій
Мнѣ кружитъ умъ какъ «Свадьба Фигаро».

Духъ мелочей, прелестныхъ и воздушныхъ,
Любви ночей, то нѣжащихъ, то душныхъ,

Веселой легкости бездумнаго житья!
Ахъ, вѣренъ я, далекъ чудесъ послушныхъ
Твоимъ цвѣтамъ, веселая земля!

* * *

Изъ поднесенной нѣкогда корзины
Печально свѣсилась сухая роза,
И пѣли намъ ту арію Розины:
«Io sono docile, io sono rispettosa.»

Горѣли свѣчи, теплый дождь чуть слышенъ
Стекалъ съ деревьевъ, наводя дремоту,
Пезарскій лебедь, сладостенъ и пышенъ,
Вѣнчалъ малѣйшую весельемъ ноту.

Разсказъ друзей о прожитыхъ скитаньяхъ,
Споръ изощренный, гдѣ вашъ умъ витаетъ.
А между тѣмъ въ напрасныхъ ожиданьяхъ
Мой нѣжный другъ одинъ въ саду блуждаетъ.

Ахъ, звуковъ Мòцарта свѣтлы лобзанья,
Какъ дали Рафаэлева «Парнасса»,
Но мысли не прогнать имъ, что свиданья
Я не имѣлъ съ четвертаго ужъ часа.

Изъ поэмы «Новый Ролла».

Соборъ былъ теменъ и печаленъ
При свѣтѣ стеколъ росписныхъ,
И съ шопотомъ исповѣдаленъ
Мѣшался шумъ шаговъ глухихъ.
Ты опустилась на колѣни,
Предъ алтаремъ простерлась ницъ.

О, какъ забыть мнѣ эти тѣни
Полуопущенныхъ рѣсницъ!
Незримъ тобой, я удалился,
На площадь выйдя, какъ слѣпой,

А съ хоровъ сладостно струился
Напѣвъ забытый и родной.
Скорѣй заставьте окна ставней,
Скорѣй спустите жалюзи!
О другъ давнишній и недавній,
Разгулъ, мнѣ въ сердце ножъ вонзи!

---

* * *

Въ тѣнистой рощѣ безмятежно
Спалъ отрокъ милый и нагой;
Онъ улыбался слишкомъ нѣжно,
О камень опершись ногой.

Я на него смотрѣлъ прилежно
И думалъ: «Какъ любовь, ты милъ!»
Онъ улыбался слишкомъ нѣжно, —
Зачѣмъ его я разбудилъ?

Его рабомъ стать неизбѣжно
Мнѣ рокъ прекрасный начерталъ;
Онъ улыбался слишкомъ нѣжно, —
Я взявши рабство, не роптала.

Изъ Александрійскихъ Пѣсенъ.

1.

Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»,
Я вижу бѣлыя стѣны дома,
Небольшой садъ съ грядкой левкоевъ,
Блѣдное солнце осенняго вечера
И слышу звуки далекихъ флейтъ.

Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»,
Я вижу звѣзды надъ стихающимъ городомъ,
Пьяныхъ матросовъ въ темныхъ кварталахъ,
Танцовщицу, пляшущую «осу»
И слышу звукъ тамбурина и крики ссоры.

Когда мнѣ говорятъ: «Александрія»,
Я вижу блѣдно-багровый закатъ надъ зеленымъ моремъ,
Мохнатыя мигающія звѣзды
И свѣтлые сѣрые глаза подъ густыми бровями,
Которые я вижу и тогда,
Когда не говорятъ мнѣ: «Александрія».

2.

Весною листья мѣняетъ тополь,
Весной возвращается Адонисъ
Изъ царства мертвыхъ . . .
Ты же весной куда уѣзжаешь, моя радость?

Весною всѣ поѣдутъ кататься
По морю иль по садамъ въ предмѣстьяхъ
На быстрыхъ коняхъ . . .
А мнѣ съ кѣмъ кататься въ легкой лодкѣ?

Весной всѣ надѣнутъ нарядныя платья
Пойдутъ попарно въ луга съ цвѣтами
Сбирать фіалки . . .
А мнѣ что жъ дома сидѣть прикажешь?

---

* * *

Взглянувъ на темный кипарисъ, пролей слезу, любившій!
Будь ты поденщикъ, будь Гафизъ, пролей слезу, любившій!
Бѣлѣетъ стволъ столба въ тѣни, покоя стражникъ строгій,
Концы чалмы спустились внизъ; пролей слезу, любившій!
Воркуетъ горлицъ кроткій рой, покой не возмущая,
Священный стихъ обвилъ карнизъ: пролей слезу, любившій.
Здѣсь сердце, путникъ мирно спитъ: оно любовью жило:
Такъ нищаго питаетъ рисъ; пролей слезу, любившій!

Кто бъ ни былъ ты, идя, вздохни; почти любовь, прохожій,
И бросивъ набожно нарциссъ, пролей слезу, любившій!
Придетъ ли кто къ могилѣ нѣгъ заросшею тропою
Въ безмолвной скорби темныхъ ризъ? пролей слезу, любившій.

* * *

Нынче праздникъ, пахнетъ мята, все въ цвѣту,
И трава еще не смята: все въ цвѣту!
У ручья съ волною звонкой на горѣ
Скачутъ, рѣзвятся козлята. Все въ цвѣту!
Скалы садъ мой ограждаютъ, стужи нѣтъ,
А лѣса — то! а поля — то: все въ цвѣту!
Утромъ вышелъ я изъ дома на крыльцо, —
Сердце трепетомъ объято: все въ цвѣту!
Я не помню, отчего я полюбилъ,
Что случается, то свято. Все въ цвѣту.

* * *

Отри глаза и слезъ не лей:
Съ небесныхъ, палевыхъ полей
Ужъ глянулъ блѣдный Водолей,
Пустую урну проливая.

Ни снѣжныхъ вьюгъ, ни тусклыхъ тучъ.
Съ прозрачно-изумрудныхъ кручъ
Протянутъ тонкій, яркій лучъ,
Какъ шпага остро-огневая.

* * *

Хрустально небо, видное сквозь лѣсъ;
Усталымъ взорамъ
Искать отрадно скрытые скиты!
Такъ ждало сердце завтрашнихъ чудесъ,
Отдавъ озерамъ

Привольной жизни тщетные мечты!
Убранство церкви — желтые листы
Парчей нависли надъ ковромъ парчевымъ.
Златятся дали!
Давно вы ждали,
Чтобъ желтымъ, краснымъ, розовымъ, лиловымъ
Иконостасы лѣса расцвѣтить,
Давно исчезла паутины нить.
Надежду смѣнитъ сладостная грусть,
Тоски лампада,
Смиреннѣй мысли въ сердцѣ богомольномъ,
И кто-то тихій шепчетъ: «Ну и пусть!
Чего намъ надо?
Грѣхамъ простится вольнымъ и невольнымъ.»
Душа внимаетъ голосамъ недольнимъ,
Осенней тишью странно плѣнена, —
Знакомымъ плѣномъ!
И легкимъ тлѣномъ
Земля дохнетъ, въ багрецъ облечена.
Какъ четки облака! стоятъ, не тая;
Спустилась ясность и печаль святая!

* * *

Сладостной вѣря святынѣ,
Ждалъ не тебя ли?
Страстнымъ желаніямъ нынѣ
Ангелы вняли.

Въ комнатѣ свѣтлой и тѣсной
Въ сумерки мая
Гость появился чудесный,
Латъ не снимая.

Кто его шопотъ разслышитъ
Въ пѣніи здѣшнемъ?
Сердце же любитъ и дышитъ
Вѣяньемъ вешнимъ.

Пусть мои мысли застыли,
Память нѣмая,
Вспомни, являлся не ты ли
Въ сумерки мая?

Камень копьемъ прободая,
Вызови воду,
Чтобы текла, золотая,
Вновь на свободу!

---

* * *

О, быть покинутымъ — какое счастье!
Какой безмѣрный въ прошломъ виденъ свѣтъ —
Такъ послѣ лѣта — зимнее ненастье:
Все помнишь солнце, хоть его ужъ нѣтъ.

Сухой цвѣтокъ, любовныхъ писемъ связка,
Улыбка глазъ, счастливыхъ встрѣчи двѣ, —
Пускай теперь въ пути темно и вязко,
Но ты весной бродилъ по муравѣ.

Ахъ, есть другой урокъ для сладострастья,
Иной есть путь — пустыненъ и широкъ.
О, быть покинутымъ — такое счастье!
Быть не любимымъ — вотъ горчайшій рокъ.

* * *

Отрадно улетать въ стремительномъ вагонѣ
Отъ сѣверныхъ безумствъ на родину Гольдони,
И тамъ на вольномъ лонѣ, въ испытаномъ затонѣ
Вздыхая отдыхать;

Отрадно провести весь день въ прогулкахъ пестрыхъ,
Отдаться въ сѣти чертъ плѣнительныхъ и острыхъ,
Въ плѣну часовъ живыхъ о темныхъ, тайныхъ сестрахъ
Зѣвая, забывать;

Въ кругу друзей читать излюбленныя книги,
Выслушивать отчетъ запутанной интриги,
Возможность, отложивъ условностей вериги,
Прямой задать вопросъ;

Отрадно, овладѣвъ влюбленности волненьемъ,
Спокойно съ виду чай съ имбирнымъ пить вареньемъ
И слезы сочетать съ послѣднимъ примиреньемъ
Въ дыму отъ папиросъ;

Но мнѣ милѣй всего ночь долгую томиться,
Когда извѣстная извѣстную страницу
Покроетъ, сонъ нейдетъ смежить мои рѣсницы
И глазъ все видитъ Васъ;

И память — (вѣрная служанка) — шепчетъ внятно
Слова признанія, гдѣ все теперь понятно,
И утромъ брошены сѣрѣющія пятна,
И дня ужъ близокъ часъ.

* * *

Ничего, что мелкій дождь смочилъ одежду:
Онъ принесъ съ собой мнѣ сладкую надежду.

Скоро, скоро этотъ городъ я покину,
Перестану видѣть скучную картину.

Я оставшіеся дни, часы считаю,
Не пишу ужъ, не гуляю, не читаю.

Скоро въ путь, — такъ ужъ не стоитъ приниматься.
Завтра утромъ, завтра утромъ собираться!

Долгій путь, ты мнѣ несносенъ и желаненъ,
День отъѣзда, какъ далекъ ты, какъ ты страненъ!

И стремлюсь я, и пугаюсь, и робѣю,
Въ близость нѣжной встѣчи вѣрить я не смѣю.

Промелькнутъ луга, деревни, горы, рѣки,
Можетъ-быть, ужъ не увижу ихъ во вѣки.

Ничего-то я не вижу и не знаю, —
Объ очахъ, устахъ любимыхъ лишь мечтаю.

Сколько нѣжности въ разлукѣ накоплю я —
Столь сильнѣе будетъ сладость поцѣлуя.

И я радъ, что мелкій дождь смочилъ одежду;
Онъ принесъ съ собой мнѣ сладкую надежду.

Эпилогъ.

Что дѣлать съ вами, милые стихи?
Кончаетесь, едва начавшись.
Счастливы всѣ: невѣсты, женихи,
Покойникъ мертвъ, скончавшись.

Въ романахъ строгихъ ясны всѣ слова,
Въ концѣ — большая точка;
Извѣстно — кто Арманъ, и кто вдова,
И чья Элиза дочка.

Но въ легкомъ бѣгѣ повѣсти моей
Нѣтъ стройности намека,
Надъ пропастью летитъ она вольнѣй
Газели скока.

Слезъ не замѣтитъ на моемъ лицѣ
Читатель плакса,
Судьбой не точка ставится въ концѣ,
А только клякса.

---

* * *

Господь, я знаю, я недостоинъ,
Я сердцемъ вѣрю, и вѣра крѣпка,
Когда-нибудь буду Господній воинъ,
Но такъ слаба покуда рука.

Твоя заря очамъ моимъ брежжетъ,
Твое дыханье свѣжитъ мнѣ ротъ,
Но легкій свѣтъ Твой такъ сладостно нѣжитъ,
Что сердце медлитъ летѣть впередъ.

Я умиляюсь и полемъ взрытымъ,
Ручьемъ дороги въ тѣни березъ
И путникомъ дальнимъ, шлагбаумомъ открытымъ
И запахомъ ржи, что вѣтеръ принесъ.

Еще я плачу, безсильно бѣдный,
Когда ребенка бьютъ по щекамъ,
Когда на просьбу о коркѣ хлѣбной
Слышатъ въ отвѣтъ сухое: «не дамъ».

Еще тревожитъ вздохъ мятежный
— Отъ этихъ вздоховъ, Господь, спаси! —
Когда призывъ я слышу нѣжный
То Моцарта, то Дебюсси.

Еще я забываю горе
И загорается надеждою взоръ,
Когда я чувствую запахъ съ моря
И грежу о тебѣ, Босфоръ!

Еще я тревожусь, мучусь, нѣмѣю,
— Господь! мое счастье обереги —
Еще я легкимъ тамъ быть не смѣю,
Гдѣ должны быть крылаты шаги.

Еще я вѣрю весеннимъ разливамъ,
Люблю левкои и красную мѣдь,
Еще мнѣ скучно быть справедливымъ, —
Великодушьемъ хочу горѣть!

Иванъ Коневской.

1877—1901.

* * *

Солнце на вершинѣ мачты.
Мы за нимъ летимъ.
Вѣтръ, заливистый трубачъ ты,
Вѣтра мы хотимъ.

Небо — жизни плащаница.
Воды — ризы волшебной ткань.
О взыграй до восторга, зѣница,
До зенита воспрянь!

Вѣтеръ, выспренній трубачъ ты,
Зычный голосъ бурь;
Солнце на вершинѣ мачты —
Вождь нашъ сквозь лазурь.

Въ ѣздѣ.

Размѣры дальнихъ разстояній,
Мнѣ зримъ вашъ бѣлоснѣжный смыслъ.
Вы совершеннѣй изваяній,
Просторъ и время, бѣги числъ!

Летятъ пробѣги и прогоны.
За стрѣлкой часа духъ слѣдитъ
Надъ родниками тайгъ — иконы,
И пахарь пашню бороздитъ.

Пускай лѣса порою тощи,
Мелѣетъ полный гулъ дубравъ —
Въ пустыняхъ разрастутся рощи,
Земля насытитъ вволю нравъ.

Величье дебрей самородныхъ
Возстанетъ въ рощенной красѣ.
И гласъ живой творцовъ свободныхъ
Подтянетъ плугу и косѣ.

Затишье.

Какъ люблю я тоску свободы,
Тоску доловъ, тоску холмовъ
И въ своенравіи погоды
Покой садовъ, покой домовъ!

И дней ручьи луками вьются,
И такъ играетъ съ ними свѣтъ.
И въ берега озера бьются.
А море дальній шлетъ отвѣтъ.

Въ странахъ безвѣстныхъ, небывалыхъ
Идетъ война, гуляетъ моръ —
Страстей, страданій, страховъ шалыхъ,
Любви и гнѣва древній споръ.

Но я люблю ихъ шумъ протяжный,
Призывный, призрачный ихъ шумъ.
Ихъ проницаетъ помыслъ влажный,
Ихъ созерцаетъ яркій умъ.

Нѣтъ душныхъ сновъ въ ночахъ безвольныхъ.
Въ приволье дня курю я сны,
Что̀, средь пустынь моихъ юдольныхъ,
Изъ сердца мысли рождены.

Максимиліанъ Волошинъ.

Созвѣздья.

Звенятъ Вѣсы и клонятъ коромысла,
Нисходитъ внизъ, возносится бадья . . .
Часы идутъ, смѣняя въ небѣ числа,
Пути міровъ чертя вкругъ остія.

Струится ночь. Журчитъ и плачетъ влага.
Ладья скользитъ вдоль темныхъ береговъ,
И чутокъ сонъ въ водахъ Архипелага,
Гдѣ въ морѣ спятъ созвѣздья острововъ.

Гнѣздо Гіадъ . . . и гроздь огней — Плеяды . . .
Великій Волъ и зоркій Волопасъ . . .
Свой правя путь чрезъ темныя Циклады —
Какой пловецъ въ умѣ не числилъ васъ?

И вашъ узоръ предъ взоромъ Одиссея
Въ иныхъ вѣкахъ искрился и мерцалъ,
И ночь текла, златыя зерна сѣя,
Надъ лономъ водъ въ дрожаніи зеркалъ.

И, ставя сѣть у древнихъ стѣнъ Хавона,
Въ тиши ночей видали рыбари
Алмазный торсъ гиганта Оріона —
Ловца звѣрей, любовника зари.

Когда-жъ земля безсмертными изсякла,
Лишь глубже сталъ и ярче небосклонъ.
И Солнцу путь затмила тѣнь Геракла,
И Зевсъ воздвигъ на небѣ льдистый Тронъ.

Всѣ имена, всѣ славы, всѣ побѣды
Сплетались тамъ въ мерцаніи огней.
Надъ головой жемчужной Андромеды
Чертилъ круги сверкающій Персей.

Въ себѣ тая всѣ лѣтописи міра,
Свѣтясь въ вѣкахъ безсмертной красотой,
Златыми пчелами расшитая порфира
Спадала съ плечъ Іоніи Святой.

Александръ Блокъ.

род. въ 1880 г.

* * *

Дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ
О всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
О всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
О всѣхъ забывшихъ радость свою.

Такъ пѣлъ ея голосъ, летящій въ куполъ,
И лучъ сіялъ на бѣломъ плечѣ,
И каждый изъ мрака смотрѣлъ и слушалъ,
Какъ бѣлое платье пѣло въ лучѣ.

И всѣмъ казалось, что радость будетъ,
Что въ тихой заводи всѣ корабли,
Что на чужбинѣ усталые люди
Свѣтлую жизнь себѣ обрѣли.

И голосъ былъ сладокъ, и лучъ былъ тонокъ,
И только высоко, у Царскихъ Вратъ,
Причастный Тайнамъ, — плакалъ ребенокъ
О томъ, что никто не придетъ назадъ.

À l'ombre.

День поблекъ — изящный и невинный,
Вечеръ заглянулъ сквозь кружева.
И надъ книгою старинной
Закружилась голова.

Встала въ легкой полутѣни,
Заструилась вдоль перилъ.
Въ голубыхъ сѣтяхъ растеній
Кто-то медленный скользилъ.

Тихо дрогнула портьера.
Принимала комната шаги

Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала объ убійствѣ —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовыя кисти
Въ зеркала.

---

* * *

У берега зеленаго на малой могилѣ
Въ празникъ Благовѣщенья пѣли псаломъ.
Бѣлые священники съ улыбкой хоронили
Маленькую дѣвочку въ платьѣ голубомъ.

Всѣ они — помощью Вышняго Велѣнія —
Въ кровѣ Бога Небеснаго Отца расцвѣли.
И тихонько возносили къ небу куренія,
Будто не съ кадильницы, а съ зеленой земли.

---

* * *

Предчувствую Тебя. Года проходятъ мимо —
Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.

Весь горизонтъ въ огнѣ — и ясенъ нестерпимо,
И, молча, жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонтъ въ огнѣ, и близко появленье,
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты,

И дерзкое возбудишь подозрѣнье,
Смѣнивъ въ концѣ привычныя черты.

О, какъ паду — и горестно, и низко,
Не одолѣвъ смертельныя мечты!

Какъ ясенъ горизонтъ! И лучезарность близко.
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты.

Влюбленность

Королевна жила на высокой горѣ,
И надъ башней дымились прозрачные сны облаковъ.
Темный рыцарь въ тяжелой кольчугѣ шепталъ о любви
на зарѣ
Въ тѣ часы, когда Рейнъ выступалъ изъ своихъ береговъ.

Надъ зелеными рвами текла, розовѣя, весна,
Непомѣрность ждала въ синевахъ отдаленной черты.
И Влюбленность звала, — не дала отойти отъ окна
Не смотрѣть въ роковыя черты, оторваться отъ свѣтлой
мечты . . .

— Подними эту розу — шепнула — и вѣтеръ донесъ
Тишину улетающихъ латъ, бездыханный отвѣтъ . . .
— Въ синемъ, утреннемъ небѣ найдешь купину расцвѣта-
ющихъ розъ —
Онъ шепнулъ, и сверкнулъ, и взлетѣлъ . . . И она поле-
тѣла вослѣдъ . . .

И за облакомъ плыло и пѣло мерцаніе тьмы,
И Влюбленность въ погонѣ забыла — забыла свой
щитъ . . .
И она, окрылясь, полетѣла изъ отчей тюрьмы:
На воздушномъ пути королевна полетъ свой стремитъ,

Ужъ въ стремнинахъ туманъ, и рога созываютъ стада.
И завѣтная мгла протянула плащи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной отражаетъ вода, —
И надъ лѣсомъ погасли лучи . . .

Не смолкаетъ вдали властелиновъ борьба —
Распри дѣдовъ надъ ширью земель . . .
Но различна судьба: здѣсь — мечтанье раба —
Тамъ — воздушной Влюбленности хмель!

И въ воздушный покровъ улетѣла на зовъ
Навсегда . . . О, Влюбленность! Ты строже Судьбы!

Повелительнѣй древнихъ законовъ отцовъ!
Слаще звуковъ военной трубы!

---

* * *

Въ голубой далекой спаленкѣ
Твой ребенокъ опочилъ.
Тихо вылѣзъ карликъ маленькій
И часы остановилъ.

Все, какъ было. Только странная
Воцарилась тишина.
И въ окнѣ твоемъ — туманная
Только улица страшна.

Словно что то недосказано,
Что всегда звучитъ, всегда . . .
Нить какая то развязана,
Сочетавшая года.

И прошла ты, сонно-бѣлая,
Вдоль по комнатамъ одна.
Опустила, вся несмѣлая,
Штору синяго окна.

И потомъ, едва замѣтная,
Тонкій пологъ подняла.
И, какъ время, безразсвѣтная,
Шевелясь, поникла мгла.

Стало тихо въ дальней спаленкѣ —
Синій сумракъ и покой,
Оттого, что карликъ маленькій
Держитъ маятникъ рукой.

---

* * *

Ты въ поля отошла безъ возврата,
Да святится имя Твое!
Снова красныя копья заката
Протянули ко мнѣ остріе.

Лишь къ Твоей золотой свирѣли
Въ черный день устами прильну.
Если всѣ мольбы отзвенѣли, —
Угнетенный, въ полѣ усну.

Ты пройдешь въ золотой порфирѣ —
Ужъ не мнѣ глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть въ этомъ сонномъ мірѣ,
Цѣловать излучѐнный путь . . .

О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой.
Ты — держащая море и сушу
Неподвижно тонкой рукой!

Незнакомка.

По вечерамъ надъ ресторанами
Горячій воздухъ дикъ и глухъ,
И правитъ окриками пьяными
Весенній и тлетворный духъ.

Вдали, надъ пылью переулочной,
Надъ скукой загородныхъ дачъ,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается дѣтскій плачъ.

И каждый вечеръ, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канавъ гуляютъ съ дамами
Испытанные остряки.

Надъ озеромъ скрипятъ уключины,
И раздается женскій визгъ,
А въ небѣ, ко всему пріученный —
Безсмысленно кривится дискъ.

И каждый вечеръ другъ единственный
Въ моемъ стаканѣ отраженъ

И влагой терпкой и таинственной,
Какъ я, смиренъ и оглушенъ.

А рядомъ, у сосѣднихъ столиковъ
Лакеи сонные торчатъ,
И пьяницы, съ глазами кроликовъ
«In vino veritas!» кричатъ.

И каждый вечеръ, въ часъ назначенный
(Иль это только снится мнѣ?)
Дѣвичій станъ, шелками схваченный,
Въ туманномъ движется окнѣ.

И медленно, пройдя межъ пьяными,
Всегда безъ спутниковъ, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И вѣютъ древними повѣрьями
Ея упругіе шелка,
И шляпа съ траурными перьями,
И въ кольцахъ узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берегъ очарованный
И очарованную даль.

Глухія тайны мнѣ поручены,
Мнѣ чье-то солнце вручено,
И всѣ души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненныя
Въ моемъ качаются мозгу,
И очи синія бездонныя
Цвѣтутъ на дальнемъ берегу.

Въ моей душѣ лежитъ сокровище,
И ключъ порученъ только мнѣ!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина въ винѣ.

---

* * *

Потемнѣли, поблекли залы.
Почернѣла рѣшотка окна.
У дверей шептались вассалы:
— Королева, королева больна.

И въ каждомъ брошенномъ словѣ
Ловили смертный недугъ.
И король, нахмуривши брови,
Проходилъ безъ пажей и слугъ.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакалъ, сжимая кольцо.
Тамъ — въ концѣ галлереи дальней
Кто-то вторилъ, зáкрывъ лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдалъ въ плащѣ голубомъ.
И, шатаясь, вторилъ тотъ самый —
Незнакомецъ съ блѣднымъ лицомъ.

---

* * *

Золотистымъ, пустыннымъ лугомъ
  Летимъ. Одни.
Вонъ, точно карты, полукругомъ
  Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картамъ ночи,
  Гдѣ твой маякъ . . .
Еще смѣлѣй намъ хлынетъ въ очи
  Неотвратимый мракъ.

Онъ моремъ ночи замкнутъ — дальный
Просторъ луговъ!
И запахъ горькій и печальный
Тумановъ и духовъ,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгій видъ,
И эхо надъ пустыней звонкой
Отъ цоканья копытъ —

Все говоритъ о безпредѣльномъ,
Все хочетъ намъ помочь,
Какъ этотъ міръ, летѣть безцѣльно
Въ сіяющую ночь!

---

* * *

Онъ спитъ, пока закатъ румянъ
И сонно розовѣютъ латы.
И съ тихимъ свистомъ сквозь туманъ
Глядится змѣй, копытомъ сжатый.

Сойдутъ глухіе вечера.
Змѣй расклубится надъ домами.
Въ рукѣ протянутой Петра
Запляшетъ факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснутъ витрины и троттуары.
Въ мерцаньи тусклыхъ площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всѣхъ укроетъ мгла.
Потонетъ взглядъ въ манящемъ взглядѣ.
Пускай невинность изъ окна
Протяжно молитъ о пощадѣ.

Тамъ, на скалѣ, веселый царь
Взмахнулъ зловонное кадило,

И ризой городская гарь
Фонарь манящій облачила!

Бѣгите всѣ на зовъ, на ловъ,
На перекрестки улицъ лунныхъ!
Весь городъ полонъ голосовъ,
Мужскихъ—крикливыхъ, женскихъ—струнныхъ.

Онъ будетъ городъ свой беречь,
И, заалѣвъ передъ денницей,
Въ рукѣ простертой вспыхнетъ мечъ
Надъ затихающей столицей.

---

* * *

Рожденные въ года глухіе
Пути не помнятъ своего.
Мы — дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи —
Забыть не въ силахъ ничего.

Испепеляющіе годы!
Безумья ль въ васъ, надежды ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ дней свободы —
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.

Есть нѣмота — то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ середцахъ, восторженныхъ когда-то
Есть роковая пустота.

И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье, —
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ Царствіе Твое.

---

* * *

Ужъ вечеръ свѣтлой полосою
На хладныхъ рельсахъ догоралъ.
Ты, стройная, съ тугой косою

Прошла по черным пятнамъ шпалъ.
Твой быстрый взоръ огнемъ докучнымъ
Меня обжогъ и ослѣпилъ.
Мгновенье . . . громомъ однозвучнымъ
Насъ черный поѣздъ раздѣлилъ . . .
Когда же чуть дрожащимъ звономъ
Пропѣли рельсы: не забудь,
И семафоръ огнемъ зеленымъ
Мнѣ указалъ свободный путь, —
Ужъ ты далеко уходила,
Уже теряла цвѣтъ трава . . .
Тамъ пыль взвилась, тамъ ночь вступила
Въ свои туманныя права . . .
Тревожный свистъ и клубы дыма
За поворотомъ на горѣ . . .
Напрасный мигъ, проплывшій мимо . . .
Огонь зеленый на зарѣ.

---

* * *

О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ
Я забывалъ на горестной землѣ,
Когда твое лицо въ простой оправѣ
Передо мной сіяло на столѣ.

Но часъ насталъ, и ты ушла изъ дому.
Я бросилъ въ ночь завѣтное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забылъ прекрасное лицо.

Летѣли дни, крутясь проклятымъ роемъ . . .
Вино и страсть терзали жизнь мою . . .
И вспомнилъ я тебя предъ аналоемъ,
И звалъ тебя, какъ молодость свою . . .

Я звалъ тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лилъ, но ты не снизошла.
Ты въ синій плащъ печально завернулась,
Въ сырую ночь ты изъ дому ушла.

Не знаю, гдѣ пріютъ своей гордынѣ
Ты, милая, ты, нѣжная, нашла . . .
Я крѣпко сплю, мнѣ снится плащъ твой синій,
Въ которомъ ты въ сырую ночь ушла . . .

Ужъ не мечтать о нѣжности, о славѣ,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо въ его простой оправѣ
Своей рукой убралъ я со стола.

---

* * *

Не уходи, побудь со мною . . .

Дымъ отъ костра струею сизой
Струится въ сумракъ, сумракъ дня.
Лишь бархатъ алый алой ризой,
Лишь свѣтъ зари покрылъ меня.

Все, все обманъ, сѣдымъ туманомъ
Ползетъ печаль угрюмыхъ мѣстъ,
И ель крестомъ, крестомъ багрянымъ
Кладетъ на даль воздушный крестъ.

Подруга на вечернемъ пирѣ,
Помедли здѣсь, побудь со мной!
Забудь, забудь о страшномъ мірѣ,
Вздохни небесной глубиной.

Взгляни съ печальною усладой,
Какъ въ свѣтъ зари вползаетъ дымъ.
Я огражу тебя оградой —
Кольцомъ изъ рукъ, кольцомъ стальнымъ.

Я огражу тебя оградой —
Кольцомъ живымъ, кольцомъ изъ рукъ!
И намъ, какъ дымъ, струиться надо
Сѣдымъ туманомъ въ алый кругъ.

---

* * *

Ты помнишь? Въ нашей бухтѣ сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военныя суда.

Четыре — сѣрыхъ. И вопросы
Насъ волновали битый часъ,
И загорѣлые матросы
Ходили важно мимо насъ.

Міръ сталъ заманчивѣй и шире,
И вдругъ — суда уплыли прочь.
Намъ было видно: всѣ четыре
Зарылись въ океанъ и въ ночь.

И вновь обычнымъ стало море,
Маякъ уныло замигалъ,
Когда на низкомъ семафорѣ
Послѣдній отдали сигналъ.

Какъ мало въ этой жизни надо
Намъ, дѣтямъ, — и тебѣ и мнѣ.
Вѣдь сердце радоваться радо
И самой малой новизнѣ.

Случайно на ножѣ карманномъ
Найди пылинку дальнихъ странъ —
И міръ опять предстанетъ страннымъ,
Закутаннымъ въ цвѣтной туманъ!

Россія.

Опять, какъ въ годы золотые,
Три стертыхъ треплются шлеи,
И вязнутъ спицы росписныя
Въ расхлябанныя колеи . . .

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя, —
Какъ слезы первыя любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу . . .
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты . . .

Ну, что-жъ? Одной заботой болѣ —
Одной слезой рѣка шумнѣй,
А ты все та же — лѣсъ, да поле,
Да платъ узорный до бровей . . .

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснетъ въ дали дорожной
Мгновенный взоръ изъ-подъ платка,
Когда звенитъ тоской острожной
Глухая пѣсня ямщика.

---

* * *

Когда въ листвѣ сырой и ржавой
Рябины заалѣетъ гроздь, —
Когда палачъ рукой костлявой
Вобьетъ въ ладонь послѣдній гвоздь, —

Когда надъ рябью рѣкъ свинцовой,
Въ сырой и сѣрой высотѣ,
Предъ ликомъ родины суровой
Я закачаюсь на крестѣ, —

Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмертныхъ слезъ,
И вижу: по рѣкѣ широкой
Ко мнѣ плыветъ въ челнѣ Христосъ.

Въ глазахъ — такія же надежды,
И то же рубище на немъ.
И жалко смотритъ изъ одежды
Ладонь, пробитая гвоздемъ.

Осенняя воля.

Выхожу я въ путь, открытый взорамъ,
Вѣтеръ гнетъ упругіе кусты,
Битый камень легъ по косогорамъ,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень въ мокрыхъ долахъ,
Обнажила кладбища земли,
Но густыхъ рябинъ въ проѣзжихъ селахъ
Красный цвѣтъ зарѣетъ издали.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ!
И вдали, вдали призывно машетъ
Твой узорный, твой цвѣтной рукавъ.

Кто взманилъ меня на путь знакомый,
Усмѣхнулся мнѣ въ окно тюрьмы?
Или — каменнымъ путемъ влекомый
Нищій, распѣвающій псалмы?

Нѣтъ, иду я въ путь никѣмъ не званый,
И земля да будетъ мнѣ легка!
Буду слушать голосъ Руси пьяной,
Отдыхать подъ крышей кабака!

Запою ли про свою удачу,
Какъ я молодость сгубилъ въ хмелю . . .

Надъ печалью нивъ твоихъ заплачу,
Твой просторъ навѣки полюблю . . .

Много насъ — свободныхъ, юныхъ, статныхъ
Умираетъ, не любя . . .
Пріюти ты въ даляхъ необъятныхъ!
Какъ и жить и плакать безъ тебя!

---

* * *

Грѣшить безстыдно, непробудно,
Счетъ потерять ночамъ и днямъ,
И, съ головой отъ хмеля трудной,
Пройти сторонкой въ Божій храмъ.

Три раза преклониться долу,
Семь — осѣнить себя крестомъ,
Тайкомъ къ заплеванному полу
Горячимъ прикоснуться лбомъ.

Кладя въ тарелку грошикъ мѣдный,
Три, да еще семь разъ подъ рядъ
Поцѣловать столѣтній, бѣдный
И зацѣлованный окладъ.

А, воротясь домой, обмѣрить
На тотъ же грошъ кого-нибудь,
И пса голоднаго отъ двери,
Икнувъ, ногою отпихнуть.

И подъ лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счетъ.
Потомъ переслюнить купоны,
Пузатый отворивъ комодъ,

И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ . . . —
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ.

---

* * *

Петроградское небо мутилось дождемъ,
  На войну уходилъ эшелонъ.
Безъ конца — взводъ за взводомъ и штыкъ за штыкомъ
  Наполнялъ за вагономъ вагонъ.

Въ этомъ поѣздѣ тысячью жизней цвѣли
  Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... Въ закатной дали
  Были дымныя тучи въ крови.

И, садясь, запѣвали «Варяга» одни,
  А другіе — не въ ладъ — «Ермака»,
И кричали ура, и шутили они,
  И тихонько крестилась рука.

Вдругъ подъ вѣтромъ взлетѣлъ опадающій листъ
  Раскачнувшись, фонарь замигалъ,
И подъ чёрною тучей веселый горнистъ
  Заигралъ къ отправленью сигналъ.

И военною славой заплакалъ рожокъ,
  Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колесъ и охрипшій свистокъ
  Заглушило ура безъ конца.

Ужъ послѣдніе скрылись во мглѣ буфера,
  И сошла тишина до утра,
А съ дождливыхъ полей все неслось къ намъ ура,
  Громыхало, катилось ура.

Сентябрь 1914.

Отрывокъ изъ поэмы «Двѣнадцать».

. . . .

Вдаль идутъ державнымъ шагомъ.
Позади, — голодный песъ.
Впереди — съ кровавымъ флагомъ, —

И за вьюгой невидимъ
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Въ снѣжной розсыпи жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
  Впереди — Іисусъ Христосъ.
1917.

Андрей Бѣлый.

род. въ 1880 г.

Свѣтлая смерть.

Тяжелый, сверкающій кубокъ
Я выпилъ: земля убѣжала —
Все рухнуло внизъ: подъ ногами
Пространство холодное, воздухъ.
Остался въ старинномъ пространствѣ
Мой кубокъ сверкающій — Со́лнце.

Гляжу: подъ ногами моими
Ручьи, и лѣса, и долины
Уходятъ далеко, глубоко,
А облако въ очи туманомъ
Пахнуло, и внизъ убѣгаетъ
Своей кисеей позлащенной . . .

Полдневная гаснетъ окрестность;
Полдневныя звѣзды мнѣ въ душу
Глядятся, и каждая «Здравствуй»
Беззвучно сверкаетъ лучами:
«Вернулся отъ долгихъ скитаній —
Проснулся на родинѣ: здравствуй! . . .»

Часы за часами проходятъ,
Проходятъ вѣка: улыбаясь,
Подъемлю въ старинномъ пространствѣ
Мой кубокъ сверкающій — Солнце.

* * *

Золотому блеску вѣрилъ,
А умеръ отъ солнечныхъ стрѣлъ.
Думой вѣка измѣрилъ,
А жизнь прожить не сумѣлъ.

Не смѣйтесь надъ мертвымъ поэтомъ:
Снесите ему цвѣтокъ.
На крестѣ и зимой, и лѣтомъ
Мой фарфоровый бьется вѣнокъ.

Цвѣты на немъ побиты,
Образокъ полинялъ.
Тяжелыя плиты!
Жду, чтобъ ихъ кто-нибудь снялъ.

Любилъ только звонъ колокольный.
И закатъ.
Отчего мнѣ такъ больно, такъ больно?
Я не виноватъ.

Пожалѣйте, придите —
Навстрѣчу вѣнкомъ метнусь.
О, любите меня, — полюбите:
Я, быть можетъ, не умеръ, быть можетъ вернусь —
Проснусь . . .

Телеграфистъ.

Окрестность леденѣетъ
Туманнымъ октябремъ.
Прокружится, провѣетъ
И ляжетъ подъ окномъ,

И вновь взметнуться хочетъ
Большой, кленовый листъ.
Депешами стрекочетъ
Въ окнѣ телеграфистъ.

Въ окнѣ кустарникъ малый
Окинетъ бѣгло взглядъ —
Протянутыя шпалы
Въ одинъ тоскливый рядъ,

Вагонъ, тюки, брезенты,
Да гаснущій закатъ . . .
Выкидываетъ ленты,
Стрекочетъ аппаратъ.

Въ лѣсу сыромъ, далекомъ
Теряются пески,
И еле виднымъ окомъ
Мерцаютъ огоньки.

Тамъ путь пространства чертитъ
Желѣзной полосой.
Постукиваетъ, вертитъ
Руками колесо.

Вновь дали мѣритъ взоромъ.
Сырой, осенній дымъ
Надъ гаснущимъ просторомъ
Пылитъ дождемъ сѣдымъ.

Картузъ на лобъ надвинулъ,
Бѣжитъ съ дежурства прочь.
Свѣтъ яркій поѣздъ кинулъ
Въ него — промчался въ ночь.

Гремя прошли вагоны,
И имъ пропѣлъ рожокъ.
Вечерній тамъ, зеленый
На рельсахъ огонекъ.

Одинъ, въ потертой формѣ,
Подъ стужей ледяной
Стоитъ онъ на платформѣ,
Гдѣ пусто и темно.

Поджогъ.

Заснувшій домъ. Старикъ во мглѣ
Прошелъ съ зажженною лучиною.
На блѣдномраморномъ челѣ
Глухая скорбь легла морщиною.

Поджегъ бумаги. Огонекъ
Заползалъ яркой, синей пчелкою.
Онъ заперъ двери на замокъ,
Объятый тьмой студеной, колкою.

Команда въ полночь пролетитъ
Надъ мостовой сырой и тряскою.
И факелъ странно зачадитъ
Надъ золотой сверкнувшей каскою.

Закрыли тучи серпъ луны.
Его сѣкутъ и хлещутъ градины.
Изъ бѣлоструйной сѣдины
Ночныхъ очей чернѣютъ впадины.

Сѣдины бьются на плечѣ.
Проходитъ улицей пустынною.
Ужъ на пожарной каланчѣ
Звѣзда взвилась, звѣзда рубинная.

Поповна и семинаристъ.

Свѣжѣетъ. Часъ условный.
Съ полей прошелъ народъ.
Вся въ розовомъ, поповна,
Идетъ на огородъ.
Какъ пава, величава.
Опущенъ шелкъ рѣсницъ.
Налѣво и направо
Все пугала для птицъ.
Жеманница срываетъ

То злакъ, то василекъ.
Идетъ, надъ ней порхаетъ
Капустный мотылекъ.

Надъ пыльною листвою
Наряденъ, вымытъ, чистъ,
Коломенской верстою
Стоитъ семинаристъ.

Прекрасная поповна —
Прекрасная, какъ сонъ,
Молчитъ — зардѣлась, словно
Весенній цвѣтъ піонъ.
Молчитъ. Подъ трель лягушекъ
Ей сладко, сладко млѣть.
На ликъ златыхъ веснушекъ
Загаръ разсыпалъ сѣть.
Не терпится кокеткѣ —
Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ —
Пришпилила къ жилеткѣ
Ему ромашкинъ цвѣтъ.
Прохлада нѣжно дышитъ
Въ напѣвахъ косарей.

Не видитъ ихъ, не слышитъ
Отецъ протоіерей.
Въ подрясникѣ холщевомъ
Прижался онъ къ окну.
Коритъ жестокимъ словомъ
Покорную жену:
«Опять ушла отъ дѣла
Гулять родная дочь.
Опять не доглядѣла.»
И смотритъ-смотритъ въ ночь.
И видитъ сквозь орѣшникъ
Въ вечерней чистотѣ
Лишь небо да скворечникъ
На согнутомъ шестѣ.

Вѣщій сонъ.

Струитъ ручей гирлянды бирюзы
Здѣсь на луга, на розовыя мяты, —
Въ пустой провалъ пережитой грозы,
Въ осеребренные туманомъ скаты.

Все кануло: глухой покой окрестъ.
Сто долгихъ лѣтъ переживаю въ грезахъ.
А надо мной горитъ могильный крестъ
Въ пурпуровыхъ, надгробныхъ, темныхъ розахъ;

А надо мною блещущая высь
Твердитъ извѣчно трепетныя пѣсни.
Ручей, разговорись — разговорись!
Душа моя, развеселись: воскресни!

Я знаю все: переживя вѣка
Старинный другъ опять въ эѳирѣ встанетъ.
Старинный другъ зоветъ издалека,
Онъ на горахъ: онъ ждетъ меня, онъ манитъ, —

Въ пылающихъ, какъ языки огня,
Одеждахъ свѣтлыхъ, съ золотой трубою . . .
Приди, приди: освободи меня —
Въ обитель свѣта уведи съ собою! . . .

Куда уводитъ блещущая весь?
Разсѣялось небытіе могилы . . .
Прими меня, не отвергай: я — здѣсь,
Другъ сказочный, полузабытый, милый . . .

Викторъ Гофманъ.

1882—1911.

Лѣтній балъ.

Былъ тихій вечеръ, вечеръ бала,
Былъ лѣтній балъ межъ темныхъ липъ.

Тамъ, гдѣ рѣка образовала
Свой самый выпуклый изгибъ.

Гдѣ наклонившіяся ивы
Къ ней тѣсно подступали вплоть,
Гдѣ показалось намъ — красиво
Такъ много флаговъ приколоть.

Былъ тихій вальсъ, былъ вальсъ пѣвучій,
И много лицъ, и много встрѣчъ.
Округло-нѣжны были тучи,
Какъ очертанья женскихъ плечъ.

Рѣка казалась изваяньемъ
Иль отраженіемъ небесъ,
Едва живымъ воспоминаньемъ
Его ликующихъ чудесъ.

Былъ алый блескъ на склонахъ тучи,
Переходящій въ золотой.
Былъ вальсъ призывный и пѣвучій,
Свѣтло овѣянный мечтой.

Былъ тихій вальсъ межъ липъ старинныхъ,
И много встрѣчъ, и много лицъ.
И близость чьихъ-то длинныхъ-длинныхъ,
Красиво-загнутыхъ рѣсницъ . . .

Борисъ Садовской.

* * *

Въ небѣ бисерныя блестки,
На морозѣ — огоньки.
Стынутъ елочки, кіоски.
Я принесъ твои коньки.

Въ шубкѣ ты проворнѣй бѣлки.
Фонари мерцаютъ въ грѣлкѣ,

Подвяжу тебѣ коньки я.
Ножки стройныя легки.

Съ бѣлой муфтой, въ платьѣ сѣромъ,
Ускоряя вѣрный ходъ,
Ты помчалась съ кавалеромъ
Разрѣзать звѣздистый ледъ.

Стынутъ лавочки и елки,
Вьются снѣжныя иголки.
Одинокій на каткѣ я.
Ты летаешь въ далекѣ.

Ты Снѣгурка, дочь Мороза,
На желѣзныхъ башмачкахъ.
Счастье — сказочная греза
Въ голубыхъ твоихъ зрачкахъ.

Стынутъ елочки, кіоски,
Въ небѣ искры, въ небѣ — блестки,
Небо блещетъ огоньками.
Мелодиченъ ходъ конька.

Н. Клюевъ.

* * *

Любви начало было лѣтомъ,
Конецъ осеннимъ сентябрёмъ,
Ты подошла ко мнѣ съ привѣтомъ
Въ нарядѣ дѣвичьи простомъ,
Вручила красное яичко,
  Какъ символъ крови и любви.
Не торопись на сѣверъ, птичка,
Весну на югѣ обожди.
Синѣютъ дымно перелѣски,
Настороженны и нѣмы,

Сквозь паутину занавѣски
Не видно тающей зимы.
Но сердце чуетъ: есть туманы,
Движенье смутное лѣсовъ,
Неотвратимые обманы
Лилово-сизыхъ вечеровъ.
О, не лети въ туманы пташкой,
Года уйдутъ въ сѣдую мглу.
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти въ углу,
И, можетъ быть, пройду я мимо
Такой же нищій и худой.
О, дай мнѣ крылья херувима
Летѣть незримо за тобой!
Не обойти тебя привѣтомъ
И не раскаяться потомъ . . .
Любви начало было лѣтомъ,
Конецъ осеннимъ сентябрёмъ . . .

---

* * *

Набухъ, оттаялъ ледъ на рѣчкѣ,
Сталъ пѣгимъ, ржаво-золотымъ,
Въ кустахъ затеплилися свѣчки,
И засинѣлъ кадильный дымъ.

Березки — блѣдныя бѣлички,
Потупясь, выстроились въ рядъ.
Я голоску веснянки-птички,
Какъ материнской ласкѣ радъ.

Природы радостный причастникъ,
На облака молюся я,
На мнѣ иноческій подрясникъ
И монастырская скуфья.

Обѣту строгому не вѣренъ,
Ушелъ я въ поле къ лозникамъ,

Чтобъ поглядѣть, какъ міръ безмѣренъ,
Какъ лучъ скользитъ по облакамъ.

Какъ пробудившіяся рѣчки
Бурлятъ на талыхъ валунахъ,
И невидимка теплитъ свѣчки
Въ нагихъ, дымящихся кустахъ.

Н. Гумилевъ.

Одиночество.

Я спалъ . . . и смыла пѣна бѣлая
Меня съ родного корабля,
И въ горныхъ водахъ, помертвѣлая,
Открылась мнѣ моя земля.

Она полна конями быстрыми
И краснымъ золотомъ пещеръ,
Но ночью вспыхиваютъ искрами
Глаза блуждающихъ пантеръ.

Тамъ травы съ дивными узорами
И рѣки — точно зеркала,
Но рощи полны мандрагорами,
Цвѣтами ужаса и зла.

На синевато-бѣломъ мраморѣ
Я высоко воздвигъ маякъ,
Чтобъ пробѣгающіе на морѣ
Далеко видѣли мой стягъ.

Я предлагалъ имъ перья страуса,
Но не рѣшился ни одинъ
Остановить движенье паруса
У этихъ гибельныхъ стремнинъ.

Всѣ чтили древняго оракула
И приговоръ его суда,
О томъ, чтобъ вѣчно сердце плакало
У всѣхъ, заброшенныхъ сюда.

Во снѣ я вижу тѣни близкія
И страны солнца и весны,
Но тяжко давятъ тучи низкія
Въ лучахъ опаловой луны.

И ежечасно одиночество
Возноситъ огненную плеть,
За то, что древнее пророчество
Мнѣ суждено преодолѣть.

Африканская ночь.

Полночь сошла, африканская темень,
Только рѣка отъ луны блеститъ,
А за рѣкой неизвѣстное племя,
Зажигая костры, шумитъ.

Завтра мы встрѣтимся и узнаемъ,
Кому быть хозяиномъ этихъ мѣстъ,
Имъ помогаетъ черный камень,
Намъ — золотой натѣльный крестъ.

Вновь обхожу я бугры и ямы,
Здѣсь будутъ вещи, мулы тутъ,
Въ этой угрюмой странѣ Сидамо
Даже деревья не растутъ.

Весело думать, если мы одолѣемъ, —
Многихъ уже одолѣли мы, —
Снова дорога пестрымъ змѣемъ
Будетъ ползти съ холмовъ на холмы.

Если же завтра волны Уэби
Въ ревъ свой возьмутъ мой предсмертный вздохъ —
Мертвый увижу, какъ въ блѣдномъ небѣ
Съ огненнымъ черный борется богъ.

Любовь Столица.

О красномъ плющѣ.

Холодно . . . Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ . . .

Въ мрачномъ саду скорбно никнетъ бесѣдка нагая,
Пурпурный плющъ ее бросилъ одну, увядая.
Зябнетъ. Тоскуетъ. Шлетъ красному другу упрекъ.
Холодно . . . Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ . . .

Печь веселится, искрится въ румяномъ покоѣ.
Въ мрачномъ саду умираютъ покорно левкои.
Грустный паукъ вьетъ послѣднiй, лучистый мотокъ.

Холодно . . . Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ . . .

Нѣтъ его . . . Нѣтъ. Согрѣвалъ, но огня не дождался.
Краснымъ усталъ быть . . . Ушелъ . . . Поблѣднѣвъ,
оторвался.
Сердце тоскуетъ. Шлетъ дальнему другу упрекъ . . .

Холодно . . . Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ . . .

На качеляхъ.

Подымаюсь, опускаюсь,
Свѣжихъ листиковъ касаюсь
Пламеннымъ лицомъ.
Приближаюсь, удаляюсь,
Я качаюсь, я качаюсь
Въ голубомъ!

Вижу тучекъ пышный локонъ,
Стройный контуръ дальнихъ оконъ,
Море красокъ — лугъ!
Вѣтеръ въ уши мягко дуетъ,
И съ испугомъ вдругъ цѣлуетъ
Шею — жукъ.

Выше, выше въ голубое!
На роскошно-снѣговое
Облачко лечу.
Бѣлымъ зонтикомъ играю,
Въ синихъ взорахъ замираю,
Хохочу!

Святки.

Какъ придутъ вечерницы святыя, —
Встанетъ мѣсяцъ въ сѣняхъ, славословя,
И на звѣзды стада золотыя —
Зорко смотрятъ хозяйки, готовя.

Подъ овчиннымъ серебрянымъ мѣхомъ
У крылецъ колядуютъ подростки,
А сестрицы ихъ, съ розовымъ смѣхомъ
Милыхъ ждутъ на глухомъ перекресткѣ.

Перестарки, нарядны и хмуры,
Не идутъ отъ сѣдыхъ ворожеекъ,
И веселыя пестрыя куры
Зерна проса клюютъ у скамеекъ.

И заходятъ къ сосѣдямъ сосѣди . . .
Лица съ холода бѣлы и алы,
А кутья на веселой бесѣдѣ
Въ снѣговые сугробы напала.

Въ перелѣскѣ-жъ, съ фатою на косахъ
Ель волхвуетъ, сбѣгая въ овражки,
Съ неба тянется мѣсячный посохъ,
На-земь снѣжные сходятъ барашки.

Анна Ахматова.

Царское Село.

Смуглый отрокъ бродилъ по аллеямъ
У озерныхъ глухихъ береговъ,
И столѣтія мы лелѣемъ
Еле слышный шелестъ шаговъ.

Иглы сосенъ густо и колко
Устилаютъ низкіе пни.
Здѣсь лежала его треуголка
И растрепанный томъ Парни.

---

* * *

Вмѣсто мудрости опытность. Прѣсное,
Не утоляющее питье.
А юность была, какъ молитва воскресная —
Мнѣ ли забыть ее.

Столько дорогъ пустынныхъ исхожено
Съ тѣмъ, кто мнѣ не былъ милъ.
Столько поклоновъ въ церквахъ положено
За того, кто меня любилъ.

Стала забывчивѣй всѣхъ забывчивыхъ.
Тихо плывутъ года . . .
Губъ нецѣлованныхъ, глазъ неулыбчивыхъ
Мнѣ не вернуть никогда.

---

19 іюля 1914 г.

Мы на сто лѣтъ состарились. И это
Все сдѣлалъ только день одинъ . . .
Короткое уже кончалось лѣто,
Дымилось тѣло вспаханныхъ равнинъ.

Вдругъ запестрѣла тихая дорога,
Плачъ полетѣлъ, серебряно звеня.

И въ этотъ день я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.

Изъ памяти, какъ грузъ отнынѣ лишній,
Исчезли тѣни пѣсенъ и страстей.
Ей, опустѣвшей, приказалъ Всевышній
Стать страшной книгой грозовыхъ вѣстей.

К. Бутковскій.

* * *

Въ окопѣ сыро. Ночь темна.
Рѣка окутана туманомъ.
И вражеская сторона
Грозна покоемъ и обманомъ.

Не воетъ подлая шрапнель,
Не скачутъ пули. Все застыло.
Росу вобравшая шинель
На мнѣ топорщится уныло.

Не вѣритъ тишинѣ земля
И ждутъ уныло пробужденья
И галиційскія поля
И галиційскія селенья.

---

* * *

Весь день скакалъ. Ночевка въ Лиско:
Мосты, рѣка, кольцо вершинъ.
На картѣ показалось близко
До Лиско. А теперь, одинъ
Рѣшился ожидать разсвѣта,
Перенеся смертельный страхъ
И растерявъ въ пустыхъ горахъ

Семнадцать человѣкъ пикета . . .
Проулки въ спящемъ городишкѣ
Полны зловѣщей тишины.
Хитро потухшіе домишки
За пять шаговъ едва видны.
Чортъ съ ними! Буду спать въ лощинѣ,
Коня къ посѣвамъ припустивъ,
Сѣдло подъ ухо подмостивъ
И вспоминая о перинѣ.

Сергѣй Городецкій.

род. въ 1884 г.

Весна.

Монастырская.

Звоны — стоны, перезвоны,
Звоны — вздохи, звоны — сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло:
Мать игуменья велѣла.
У воротъ монастыря
Плачетъ дочка звонаря:

Ахъ, ты поле, моя воля,
Ахъ, дорóга, дорогá!
Ахъ, мостокъ у чиста поля,
Свѣчка чиста четверга!

Ахъ, моя горѣла ярко,
Погасала у него.
Наклонился, дышетъ жарко,
Жарче сердца моего.

Я отстала, я осталась,
У высокаго моста.
Пламя свѣчекъ колебалось,
Цѣловалися въ уста.

Гдѣ ты, милый, лобызанный,
Гдѣ ты, ласковый такой!
Ахъ, пары весны, туманы,
Ахъ, мой дѣвичій спокой!

Звоны — стоны, перезвоны,
Звоны — вздохи, звоны — сны.
Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зелены.
Стѣны выбѣлены бѣло.
Мать игуменья велѣла
У воротъ монастыря
Не болтаться зря.

---

* * *

Ну, поцѣлуй. А въ этотъ мигъ
Умретъ ребенокъ.
И станетъ блѣденъ ликъ,
И профиль тонокъ.

На, приласкай. А наверху
Звѣзду развѣетъ:
Онъ тамъ провелъ соху
И слѣдомъ млѣетъ.

О. Мандельштамъ.

* * *

О временахъ простыхъ и грубыхъ
Копыта конскія твердятъ
И дворники въ тяжелыхъ шубахъ

На деревяныхъ лавкахъ спятъ.
На стукъ въ желѣзныя ворота
Привратникъ, царственно лѣнивъ,
Всталъ — и звѣриная зѣвота
Напомнила твой образъ, Скиѳъ,
Когда дряхлѣющей любовью,
Мѣшая въ пѣсняхъ Римъ и снѣгъ,
Овидій пѣлъ арбу воловью
Въ походѣ варварскихъ телѣгъ.

---

* * *

Какъ тѣнь внезапныхъ облаковъ —
Морская гостья налетѣла,
И, проскользнувъ, прошелестѣла —
Священныхъ мимо береговъ.

Огромный парусъ строго рѣетъ.
Смертельно-блѣдная волна
Отпрянула, и вновь она
Коснуться берега не смѣетъ.

И лодка, волнами шурша
Какъ листьями, — уже далеко . . .
И, принимая вѣтеръ рока,
Раскрыла парусъ свой душа.

---

* * *

Имѣю тѣло — что мнѣ дѣлать съ нимъ,
Такимъ единымъ и такимъ моимъ?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите мнѣ, благодарить?

Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.
На стекла вѣчности уже легло
Мое дыханіе, мое тепло.

Запечатлѣется на немъ узоръ,
Неузнаваемый съ недавнихъ поръ.
Пока мгновенія стекаетъ муть,
Узора милаго не зачеркнуть.

---

* * *

Невыразимая печаль
Открыла два огромныхъ глаза,
Цвѣточная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство,
Такое маленькое царство
Такъ много поглотило сна.

Немного краснаго вина,
Немного — солнечнаго мая —
И упоительно-живая
Тончайшихъ пальцевъ бѣлизна . . .

Айя-Софія.

Айя-Софія, здѣсь остановиться
Судилъ Господь народамъ и царямъ.
Вѣдь куполъ твой, по слову очевидца,
Какъ на цѣпи подвѣшенъ къ небесамъ.

И всѣмъ примѣръ — года Юстиніана,
Когда похитить для чужихъ боговъ
Позволила Эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

Куда жъ стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помысломъ высокъ,
Расположилъ апсиды и экседры,
Имъ указавъ на западъ и востокъ?

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ мірѣ,
И сорокъ оконъ — свѣта торжество.
На парусахъ, подъ куполомъ, четыре
Архангела прекраснѣе всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и вѣка переживетъ,
И серафимовъ гулкое рыданье
Не покоробитъ темныхъ позолотъ.

Игорь Сѣверянинъ.

Весенній день.

Весенній день горячъ и золотъ,
Весь городъ солнцемъ ослѣпленъ.
Я снова я, я снова молодъ,
Я снова веселъ и влюбленъ.

Душа поетъ и рвется въ поле,
Я всѣхъ чужихъ зову на ты.
Какой просторъ! Какая воля!
Какія пѣсни и цвѣты!

Скорѣй бы въ бричкѣ по ухабамъ,
Скорѣй бы въ юные луга!
Смотрѣть въ лицо румянымъ бабамъ,
Какъ друга цѣловать врага.

Шумите жъ, вешнія дубравы,
Расти трава, цвѣти сирень!
Виновныхъ нѣтъ — всѣ люди правы
Въ такой благословенный день.

* * *

Наша встрѣча — Викторія Регія,
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту.

Да и жизнь наша только элегія
И надежда въ мечту.

Ты пройдешь — изнываю отъ нѣги я,
Трепещу на лету,
Наша встрѣча — Викторія Регія,
Рѣдко, рѣдко въ цвѣту.

Утро.

Розовѣетъ, кружевѣетъ утромъ лѣсъ,
Паучокъ по паутинѣ вверхъ полѣзъ,
Брилліантится весенняя роса —
Что за прелесть, что за свѣтъ, что за краса!

Хорошо гулять утрами по овсу!
Видѣть птичку, лягушонка и осу!
Слушать соннаго горлана пѣтуха,
Обмѣняться съ дальнимъ эхомъ: ха-ха-ха.

Ахъ, люблю безцѣльно утромъ покричать,
Ахъ, люблю въ березахъ дѣвку повстрѣчать,
Повстрѣчать и, опираясь о плетень,
Гнать съ лица ея предъутреннюю тѣнь,

Пробудить ея невыспавшійся сонъ,
Ей повѣдать, какъ въ мечтахъ я вознесенъ,
Обхватить ея трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни какъ-нибудь!

Къ молодежи.

Восторгаюсь тобой, молодежь!
Ты всегда, даже стоя, идешь.
И идешь постоянно впередъ,
Гдѣ тебя что-то многое ждетъ.

Не желаю я думать о томъ,
Что съ тобою случится потомъ,

Что, спустя много весенъ и зимъ,
Будетъ твой крылолетъ отразимъ.

Но пока молодежь молода,
Не погаснетъ на небѣ звѣзда,
Не утопится солнце въ водѣ —
Да весенятся всѣ и вездѣ!

И смотрю я въ сплошные глаза:
Въ нихъ потопъ, а въ потопѣ — гроза.
А въ грозѣ зацвѣли васильки,
Потому я не знаю тоски.

Такъ спою, что и ты запоешь,
О восторженная молодежь,
Такъ грозово возгряну «Ура!»,
Что помретъ безвоскресно «вчера».
Я вонзаю и въ «завтра» копье,
Прославляя «сегодня» твое!

Русскій Парнассъ отличается отъ всѣхъ существующихъ антологій русскихъ поэтовъ тѣмъ, что въ него не вошли: 1) басни (Крылова, Хемницера и др.); 2) отрывки изъ произведеній драматическихъ (напр. Грибоѣдова, что нарушено одинъ только разъ: помѣщеніемъ отрывка изъ Пушкинскихъ сценъ »Пиръ во время чумы«); 3) произведенія нѣкоторыхъ поэтовъ, пользовавшихся въ свое время громкой славой, но не удовлетворяющихъ требованіямъ болѣе строгой новой критики. — Поэты расположены, за немногими исключеніями по порядку годовъ рожденія, который однако не всегда совпадаетъ съ порядкомъ годовъ расцвѣта ихъ славы и извѣстности: такимъ образомъ Тютчевъ очутился передъ Лермонтовымъ. У нѣкоторыхъ новѣйшихъ поэтовъ не удалось установить точныхъ годовъ рожденія, но и они расположены приблизительно по возрасту. — Почти всѣ стихотворенія выписаны изъ подлинныхъ собраній сочиненій данныхъ поэтовъ; только въ нѣсколькихъ рѣдкихъ случаяхъ, когда первоисточниковъ внѣ Россіи розыскать не удалось, пришлось прибѣгнуть къ выпискѣ изъ другихъ антологій и хрестоматій. — За рядъ цѣнныхъ совѣтовъ и указаній приношу благодарность г-ну Артуру Лютеру въ Лейпцигѣ.

Братъ мой и сотрудникъ по «Русскому Парнассу» *Давидъ Эліасбергъ*, которому принадлежитъ цѣликомъ выборъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго, Некрасова и другихъ, скончался 21 февраля 1920 г. въ Кенигсбергѣ, на 23-мъ году своей

жизни, не успѣвъ увидѣть даже первыхъ корректурныхъ листовъ этой книги. Да будетъ «Русскій Парнассъ», надъ которымъ онъ ревностно и любовно трудился до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, ему памятникомъ!

Мюнхенъ, Іюль 1920 г. Александръ Эліасбергъ.

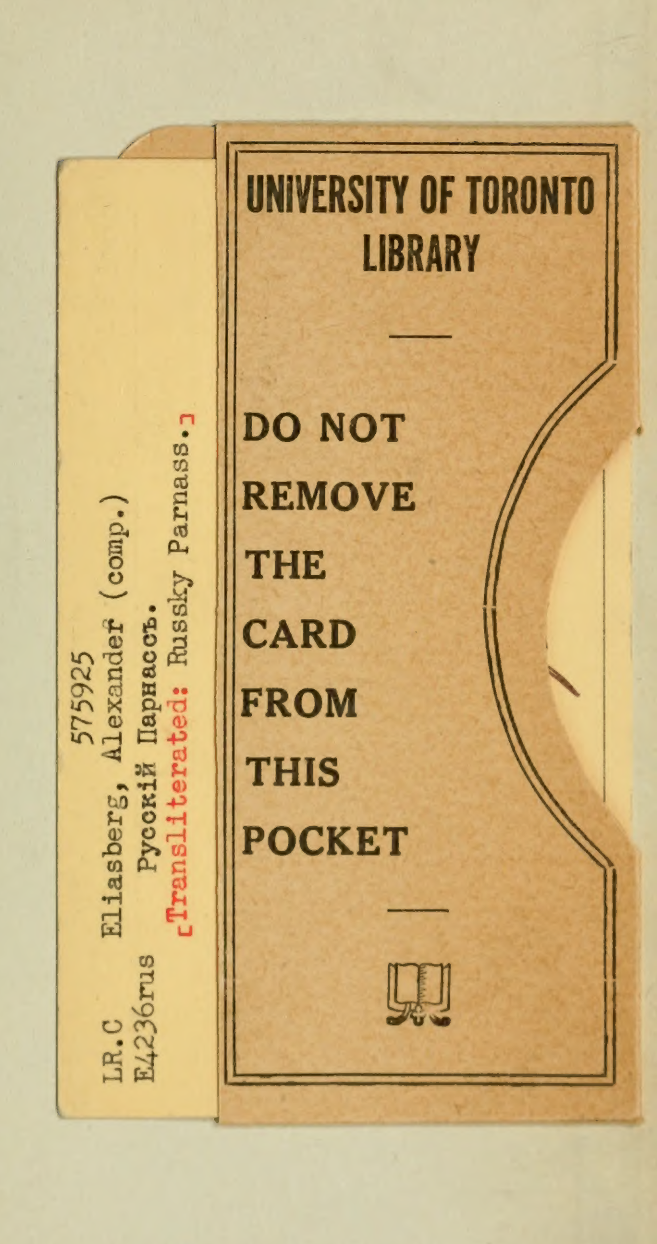
ОГЛАВЛЕНІЕ.

УКАЗАТЕЛЬ ПОЭТОВЪ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
35	14 св.	зеркалъ вазъ	зеркалъ, вазъ
73	10 сн.	міръ	мірѣ
76	5 сн.	Не кудри	На кудри
105	12 сн.	изрѣченная	изреченная
125	7 св.	Утебя	У тебя
126	4 сн.	плечь	плечъ
130	7 сн.	невольнье	невольное
133	12 св.	Не угаси	Но угаси
161	6 св.	Сторожить	Сторожитъ
192	1 сн.	Изъ за	Изъ-за
232	10 св.	У утро	И утро
284	9 сн.	середцахъ	сердцахъ
288	5 сн.	гвоздъ, —	гвоздь, —

Типографія Шпамера
въ Лейпцигѣ


LR.C
E4236rus
575925
Eliasberg, Alexander (comp.)
Русскій Парнассъ.
[Transliterated: Russky Parnass.]
UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET